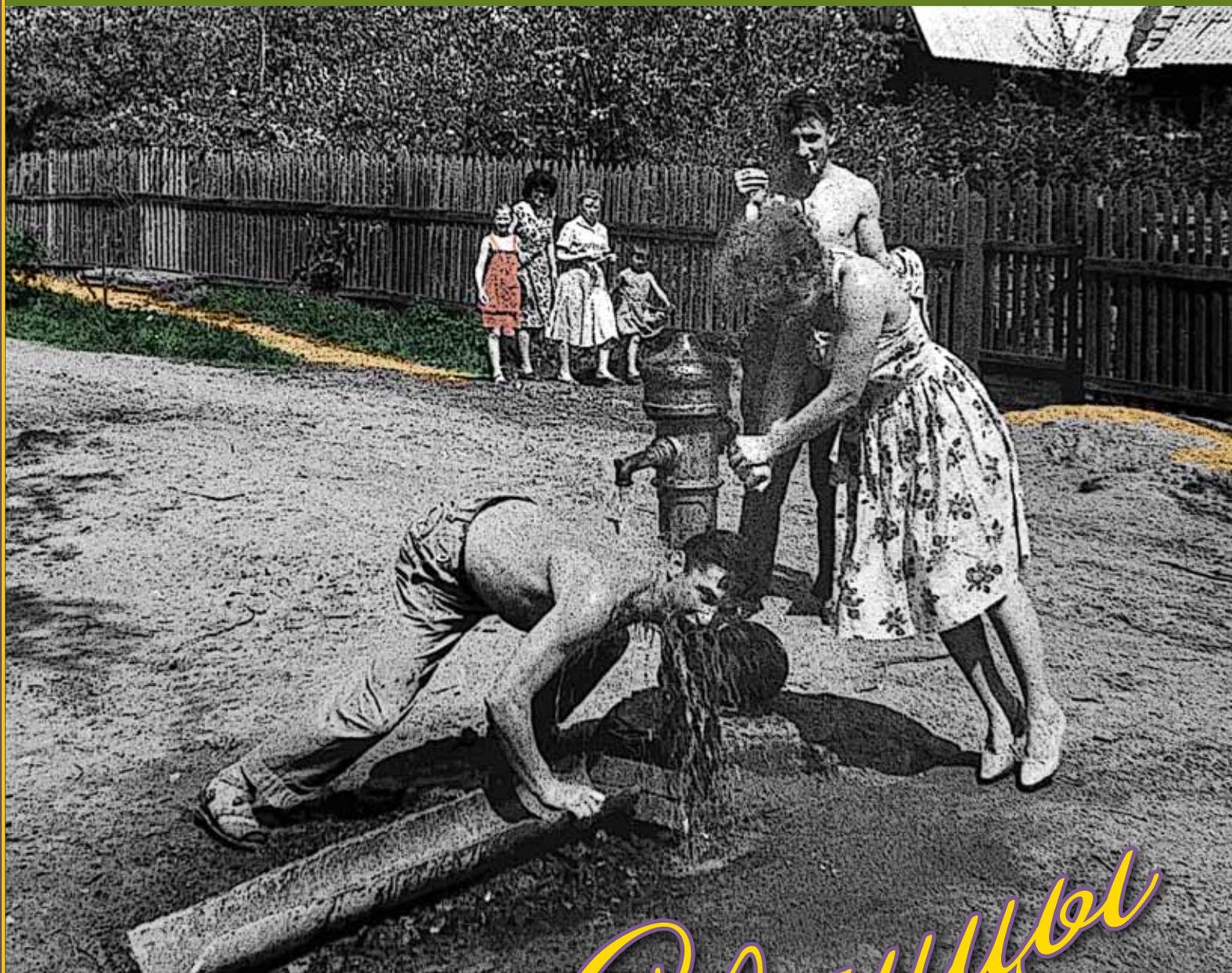

МЫТИЦЫ

Ю. БАРОНКИН, Е. ДЫМОВА
Т. ЛИТВИНИЧЕВА, Г. СМИРНОВ
В. ХОМУТСКИЙ

*Улицы
нашего
детства*

*Ю. Баронкин
Е. Дымова
М. Литвиничева
Д. Смирнов
В. Колупский*

МЫТИЩИ

*Улицы
нашего
детства*

**Мытищи
2012 г.**

Уважаемые читатели!

Перед вами книга, написанная нашими земляками – мытищинцами.

Авторы статей люди разных профессий, но их объединяет одно – они любят и знают наш город, его историю, его жителей. Их детство пришлось на 40–е – 50–е годы прошлого века, когда еще были свежи в памяти невзгоды, тяготы, утраты Великой Отечественной войны. Бесхитrostные рассказы высвечивают особенности жизни и быта того периода и, главное, – судьбы людей, на своих плечах вынесших военное лихолетье и послевоенное восстановление страны.

Историю можно изучать по учебникам. А можно – по воспоминаниям современников. И насколько же очевиднее и понятнее становятся на первый взгляд сухие исторические факты, события! Безусловно, в книге присутствует еще один герой – это любимый город, его улицы, его прошлое и настоящее, без которых авторы не мыслят свою жизнь.

Чувствуется, что каждая страничка сборника написана памятью сердца, и это вряд ли кого оставит равнодушным.

Уверен, что книга найдет своего благодарного и вдумчивого читателя.

**Александр КАЗАКОВ,
глава городского поселения Мытищи**

Возвращение в юность

По Старым и Новым Мытищам

Летним утром с моим давним другом журналистом Юрием Баронкиным стоим на центральной площади Мытищ и намечаем маршрут похода по улицам нашей юности. Вспоминаем уже далекие шестидесятые, когда площадь выглядела скромнее, да и здание администрации было без своих знаменитых часов. В сквере за памятником Ленину (скульптор П. Яцыно) еще не били фонтаны, а театр «ФЭСТ» был кинотеатром «Родина». Здесь не только показывали фильмы, но и проводили выставки местных художников. Еще можно было посетить городской музей, а в 80-е годы попасть в первый муниципальный театр «Зеленая зона».

Юрий предлагает пройти по улице Щербакова и выйти к Дворцу культуры «Яуза». Он вспоминает время, когда улицы Щербакова еще не было, и первые жители переходили речку по бревнам с настеленными досочками. Особенно трудно было «переправляться» весной, осенью и зимой. Это время я не застал, но в более поздние годы, посещая тетушку, проходил по мосту мимо известной пивной – «шайбы». В числе первых посетителей заказал костюм в только что открывшемся ателье Дома быта.

Все же решаем пройти по центру к Старым Мытищам...

Вдалеке на берегу Яузы виден Дворец культуры – знаменитый долгострой 80-х годов, который благодаря усилиям первого всенародно избранного главы района Анатолия Константиновича Астрахова был завершен и стал еще одним очагом культуры города.

Перед недостроенным Дворцом высилась крупная скульптура женщины, по замыслу авторов символизировавшая Родину-мать. Это был один из вариантов оформления музейного комплекса в Москве на Поклонной горе. Проект отклонили, и скульптура была установлена в Мытищах как дар городу от Завода художественного литья. К сожалению, скульптура была выполнена из непрочного материала и, несмотря на покраску «под бронзу», ветшала, и ее убрали. На площади перед Дворцом возвели монумент «Землякам-мытищинцам во славу ратного и трудового подвига в годы войны 1941–1945 гг.». У его подножия горит Вечный огонь.

Не спеша идем по Новомытищинскому проспекту. Юрий вспоминает, что здесь проходила разбитая дорога с редкими машинами и одним рейсовым автобусом. Вместо парка простиралась низина и огороды. Главной достопримечательностью являлись дома, построенные пленными немцами. Небольшой их лагерь в один барак за колючей проволокой, с двумя сторожевыми вышками находился там, где сейчас тепловой узел.

Баронкин помнит, как с шараповскими мальчиками бегал смотреть на работающих «фрицев», и один из них угостил его бутербродом с настоящим сливочным маслом. Пленных кормили по солдатским нормам. Наши жители питались скромнее.

С моим попутчиком спорим, где проходила железнодорожная ветка от Мытищ до окраин деревни Ядреево. В 60-е годы там в трофейных пассажирских вагонах жили строители.

1. Вид с центральной площади города Мытищи на пересечение Новомытищинского проспекта и улицы Мира. 1960–е годы"

2. Новые Мытищи. Памятник В.И. Ленину. Скульптор П. Яцыно. 1960–е годы

1. Новые Мытищи. Парад на центральной площади города 7 ноября 1966 года.

На втором плане виден дом № 34 по Новомытищинскому проспекту

2. Новые Мытищи. Мостик через реку Язуз в районе института имени Эрисмана. 1965 год

3. Новые Мытищи. Улица Щербакова. 1967 год

4. Голубые мытищинские ели. 1965 год. В сквере около памятника В.И. Ленину

Пленными был построен городок МПС, школа № 8 и другие дома по улице Мира. Он уверен, что железнодорожную ветку проложили специально от станции, но старожилы утверждают, что она была продлена от путей Вторчермета, войсковой части, поворачивала влево и шла параллельно улице Мира вдоль нынешней улицы Крупской.

Юрий показывает старые фотографии, сделанные им в 60-е годы и присланные читателями газеты «Мытищи» (издавалась в начале 90-х годов XX века).

Интересную историю рассказал мытищинец

Виктор Хомутский. Когда он служил срочную службу в спецназе, при возвращении из отпуска в Потсдаме встретил пожилого немца-железнодорожника. Будучи пленным, тот строил дома в наших Мытищах и был очень доволен, что они стоят уже более 20 лет и в них живут люди.

По маршруту нашей прогулки справа от нас городской парк с ажурной оградой и ухоженными аллеями. У главного входа органично вписался в парковый ансамбль памятник мытищинцам, погибшим при исполнении воинского и служебного долга. Автор композиции художник Андрей Волошин, наш земляк.

1

1, 2. Новые Мытищи. Памятник мытищинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Открыт 7 ноября 1981 года. На втором плане строящееся здание РДКД «Яуза». В настоящее время на этом месте площадь перед Дворцом культуры"

2

1. Новые Мытищи. Вид на четную сторону улицы Мира. 1950–е годы

2. Новые Мытищи. Вид на перекресток улицы Мира и Новомытищинского проспекта. 1950–е годы.
Слева – строительство актового зала исполкома города, в настоящее время Мытищинская картинная галерея

Улицы нашего детства

1. Новые Мытищи. Вид на четную сторону улицы Мира и парк. 1950–е годы.
Снимок сделан с 4–го этажа дома № 13/11 по улице Мира. Из архива семьи Бельских

2. Новые Мытищи. Улица Мира, дом № 6. 1950–е годы

1

2

Он нашел оригинальное решение. Дополнить композицию можно доской с именами десятков наших земляков, отдавших жизнь в мирное время.

Останавливаемся на перекрестке Новомытищинского проспекта и улицы Колпакова. Несомненной достопримечательностью этого места является дом, где расположен магазин «Рубин». Добротное здание, построенное теми же немцами, и сейчас смотрится внушительно. В доме надстроены две художественные мастерские наших маститых художников Владислава Скока и Льва Журавлева. У Скока многие годы собиралась творческая интеллигенция, обсуждались новые работы, подводились своеобразные итоги персональных, осенних и весенних выставок. Здесь зарождались идеи создания Ассоциации мытищинских мастеров кисти, открытия картинной галереи. Как хорошо, что все это воплотилось в жизни города.

Далее по Новомытищинскому проспекту справа идут «красные дома» – скромные, но прочные двухэтажки, возведенные теми же пленными немцами. В одном из этих домов жила Мария Игнатьевна Джугашвили (Нусберг), медсестра, эстонка по национальности, последняя жена Василия Сталина. Они познакомились в Москве в институте Вишневского, куда Василия поместили на лечение после освобождения из тюрьмы в 1960 г. Марию представили персональной сиделкой к знаменитому больному. Василий неоднократно бывал в Мытищах в квартире на Новомытищинском. Впоследствии они переехали в Москву, а затем в Казань, где Василий скончался. В Мытищи Мария не вернулась. Юрий Баронкин рассказал эту историю. Он бывал в квартире семьи Джугашвили, разговаривал с соседями, когда готовил очерк о сыне Сталина.

Новомытищинский, словно река, растекается на два русла. На краю Шараповского карьера, образовавшегося за столетия при разработке глины для кирпичных заводов, высится величественный храм Рождества Христова. Возведенный методом народной стройки, он украшает город. Жители и гости города вно-

сили свои средства, покупая кирпичи и ставя на них свои автографы. Эти именные кирпичи шли на кладку стен. На нескольких есть автограф тогдашнего губернатора Московской области Б.В. Громова.

Карьер застроился современными домами и имеет свои новые улицы и переулки. Выгодно отличаются от всей массы зданий первые новостройки, образовавшие улицу имени Белобородова.

Когда-то, в конце 20-х годов XX века, здесь, в карьере, планировалось построить гигантский стадион, а потом многие годы окрестные жители держали здесь небольшие огородики. Юрий вспоминает, как в послевоенные годы только отчаянные мальчишки съезжали на лыжах с крутых склонов древнего карьера.

Наш путь лежит дальше, мимо всевозможных учреждений, банка, развлекательного центра. Справа открывается вид на микрорайон, построенный на месте бывшей деревни Шараповки. А моему спутнику видится зеленая деревенская улица с домишками и покосившимися палисадниками, где все лето цвели золотые шары, мелким прудиком – отрадой деревенских мальчишек, местом далекого босоногого детства. Слева по ходу движения – здание бывшей шараповской школы № 14.

Ближе к станции Мытищи, на окраине бывшего карьера, стояло старейшее предприятие «Вторчермет». Уже на его территории нет знаменитых свалок металлолома. Юрий вспоминает, как лазили в детстве на настоящий паровоз, что многие годы простоял на заводских рельсах.

Далее по маршруту – громада торгового центра «Красный Кит». Он построен на месте скромного продмага, где всегда можно было приобрести бутылочку вина сорта «Слезы Мичурина» или иного из серии «Плодовое», плавленный сырок «Дружба» и с компанией таких же любителей посидеть и выпить «на граните». За дырявым забором неподалеку громоздились гранитные глыбы – заготовки несостоявшихся памятников мастерской Завода художественного литья.

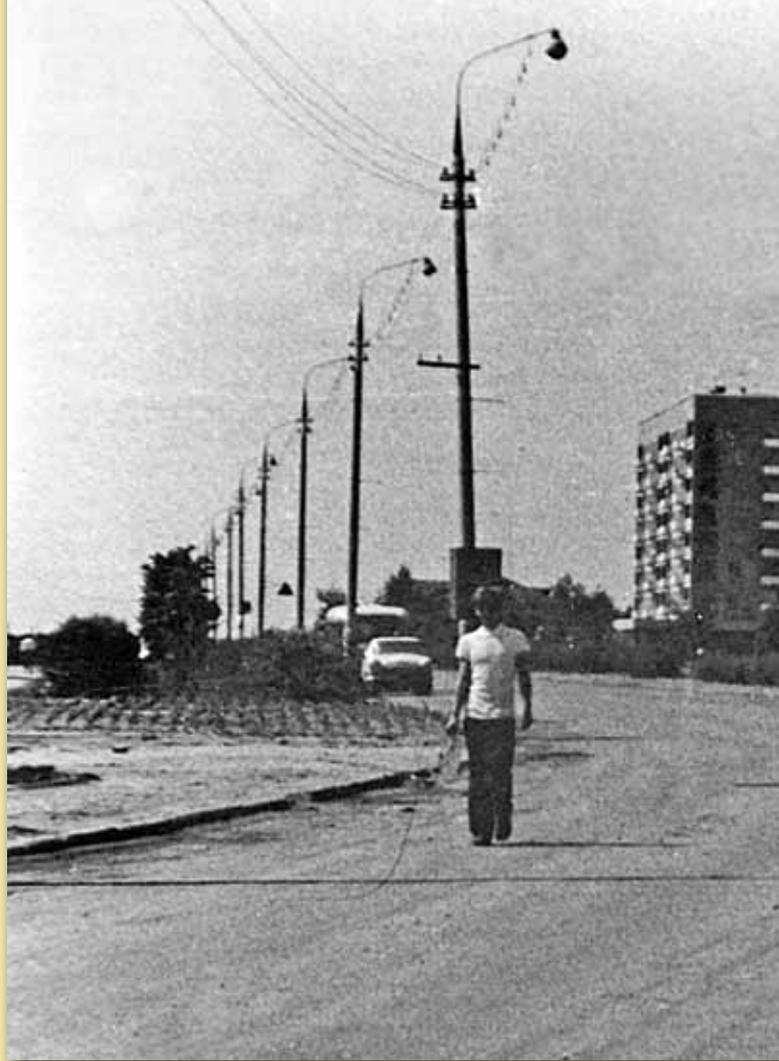

1. Новомытищинский проспект. 1980 год

2. Новомытищинский проспект. 1970-е годы. Справа виден дом № 31 корпус 1

1. Новомытищинский проспект. 1974 год.
Вид на дома №№ 70, 76, 78

2. Новомытищинский проспект. Вид со стороны парка. 1950–е годы.
В доме № 30/1 в начале 1950–х годов располагались органы административного управления города и района, военкомат^м

1. Деревня Ядреево. 1965 год.
Снимок сделан в районе современной школы № 28

2. Новые Мытищи. Ядреевское шоссе. 1967 год.
Ныне улица Колпакова. Снимок сделан в районе современной школы № 28

1

2

Мытищи. Улицы нашего детства

2

1

1. Начало Олимпийского проспекта. 1979 год

2, 3. Улица Спортивная. 1963 год.

На карте города уже не значится. Проходила в районе Олимпийского проспекта

3

Старые Мытищи. Встреча студентов Мытищинского индустриального техникума – участников велопробега Москва–Ленинград–Москва. Мытищи. 4 августа 1953 года. Вид на привокзальную площадь и улицу Колонцова, справа здание универмага (до реконструкции)

Рядом с торговым комплексом «Красный Кит» – ресторан. Только старожилы могут знать, что это перестроенное здание средней школы № 1, самой первой в Мытищах.

На привокзальной площади толчея из автомашин, маршруток, автобусов. Отсюда можно попасть в любой уголок города да и района. Пользуется у населения популярностью и рынок. В главном здании с надстройкой не узнать первую мытищинскую электростанцию для электричек, что пошли от Москвы в 1929 году.

С ностальгией вспоминаем летний сад. Он почти исчез под зданиями торгового центра «Фрегат», да и пролегший Олимпийский проспект укатал некогда уютные аллеи любимца горожан. О былом напоминают чудом сохранившиеся старые липы.

Поднимаемся на переходной мост через железную дорогу. Открывается до слез знакомая панорама Вагонного завода со старыми цехами, водонапорными башнями. Время как будто остановилось. Та же вокзальная площадь с памятником вождю. К нему то пристраивали гранитную трибуну, то убрали.

Сохранился с 30-х годов перестроенный универмаг. Он скромно выглядит в соседстве с более молодыми и зазывно кричащими торговыми собратьями-конкурентами.

Главная улица Старых Мытищ почти не изменилась. Корпуса «Химволокна», ГИПРОИВа, переоборудовали в торговый центр, по-новому заиграло после реставрации здание «Вискозы» постройки начала XX века, давно исчезла неуклюжая «пожарка», но ее отсутствие никого не волнует. О ней помнят только старожилы. Как и век назад, вдоль улицы тянется унылая кирпичная стена «Метровагонмаша». Улицу немного оживляет здание бывшей аптеки. Сейчас здесь какая-то контора. Все так же грозно у проходной смотрится мытищинская самоходка, выпускавшаяся в годы войны. В маленьком скверике затерялся памятник Колонцову. О нем писали все путеводители по городу.

Останавливаемся около старейшего книжного магазина «Могиз». Сколько интересных книг он подарил мытищинцам за свои 80 лет! Вспоминаем, как ждали выборы депутатов в Советы разных уровней. На избирательные участки в школы обязательно привозили книги из числа дефицита. Да и так постоянным покупателям могли «оставить» нужное издание.

Впереди речушка Работня, а за ней шумит широкая Ярославка, которую уже называют трассой «Холмогоры». Всю правую сторону Больших Мытищ снесли, и только левый ряд домов благодаря Владимирской церкви напоминает, что здесь было село.

Подходим к храму. Там идет воскресная служба. Юрий вспоминает, как он с фотоаппаратом по заданию редакции делал снимки останков из захоронений на церковном кладбище, где когда-то покоились известные люди, в том числе и царская кормилица Авдотья Карцева. Обходим храм. Жалеем, что после ремонта исчезли с окон лепные оригинальные наличники. Возможно, их со временем восстановят.

От храма возвращаемся по улице, носящей имя основоположника научного коммунизма Карла Маркса. В Старых Мытищах она была второй по значимости и называлась улицей Лабунского, в честь управляющего Вагонного завода. Она вела не только к храму, но и к рынку.

Останавливаемся на пересечении с улицей Абрамова. Направо – Олимпийский проспект. Он поглотил зеленые и уютные улицы Спортивные, Кадомцева. За Олимпийским – микрорайон Леонидовка, некогда известное дореволюционное дачное место.

Идем по улице Абрамова. Когда-то здесь находился небольшой городской кинотеатр еще дореволюционной постройки.

Расстаемся на привокзальной площади. Мне ехать в Москву, а Юрию – домой в Новые Мытищи. Пусть на час, но мы оба вернулись в наше далекое, по-своему счастливое детство.

Геннадий Смирнов

1

1. Старые Мытищи. Улица Колонцова, дом № 43.
Бывший магазин «Книги»

2. Старые Мытищи. Улица Колонцова.
Здание пожарной части.
Не сохранилось

3. Старые Мытищи. Улица Колонцова, дом № 33.
В этом здании долгое время располагалась аптека

2

3

2

1. Старые Мытищи. Улица Колонцова, дом 1/15.

Пристройка к бывшему зданию Дома Советов. Вид со стороны улицы Абрамова

2. Старые Мытищи. Улица Колонцова. Вид на контору Мытищинского машиностроительного завода. 1960–е годы.

*Здание снесено в 1973 году. Фотография передана в музей А.А. Бусовым**

3. Старые Мытищи. Строительство ГИПРОИВа. 1969 год.

Вид со стороны улицы Абрамова

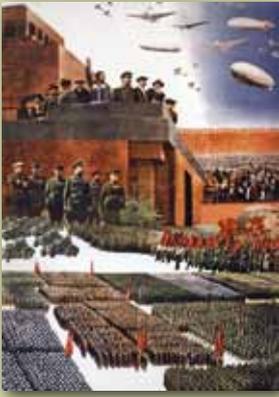

3

По волнам

ПАМЯТИ

ПЯТИПЕТКУ В ЧЕТЫРЕ ГОДА!

**СВОЕВРЕМЕННЫЙ ПУСК СТАПЕЛИТЕЙНОЙ – ДЕПО ЧЕСТИ
ВСЕГО КОЛЛЕКТИВА ЗАВОДА!**

МЫТИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА «КУЗНИЦА». 29 ИЮНЯ 1932 ГОДА

Мытищи 30-х годов

Мытищи, 1928 год. Три года прошло с того момента, как Мытищи получили статус города. За этот сравнительно короткий срок удалось преодолеть общегосударственную разруху, вызванную Гражданской войной. Начали выходить из кризиса Вагоностроительный завод, фабрика «Вискоза», кирпичные заводы. Все это требовало новых рабочих рук. Встал вопрос о строительстве жилья, медицинских учреждений, школ. Было много других проблем с обеспечением жизнедеятельности города.

Несмотря на нехватку средств, строительных материалов в 1928–1929 годах, сумели построить несколько двухэтажных жилых деревянных домов, родильный дом, клуб вагонного завода. Заложили стадион «Торпедо», отремонтировали здания школ. Значительно расширили деревянной склад около железнодорожных путей. Для обеспечения топливом (уголь отпускался только железнодорожникам) использовали торф в брикетах. Торфяная крошка была значительно дешевле. Планировалось проведение канализации, но пока лишь расширили полигон с ямами для ассенизации в районе нынешнего РДКД «Яуза». Шарاپовские жители охотно пользовались дармовым удобрением для выращивания овощей и знаменитой «шарাপовской» капусты. Впереди было возведение Дома Советов, школ, парка культуры и отдыха. В Тайнинке началось строи-

тельство рабочего поселка из двухэтажных бревенчатых домов (архитектор Н. Котур). Возвели клуб «Пролетарий». К 1932 году поселок был заселен.

Апофеозом градостроительства стало здание на углу улиц Колонцова и Абрамова (сохранилось). В народе оно получило название Дом Советов. В облике этого здания наиболее ярко воплотились идеи конструктивизма, господствовавшие на Западе. Это одна из редких сейчас построек в Подмосковье.

На привокзальной площади в Мытищах (здание сохранилось в перестроенном виде) и в Перловке (не сохранилось) построили универмаги (универсальные магазины), где на первом этаже предлагались продовольственные, а на втором – промышленные товары.

К началу 30-х годов население Мытищ увеличилось почти вдвое и составило более пятнадцати тысяч человек. Шло интенсивное строительство жилья в Перловке, на Дружбе, в Строителе. Ожидалось дальнейшее увеличение численности за счет жителей Москвы, выселяемых по плану реконструкции в 30-е годы.

Укреплялось и расширялось производство. В 1929 году железнодорожная ветка Москва–Мытищи была электрифицирована. Вагонный завод начал выпуск первых в стране пассажирских электропоездов. Для пополнения технических кадров открыли машиностроительный техникум.

1

1. Станция Мытищи. 1929 год

**2. Мытищи. Строительство клуба ММЗ. 16 ноября 1928 года.
Современный адрес здания – Олимпийский проспект, дом № 14**

2

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ!

ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЙ

ЗНАНИЯ – РЫЧАГ ПРОИЗВОДСТВА!

Начато строительство нового корпуса больницы, открылся городской хлебозавод. Построены новые здания школ № 2 в Леонидовке и № 5 в Перловке. Здания сохранились.

Вместе со всей страной в Мытищах широко проводилась спортивная и оборонно-массовая работа. В 1934 году создается районная планерная школа, а в 1936 году – аэроклуб, давший стране сотни летчиков и парашютистов. Среди подмосковных городов Мытищи были передовыми в марш-бросках, автопробегах, лыжных походах, а также в стрелковом спорте. Настоя-

щими энтузиастами своего дела являлись авиаспециалист Петр Щитнев, стрелки Степан Добычин и Василий Губарев.

Футбольная команда Северной железной дороги, сформированная в основном из мытищинцев, успешно выступала на различных соревнованиях. В ее составе были Петр Викторкин, братья Семичастные. Впоследствии Михаил Семичастный стал выдающимся спортсменом.

Город жил, рос, развивался. Впереди были годы созидания и трудных испытаний.

Денис Смирнов

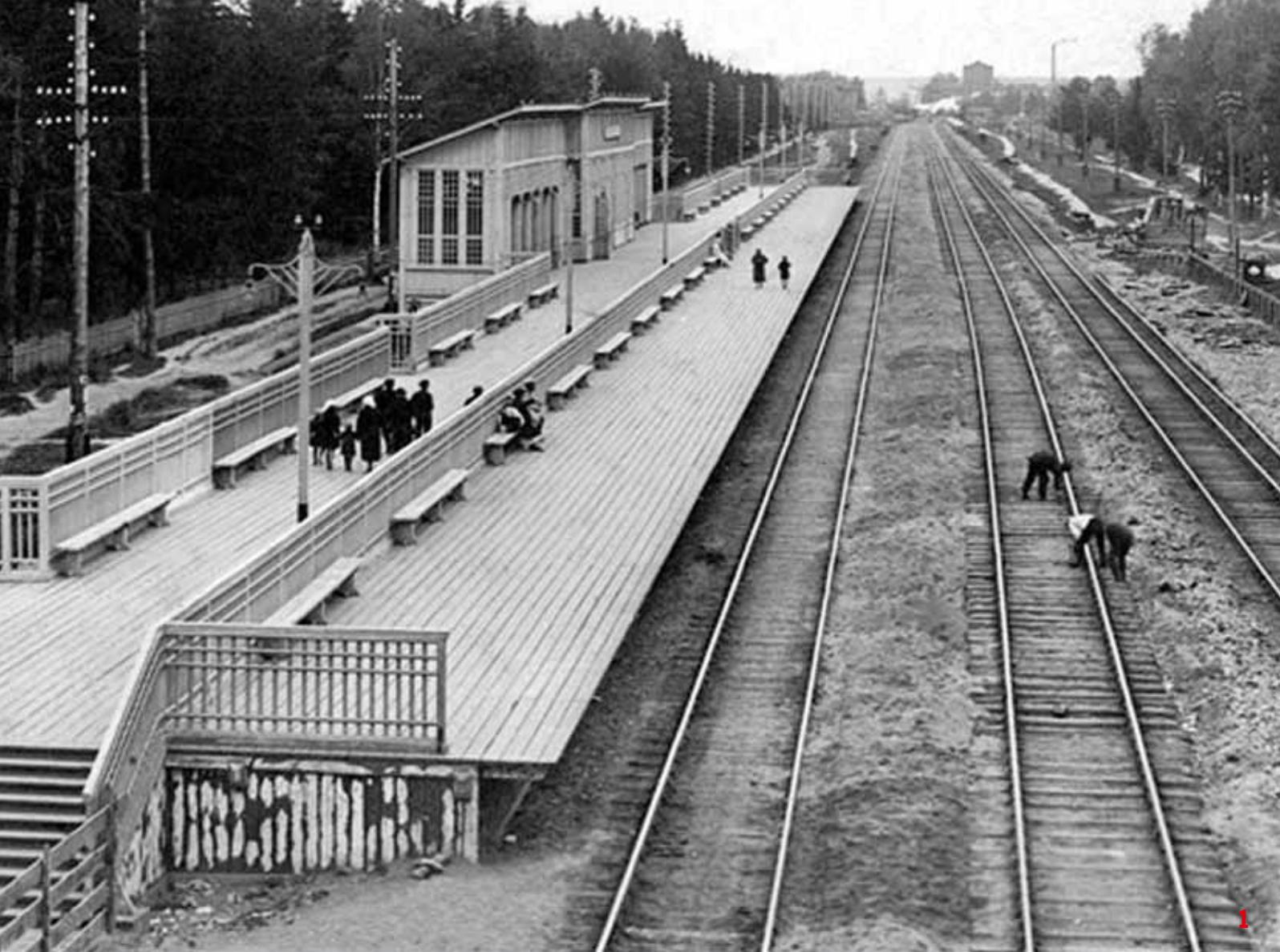
Годы и мода

Красная косынка, гимнастерка, рубаха-косоворотка, изредка кожаная куртка, фуражка, ремень, сапоги или ботинки с обмотками – таким был облик жителей Мытищ и окрестностей после Гражданской войны.

С середины 20-х годов с введением новой экономической политики стиль одежды несколько меняется. Уже не считаются «буржуазными» толстовки и блузки, пиджаки и галстуки. Женщины носят маленькие сумочки, мужчины – совслужащие – портфели. Учреждения и учебные заведения заполнили представители победивших классов: рабочие и крестьяне. По воспоминаниям старожил, заветной мечтой мужской половины молодежи были импорт-

ные брюки, прозванные в народе «полпред» и заграничные ботинки «Джимми», прочные, из добротной кожи, тупоносые. Вскоре этот фасон освоили и отечественные обувные фабрики «Скорострел» и «Буревестник». Головы мужчин украшали матерчатые фуражки белого или защитного цвета, а также кепки с большими козырьками или тюбетейки.

Челки, беретки, жакеты, длинные белые платья, полуботинки и туфли на резиновой подошве, которые красились зубным порошком, – так выглядела молодежь вплоть до конца 30-х годов. На одном из фото моя тетушка-студентка вместе с подругами. Все в белом, и только одна из них в трикотажной полосатой футболке.

1. Электрификация железной дороги. Платформа Тайнинская. 1929 год.
Вдали видны постройки в районе железнодорожной станции Мытищи

2. Железнодорожная станция Мытищи. 1929 год

**ВОСПИТЫВАЙ ДЕТЕЙ С ПОМОЩЬЮ ПЕДАГОГА,
А НЕ БОГА**

**ВОСЬМОЕ МАРТА — ДЕНЬ ВОССТАНИЯ
РАБОТНИЦ ПРОТИВ КУХОННОГО РАБСТВА!**

Невольно вспоминается картина художника Дейнеки «Рабфак идет».

Короткие стрижки женщин требуют новых головных уборов. Появляются шляпки. Мечтой многих молодых девушек был беретик белого или серого цвета. На него тетушка откладывала деньги из крошечной стипендии более полугода, а пока брала напрокат у сестры. Женщины–работницы сохраняли свой традиционный головной убор – платок.

Прически мужчин не отличаются большим разнообразием. Длинные волосы считались признаком богемности. Их носили артисты, художники, некоторые писатели. Короткая стрижка, а то и бритые головы «наголо» считались особым шиком. Рассказывали, что в конце 30–х годов на одном из физкультурных парадов на площадь было выведено несколько сот бритых спортсменов. Хрестоматийным стал образ поэта Маяковского с обритой головой.

Середина 30–х годов не внесла серьезных изменений в моду. Мужчины окончательно реабилитировали костюм. Почти исчезают сапоги и весь военно–революционный ассортимент. Только партийно–чиновничий аппарат в подражание вождям носит полувоенные френчи и фуражки. Появились мужские и женские прорезиненные плащи, распространяющие специфический запах продукции «Резинтреста».

Женщины начинают носить костюмы с шелковыми блузами различных цветов, газтовые шарфики и косынки.

Мытищинская фабрика «Вискоза» работала на полную мощность. В магазинах можно купить

мужские полуботинки и модные женские туфли на каблучке – «лодочки». Пролетарско–молодежные носочки заменялись чулками и как атрибут остаются только для летних прогулок, спортивных соревнований и парадов. В обиход входят новые ткани хорошего качества, такие как бостон и шевииот. Вспоминается скороговорка: «Вшила шелковый отворот швея «Московшвея» без швов в шевииот».

Особняком от общей моды стояла полувоенная одежда пионеров и комсомольцев. В знак солидарности с комсомолом революционной Германии надевались гимнастерки с узенькими ремнями и портупеей через плечо – «юнгштурмовки», но с приходом фашистов к власти их запретили, так как они стали официальной формой гитлерюгенда. Пионерскими головными уборами 30–х годов были панамы и пилотки, как у испанских республиканцев. Гимнастерки сохранялись у работников ОСОАВИАХИМа, членов аэроклубов и других оборонных организаций. Приближались «сороковые–роковые» со своими суровыми законами.

Теннадий Смирнов

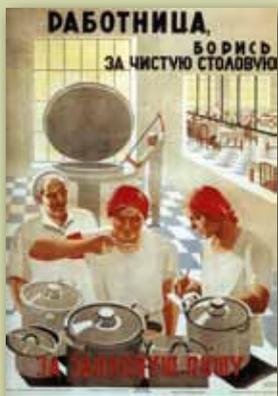

1. Молодые работники фабрики «Пролетарская победа»: слева студент Анатолий Николаев; справа рабочий Сергей Бузанов. 1932 год

2. Слева студентка Мария Бузанова и служащая Нина Монахова. Город Мытищи. 1934 год

3. Работники ОСОАВИАХИМа: слева Василий Смирнов; справа Петр Щитнев. Мытищи. 1938 год

**РАБОТНИКИ ТЕКСТИЛЬНОЙ И ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ!
БОЛЬШЕ ПРОЧНЫХ ТКАНЕЙ И КРАСИВЫХ ИЗДЕЛИЙ!**

**МОБИЛИЗОВАТЬ КРАПИВУ НА ФРОНТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА!**

Странички быта мытищинцев в 30-е годы XX века

Перелистаю старые семейные фотографии. Их чуть более двух десятков. На меня смотрит целая эпоха 20-х – 30-х годов. Вспоминаются различные мелочи быта, рассказы матушки о тех временах, да и 40-е годы во внешнем облике людей и условиях жизни мало в чем изменились. Большинство населения селилось в коммуналках, под которые приспособили большинство дач, а двухэтажные дома на Дружбе, в Перловке и Тайнинке в связи с регулярными уплотнениями были такими же квартирами с общей кухней, коридором и т.д. Помню дом, где я проживал с родителями с 1938 года. Бывшая дача Балдина была переоборудована под жилье для трех семей. Общий коридор, где на стене висели два велосипеда, стояла детская коляска, кухня с большой плитой, топившаяся только в зимнее время, три деревянных кухонных стола, где нашли свое место две керосинки и один примус. На стенах жестяные тазы и корыта для стирки и купания малышей. Туалет имелся для зимнего употребления. Летом использовался уличный, в углу участка. К нему был пристроен такой же для соседних жителей. Отопление было печным. Дрова покупала каждая семья,

а для зимней топки кухонной печи вскладчину. Работникам железнодорожного транспорта полагался «угольный паек» в виде второсортного каменного угля. На нашей улице были две такие семьи.

На участках стояли сараи, где хранились запасы дров, инвентарь, включающий двуручные пилы, лопаты, грабли, тележки, санки и все, что было так необходимо в повседневной жизни. Садовые участки раскапывались под огороды и посадки плодовых кустарников. Владельцы домов могли себе позволить и плодовые деревья. Строго запрещалась вырубка естественно росших сосен и лип, что сохранились от дачных времен (в годы войны этот запрет обходили под любыми предлогами).

Внутреннее убранство жилищ было очень скромным. В наших двух комнатах из мебели имелись: кровать двуспальная еще дореволюционного производства, обеденный стол, сундук, тех же времен и детская кроватка с сеткой (в последующие годы она поочередно использовалась по прямому назначению для моих сестер). Из новых покупок мебелировку дополнили одностворчатый фанерный платяной шкаф «под дуб» с ящиком для обуви, диван и легкая

1

1. Мытищинская водоканал. 1930–е годы.
Ныне территория ОАО «Водоканал–Мытищи»

2. Тайнинка. У дома «Рабочего жилищно–строительного кооперативного товарищества «Пролетарий». 1920–е годы»

2

этажерка из трех полок, где размещались набор пластинок (в специальном ящике), патефон (признак достатка). Верхнюю полку венчали две фотографии моих родителей в рамках. В 1938 году их заменило мое фото в цветущем восьмимесячном возрасте. Для моей тетушки-студентки был отгорожен уголок, где поместились только кровать и тумбочка. Стулья были сборные. Четыре стула – легкие «венские» (видимо, остались от бывших дачников), а два стула были явно канцелярские, с дерматиновыми подушками на спинках и сиденьях, щедро пробитых гвоздиками с фигурными шляпками. Их вид неизменен минимум лет сто. Стены украшали три картины с изображением пейзажей. Работы были без рам, написанные на фанере маслом. Автором картин являлся художник Добряков, входивший в артель мытищинских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства. Висела на стене под стеклом еще

одна хромолитография: внезапное бегство стада диких оленей через бивак охотников.

Портретов вождей не припомню, возможно, не было не только у нас, но и у соседей. В послевоенное время, когда происходила перепланировка дома на отдельные квартиры, за старой фанерной перегородкой я обнаружил альбом без обложки, посвященный жизни Ленина. Он был спрятан, после того как прошел процесс по делу Бухарина. В альбоме была фотография с изображением бывшего некогда «любимца партии», осужденного как «враг народа». Необходимо отметить, что имелась еще одна тумбочка, где хранились книги издания «ЗИФ» (земля и фабрика), а также детские книги 30-х годов.

Праздничные вечера были скромными. Из деликатесов выставлялись сыр, дешевая колбаса, селедка и обязательный винегрет. На 5–7 взрослых покупались бутылка водки и бутылка вина.

Денис Смирнов

Жакты, жировки, зарплаты

Только люди старшего поколения еще помнят эти сокращенные слова, связанные с оплатой коммунальных услуг. Они идут с далеких 30-х, когда жилье в городах и рабочих поселках было государственное и частное. Слово «жакт» обозначало жилищное акционерное товарищество, а после упразднения «акционеры» становились жильцами жилищных районных организаций, но по привычке назывались «жактами».

Для оплаты жилья рассылались жироприказы, по-народному жировки. Они представляли из себя восьмистраничную миниатюрную брошюру с текстом правил оплаты (наличной или безналичной) и указанием размера квартирной платы с подробной расшифровкой. Так, в месяц комната в коммунальной квартире стоила 12 руб. 53 коп. В стоимость входили: ото-

пление 1 руб. 27 коп., вода 1 руб. 20 коп., культсбор 39 коп. (содержание «красных уголков» с подпиской на 1–2 газеты, украшение здания лозунгами и плакатами и т.д.); Госзаем 5%; радио 1 руб. 25 коп. и еще какие-то выплаты на общую сумму 12 руб. 93 коп. За каждый просроченный день неуплаты взимались пени в размере 3 копейки.

В эти годы рабочие (неквалифицированные) получали от 100 до 250 руб. в месяц; ударникам доплачивалось от 100 до 200 руб. в квартал. Оклад служащих был выше: от 250 до 350 руб., а инженерно-технический состав получал до 500 руб. В этот период было отменено ограничение для партийной номенклатуры, так называемый «партмаксимум», и руководители стали получать от 500 руб. и выше.

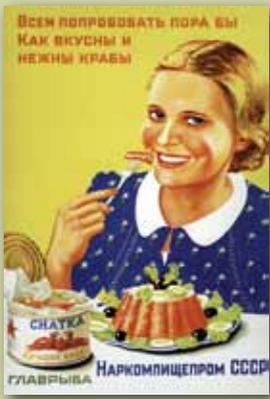
Денис Смирнов

Василий Смирнов. Мытищи. Июнь 1938 года

Обложка и страницы из расчетной книжки
отдела рабочего снабжения (ОРС) за 1935 год

ТРУДЯЩИЕСЯ! НЕ СТРАШНЫ ДОРОГОВИЗНА И НЭП

ПОКУПАЙТЕ ДЕШЕВЫЙ ХЛЕБ! ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ МОССЕЛЬПРОМА В ДВУХ ШАГАХ ОТ ЛЮБОГО ДОМА!

ОРСы и кооперация

Поколение 30-х годов помнит эти магазины в Мытицах, Подлипках, Лосиноостровской, Пушкине, Перловке с гордым и обнадеживающим названием «Универмаг» (универсальный магазин). Там можно было выбрать из небогатого ассортимента одежду или обувь, но главное, купить продукты, или, как тогда говорили, «отовариться». Часто такие магазины (до 20%) принадлежали ОРСам (отделам рабочего снабжения), занимавшимся распределением товаров и продуктов в городах и населенных пунктах при предприятиях. Сельское население довольствовалось сельмагами и лавками потребительской кооперации. Были еще и коммерческие магазины, где имелся более обширный выбор товаров, но по высоким «коммерческим» ценам.

ОРСы открывали магазины на отдаленных больших стройках и других производственных объектах, куда не могла пойти госторговля. В 1932 году выходит постановление ЦК и СНК «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы».

Механизм действия организации ОРС очень схож с работой кооперативной торговли, но под более жестким контролем руководства госпредприятий. Вводились должности: замдиректора по рабочему снабжению, начальник оргсектора, бухгалтера. Работники получали на руки специ-

альные расчетные книжки и уплачивали взносы. При этом учитывались выплаты пая в кооперативе, если человек в нем состоял. Для магазинов строились дополнительные здания или приспособлялись старые. Внеплановые (дефицитные) товары продавались, если существовала специальная марка по уплате. Оплату можно было осуществить на работе специально уполномоченному сборщику или в любом магазине ОРСа. В книжке имелись страницы с дополнительными талонами к пропуску в магазин ОРСа для членов семьи на получение внеплановых товаров.

К 1935 году в стране действовало более трех тысяч ОРСов, обслуживавших свыше 20 миллионов рабочих, служащих и их семей. Как бы то ни было, но эта организация сыграла свою положительную роль в непростые времена для нашей страны.

У пламенного поэта революции Владимира Маяковского есть такая крылатая фраза: «Стала оперяться моя кооперация...». Кооперативное движение имеет более чем вековую историю, и наши Мытищи были в числе первых населенных пунктов, где потребительская кооперация создавалась и получила свое развитие вплоть до конца 50-х годов. Видимо, не случайно кооперативный институт, ныне Российский университет кооперации, и кооперативный техникум существуют в городе, ставшем родоначальником этого движения.

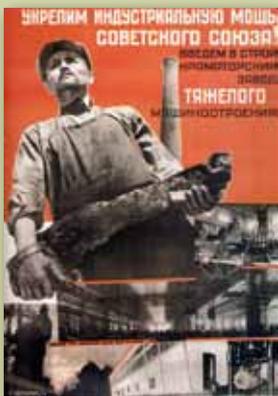
Теннадий Смирнов

1. Кооперативная лавка в деревне Болтино. 1930–е годы

2. Старые Мытищи. Улица Абрамова. 1939 год

К БОРЬБЕ ЗА ДЕПО ЛЕНИНА-СТАЛИНА БУДЬ ГОТОВ!

СЛОМИТЬ ОППОРТУНИСТИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗАГОТОВКАМ!

ГАЗЕТА «ПРОПЕТАРИЙ». 26 ОКТЯБРЯ 1932 ГОДА

История одного памятника

На любительском снимке привокзальной площади Мытищ запечатлен необычный памятник Ленину. Скульптура очень экспрессивна. Энергично выдвинута вперед рука, поворот головы, размашистость шага, некоторое нарушение анатомической строгости соотношения рук и торса – все подчинено динамике несущегося ритма. Создается впечатление, что Ленин готов сорваться с постамента. В этой стремительности чувствуется рука большого мастера. А этим мастером и был выдающийся скульптор Иван Шадр – автор многих прекрасных произведений, составивших славу отечественного искусства 20–х – 30–х годов.

История памятника такова. Шла подготовка к празднованию пятнадцатилетия Октября, впереди – десятилетие со дня кончины Ленина. Города и поселки по возможности украшались скульптурами по программе монументальной пропаганды. Исполкомы городов Горького, Мытищ, Южно-Сахалинска заказали памятники И.Д. Шадрю (1887–1941), выполнившему в 1927 году памятник Ленину в Грузии и получившему известность. О нем знали и по скульптуре «Булжник – оружие пролетариата». В 1932 году памятник был установлен в Мытищах. За его монтажом следил сам автор, приехавший в город на электричке и работавший до позднего вечера. Среди жителей трудовых Мытищ и простых

обывателей фигура вождя, поднявшаяся над площадью, вызывала неоднозначное мнение. Молодежи импонировала необычная компоновка скульптуры, стремительность – как главный элемент композиции. Старшее поколение привыкло к более статичным, монументальным формам. Родилась ехидная эпитаграмма о не совсем удачном решении скульптора, разместившего смятую кепку в руке, заведенной далеко за спину.

Памятник стал свидетелем торжественной встречи челюскинцев в 1934 году, когда герои Арктики на площади выступали перед жителями города, праздничных демонстраций суровых военных лет. Созданный из недолговечных материалов, за годы он обветшал и был заменен вскоре после окончания войны на другую скульптуру вождя.

Геннадий Смирнов

1. Мытищи. Памятник В.И. Ленину.
*Не сохранился. Был установлен перед зданием
железнодорожного вокзала станции Мытищи
в 1932 году*

2. Скульптор И.Д. Шадр

Говорит мытищинское радио

В то лето связисты много работали – столбов везде понаставили, неизвестно зачем. Столько проводов повесили, хоть белье на них вешай.

Смеется народ – бездельем связисты занимаются. Привыкли жить в глуши, ничего не ведая. И вот случилось чудо великое осенью 1931 года.

Приехал на окраину наших Мытищ Михаил Фролович Фролов, мужик как мужик, только говорили про него все: «Шибко грамотный». Оно и видно было: одет чисто, при галстукe, со всеми за ручку поздоровался.

Дело было вечером, как раз служба во Владимирском храме шла. Толкается народ перед храмом, а Михаил Фролович идет, а сам на мужиков поглядывает да улыбается. Остановился и говорит: «Пойду сейчас радио слушать. Кто хочет, пойдем ко мне домой».

Мужики пошли потихоньку за ним, встали перед окном и видят, как Михаил Фролович вешает на стенку какую-то круглую черную штуку. А в доме у него уже люди сидят. Чего-то ждут.

– Вот, – говорит хозяин, – будем мы сейчас слушать, что у нас во всех Мытищах делается.

Выложил Михил Фролович перед собой часы. На потолок поглядит, потом на часики посмотрит... Мать честная! Времечко идет. Уже из храма народ повалил, а мы ничего не слышим. Михаил Фролович даже нос сморщил, по глазам видим: что-то не ладится.

И вдруг человеческий голос явственно выкликает:

– Говорит мытищинское радио! – народ из сеней напирает. Окна открыли. На улице слушать стали. Ах ты, батюшки мои. И начал черный круг вдруг имена перекликать...

Выходят на улицу люди, крестятся, думают – в чем тут сила? Полезли мужики к Михаилу Фроловичу на чердак. Может быть, там кто сидит, голос подает? Нет никого! Одна проволока

через потолочную дырочку в комнату уходит. А человека нет. Долго еще люди крестясь ту черную тарелку в руках вертели да разглядывали.

Время заставляет нас оглянуться и вспомнить, как начиналась жизнь редакции мытищинского радиовещания. А ведь ей уже 80 лет.

Организатором первых радиопередач был первый редактор мытищинской газеты «Пролетарий» Семен Харсон. Когда в городе вышло несколько номеров газеты, его посетила светлая мысль: а почему бы не организовать обзоры каждого предстоящего номера через радио. Вот так начала работать прародительница мытищинского радиовещания: мытищинская радиогазета.

Вместе они стали решать одни и те же задачи, вместе участвовали в жизни нашего города.

В редакции работали яркие, талантливые люди: Елизавета Григорьевна Мыскова, Людмила Ивановна Шартова, Натан Абрамович Юровский. В годы войны по приглашению горкома партии и исполкома в наш город приезжал и выступал по мытищинскому радио Юрий Борисович Левитан.

...Когда фашистские дивизии в 1941 году подошли вплотную к стенам Москвы и мытищинские предприятия готовились к эвакуации, несколько дней в Мытищах не выходила газета, а вот редакция радиовещания не прекращала свою работу.

Наше радио всегда было в гуще событий. Одно из первых мест в передачах занимали люди труда, репортажи о работе промышленных предприятий, таких отраслей, как медицина, образование, культура.

В редакции есть фонотека, бережно собранная редактором Н.Ф. Тереховой, долгие годы возглавлявшей этот небольшой, дружный коллектив единомышленников. Эта фонотека служит сейчас тем, кто работает уже в третьем тысячелетии.

Юрий Баронкин

ПЬЮЩИЕ РОДИТЕЛИ – СВОИХ ДЕТЕЙ ГУБИТЕЛИ

СПАСИБО РОДНОМУ СТАПИНУ ЗА СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО!

Школа и школьники

Основы школьного образования, заложенные еще в предреволюционные годы, дали возможность новой России не только сохранить, но и расширить общеобразовательный уровень населения.

В Мытищах и окрестных селениях к началу 20-х годов работало несколько школ: в самих Мытищах (школа № 1), Перловке, Тайнинке, с. Тайнинском, деревнях Болтино, Беляниново, Сухарево, Марфино, Жостово, Пирогово и др. Школьная программа разрабатывалась под руководством наркома просвещения А.В. Луначарского. Она была утверждена в 1918 году. В ней говорилось: «Новая школа должна быть не только бесплатной на всех ступенях, не только доступной... она должна быть еще единой и трудовой». Необходимо отметить, что программа имела ярко выраженную антирелигиозную направленность. С этой целью все учителя проходили переподготовку. В преподавании истории господствовала так называемая «школа Покровского», для которой были характерны сугубо материалистический подход к истории, классовый характер и растворение исторических событий в современных проблемах. Курс истории заменили обществоведением. Взгляды Покровского осудили в конце 30-х годов.

Атеизм доводили до абсурда, его было необходимо преподавать на всех уроках. Так, по биологии и химии говорилось, что от человека

после его смерти остаются элементы по «таблице Менделеева» и т.д. Школьников младших классов возили на экскурсию в крематорий, поощрялась идея кремации и т.д.

К середине 30-х годов сеть школьных учреждений расширяется. Так, в Мытищах и Перловке строятся новые типовые школы (№ 2 и № 5), одноэтажная (№ 10). Для железнодорожной школы переоборудовали прекрасную двухэтажную дачу бывшего предпринимателя, в 1938 году около Ярославского шоссе возвели четырехэтажное здание школы (№ 11) с прекрасным садом и небольшим зверинцем. Учебные программы во многом очищались от ненужных и ошибочных направлений.

Особо необходимо отметить формирование в стране школ с промышленно-производственным уклоном. В отличие от ФЗУ (школ фабрично-заводского ученичества, где было только производственное обучение) школы фабрично-заводские (девятилетки) давали и общее образование. Такая школа ФЗД действовала в Перловке. Интересно, что группам учащихся присваивались почетные названия: «Краснознаменная» и т.д. Школьный табель отмечался, как на предприятиях, с выполнением и перевыполнением норм. Эта система обучения просуществовала до 1941 года. В иной форме она возобновилась в 50-е годы.

Теннадий Смирнов

1. Г.И. Калинин – первый учитель перловской школы с группой учеников. Выпуск 1924 года"

2. Мытищи. Учащиеся школы № 1. 1925 год.
Школа располагалась в районе улицы Воровского

3. Мытищи. Здание школы № 2. 1939 год
 В настоящее время в этом здании располагается Мытищинское медицинское училище

Рисунки хранятся
 в папке и в тет-
 ради Натна на
 спатирни и салдрит
 кв. Тоя растит на
 соны и ели и на
 пихте Норги прине
 ли риси и маше
 לנו заготовили
 корови и лошади
 Войнок иит в
 школе и в про
 4 января
 Наши поезд дел

ПРОСЛУШАН		Среднее (средний) балл				Итого балл	Среднее оценки
I	II	III	IV	балл			
Русский язык	Устный	
	Письменный		
Математика	Устный	
	Письменный		
Литература	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
История	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
Биология	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
Физика	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
Химия	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
Музыка	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
Танцы	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
Искусство	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
Физкультура	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		
Итого	Устный	
	Письменный		
	Сочинение		

4. Страница из тетради по русскому языку ученика 1-го класса мытищинской школы № 35 Владимира Воронина за 1939/40 учебный год"

5. Ведомость оценки знаний и поведения

Улицы нашего детства

Новоселье

Стройка завершена. Комната получилась просторной. В ней накрыт стол, много гостей – знакомых отца. Помню веселого и кудрявого дядю Степу Добычина, дядю Васю Губарева, – они работают в ОСОАВИАХИМе. Знаю, что это интересно и связано с армией. Гимнастерки, ремни, сапоги, буденовки... У меня на груди красивый значок с такими же буквами. А недавно нам повезло в лотерее – сразу два выигрыша: матушке досталась дамская сумка, а мне военизированная игрушка – коричневый грузовик с зенитной пушкой в кузове. Все веселые, смеются. Заводят патефон. У меня в руках мое любимое блюдо – корочки от сыра. Я с удовольствием их грызу. Меня поднимают и ставят на стул. Читаю наизусть некрасовского «Генерала Топтыгина». Многие слова мне непонятны, но я их

запомнил. Все смеются и аплодируют. Называют каким-то «Хенкиным». Оказывается, это был в то время популярный артист эстрады.

Дядя Петя Щитнев доволен, что я знаю стих «Письмо Ворошилову». Он даже дает померить мне свою буденовку. Впоследствии я узнал, что письмо наркому написали наши пионеры из Тайнинки, а поэт Л. Квитко сочинил это стихотворение.

Мне хочется спать. Гости расходятся. Сквозь сон слышу голос матери, вижу ее склонившееся надо мной смеющееся лицо. Она сует мне в рот пирожное, но я сыт. Нехотя слизываю крем. Засыпаю. Еще долгое время, особенно в полуголодные военные дни, я ощущал запах и вкус пирожного и жалел, что тогда его не съел.

Денис Смирнов

Цезарь

Таким звучным именем прозывалась красивая немецкая овчарка, жившая в нашей семье в предвоенные годы. Тогда служебные собаки были в моде. Щенки этих пород выдавались из питомников, и с хозяев строго спрашивалось за их дрессировку.

Очень популярными были рассказы о подвигах легендарного пограничника Карацупы и его верного Ингуса. Впоследствии от самого Карацупы я узнал, что первоначально собака звалась Индусом, но, чтобы не оскорблять трудящихся Индии, стонущих под гнетом колонизаторов, в кличке собаки заменили одну букву. Много было собак по кличке Джульбарс. На экранах шел приключенческий фильм про пограничную собаку с таким именем.

Наш Цезарь слыл умницей. Помню себя, закутанного в шарф, в пальто и валенках. Я неу-

клюже иду по дорожке между снежных сугробов. Собака с меня ростом находится рядом. Она лижет меня в нос и невольно сваливает в снег. Берет зубами за шарф и поднимает, а потом опять сваливает. Эта процедура начинает мне надоедать, и я ору. Подходит мать, отчитывает Цезаря, и он разрешает мне держать себя за ошейник. Мы гордо вышагиваем по дорожке, и собака делает вид, что я ее веду, принаравливаясь под детские шаги.

К сожалению, наша семья рассталась с Цезарем. Его купили для охраны какой-то правительственной дачи. В моей памяти до сих пор хранится образ овчарки с умным, всепонимающим взглядом. И потом, как бы трудно ни было, в нашей семье всегда жили собаки.

Денис Смирнов

1. Учащиеся первого курса первого набора школы медицинских сестер при Мытищинской районной больнице. 1936/37 учебный год"

2. В учебном классе школы медицинских сестер при Мытищинской районной больнице. 1936/37 учебный год"

Строим сарай

Летние дни в Перловке 1940 года. В нашем доме, бывшей даче Балдиных, ставшей коммуналкой, идет строительство. Отец с соседями делают пристройку. Таким образом, вместо одной комнатухи и крохотной терраски у нас появится еще большая комната. Уже завезли бревна, и пильщики на высоченных козлах пилят доски для пола. Один пильщик стоит сверху, а другой внизу и равномерно водят огромной пилой. Мне это интересно, но больше всего нравится гулять в только что построенном сарае. Там так приятно пахнет смолой. Строение – гордость отца. Он сам его соорудил из досок-горбылей и покрыл крышу толью. Мимо сарая по проезду медленно движется длинная телега с бревнами. Рядом степенно вышагивает извозчик – дед Картинин. Он двухметрового роста, с окладистой рыжей бородой, в неизменном кар-

тузе. К несчастью, возчик не рассчитал ширины проезда и краем телеги зацепил угол новенького сарая. Раздается скрежет, и сарай соскакивает с опор. Телега останавливается, и виновник «аварии» чешет в затылке, обдумывая ситуацию. С криком на великана-извозчика кидается отец. Он храбро прыгает ему на грудь, вцепляется в бороду и одной рукой наносит удары. Возчик крутится на месте и пытается стряхнуть напавшего. Наконец, это ему удается. Отец продолжает насакивать, но уже безрезультатно. Наступает минутная пауза. Дед Картинин подходит к сарайчику, без видимых усилий поднимает соскочивший угол и устанавливает все сооружение на место. Инцидент исчерпан. Телега трогается. Отец с победным видом удаляется. Я очень доволен. Небольшого роста, а не побоялся такого большого дяденьки.

Геннадий Смирнов

На прогулке

Воскресный день. С родителями иду гулять. Наша улица Клары Цеткин вся в зелени. На пересечении с Парковой собрался народ. Все одеты по-праздничному. Играет баянист. Многие танцуют. Место сбора называется почему-то «круг». Оказывается, это название в России распространено повсеместно. Впоследствии в популярной песне я услышал «под этот вальс весенним днем ходили мы на круг». Все здороваются с моими родителями. Неподалеку в маленькой рожице я натыкаюсь на большой гриб. Он точь-в-точь как на картинке в моих кубиках. Толстая ножка, коричневая шляпка. С радостью кидаюсь к нему и хватаюсь за ножку гриба. Но он сидит крепко и не поддается

моим усилиям. Тогда я вцепляюсь двумя руками в шляпку и отрываю ее. Визжу от удовольствия. Я впервые увидел настоящий гриб, и такой большой. Прогулка заканчивается, и мы возвращаемся домой.

Геннадий Смирнов

1. Учащиеся и преподаватели школы № 11 в Тайнинском парке. 1939 год"

2. В Тайнинском парке. 1-й класс школы № 11. 1939 год"

Мыльщи. Улицы нашего детства

1, 2, 3. Строительство Акуловского водоводного канала, входящего в систему канала Волга–Москва на территории Мытищинского района. Сентябрь 1935 года"

КТО СИПЕН В ВОЗДУХЕ, ТОТ В НАШЕ ВРЕМЯ ВООБЩЕ СИПЕН!

К.Е. ВОРОШИЛОВ

**СПАВА СТАЛИНСКИМ СОКОЛАМ – ПОКОРИТЕЛЯМ
ВОЗДУШНОЙ СТИХИИ!**

Авиационный праздник

Август 1940 года. Отец сообщает, что мы едем на аэродром в Тушино, где будет проходить авиационный праздник. Выезжают все работники ОСОАВИАХИМа, для которых это обязательное мероприятие. По-едем на легковушке с семьей дяди Феди Демина. Должны увидеть Сталина, который не пропускал ни одного такого праздника. Я знал, что Сталин – главный в стране, но ехать не хотелось, потому что надо было рано вставать, и еще у меня появилась очередная партия оловянных солдатиков, с которыми было жалко расставаться. Отец пообещал после поездки купить мне пистолет с пистонами и разрешил взять с собой любую игрушку. Тогда я согласился пойти на «жертвы».

Солнечное утро. Мы идем на Ярославское шоссе. Подъезжает «эмка». За рулем улыбающийся дядя Федя. Садимся и едем в сторону Москвы. Наши попутчики – супруга дяди Феди с девочкой моих лет и какой-то военный со значками. «Ворошиловский стрелок» мне знаком, а вот остальные неизвестны.

Москва умыта поливальными машинами. Сегодня праздник «Сталинских соколов». Вот и Тушинский аэродром имени Чкалова. Когда-то он носил имя Александра Косырева, объявленного «врагом народа». Как и многие зрители, располагаемся на высокой насыпи канала. Я постоянно съезжаю вниз, пока не приспособлюсь упираться сандалиями в спину отца.

Видны белое двухэтажное здание и какие-то люди в белом. Это, видимо, вожди и военные. Все одеты в светлое – «под Сталина». Диктор что-то говорит, играет музыка. В небе появляются легкомоторные самолеты, затем более мощные машины. Разноцветные планеры появляются и исчезают. Над водной гладью поднимаются высокие водяные столбы. Гремят взрывы. Идет бомбометание – словно в предчувствии войны.

Становится жарко, и хочется пить. Папаши достают нам бутылку теплого «Ситро», а сами прикладываются к пиву. Небо расцвечивается куполами парашютов. Это десант, последний этап праздника. Надо возвращаться в Мытищи.

Еще один воздушный парад в Тушине я видел в 1951 году. Мы, мальчишки из Мытищ, добирались до места торжеств на переполненных трамваях и электричках до станции Покровское–Стрешнево, а дальше – пешком. Поле и места для зрителей канатами разделялись на сектора, куда пускали по билетам. У нас их, конечно, не было. Располагались на откосах дамбы, как в сороковом.

Здание аэроклуба с трибуной укрывалось в подростивших деревьях. Мундиры преобладали над партийными белыми и серыми костюмами. Вождь был в форме генералиссимуса. Над головой проносились реактивные самолеты. Наступила новая эра авиации.

Геннадий Смирнов

1

1. Аэродром в Мытищах. Разбор учебных полетов с инструкторским составом проводит командир эскадрильи В.И. Трунов. 1940 год.

На втором плане – летное поле. В настоящее время – район улицы Летной на всем ее протяжении^m

2. Курсанты–парашютисты Мытищинского аэроклуба на летном поле. 1930–е годы^m

2

МЫ – ЗДОРОВОЕ, ЖИЗНЕРАДОСТНОЕ ПОКОЛЕНИЕ, ГОТОВОЕ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ!

ЗА МАССОВОСТЬ ФИЗКУЛЬТУРЫ!

МЫТИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА «КУЗНИЦА». 1940 ГОД

На футбол

Лето 1940 года. Мы с отцом идем на футбол. Что это за игра, я не знаю, но думаю, что–то интересное, как праздник. А праздник – всегда мороженое и газировка. С нами идут соседи по даче дядя Петя Викторкин с сыном Игорем, моим ровесником. Дядя Петя знаток футбола, был капитаном команды в Подлипках и дружит со знаменитыми игроками братьями Семичастными, они тоже живут у нас на Ярославском переулке.

Быстро добираемся в Мытищи на стадион «Торпедо». Его построили в прошлом году и стали проводить праздники и различные соревнования. На трибунах много зрителей. Есть знакомые наших отцов. Под оркестр идут колонны физкультурников. Стрелков–спортсменов возглавляет дядя Вася Губарёв. Очень смешно выглядят спортсменки в трусах с резиночками вроде клоунских. Парад заканчивается, и его участники располагаются на зрительских трибунах. Болельщики разделились на два лагеря по рабочему признаку. Кто трудится в Подлипках, болеет за своих, а мытищинцы – за команду Вагонного завода. Разделение и у нас. Подошедший Губарёв примкнул к Викторкиным, а шофер дядя Федя Демин – к нам. Мы с Игорем кричим за взрослыми, хотя сути игры не понимаем. Два десятка мужиков гоняют мяч. На трибунах обмениваются репликами: «левый хав (хавбек) – лопух»; «инсайд –

мазила, не попал в ворота» и т.д. Терминология сплошь английская. Защитник – стоппер, нападающие – форварды и т.д.

Вспоминают братьев Семичастных. Они в этих ситуациях показали бы класс!

Подлипковцы забили гол. Трибуны ликуют. Болельщики Вагонного приуныли, но надеются, что все еще впереди. Во втором тайме счет сравнялся для успокоения всех. Дружно идем к палаткам и буфетам. Детям достается мороженое и газировка. Мужчины предпочитают пиво.

Уже после войны, подросшие, мы все лето гоняли в футбол, хотя мест для игры было мало. Улицы засажены картошкой, да и футбольные мячи редкость. Они ремонтировались, и владелец мяча всегда считался желанным игроком в любой команде, несмотря на возраст.

В послевоенное время футбольные матчи на «Динамо» являлись главным массовым зрелищем. Туда трудно было попасть, но Викторкины проходили всегда. Семичастный своему бывшему «капитану» обязательно оставлял в кассе билеты.

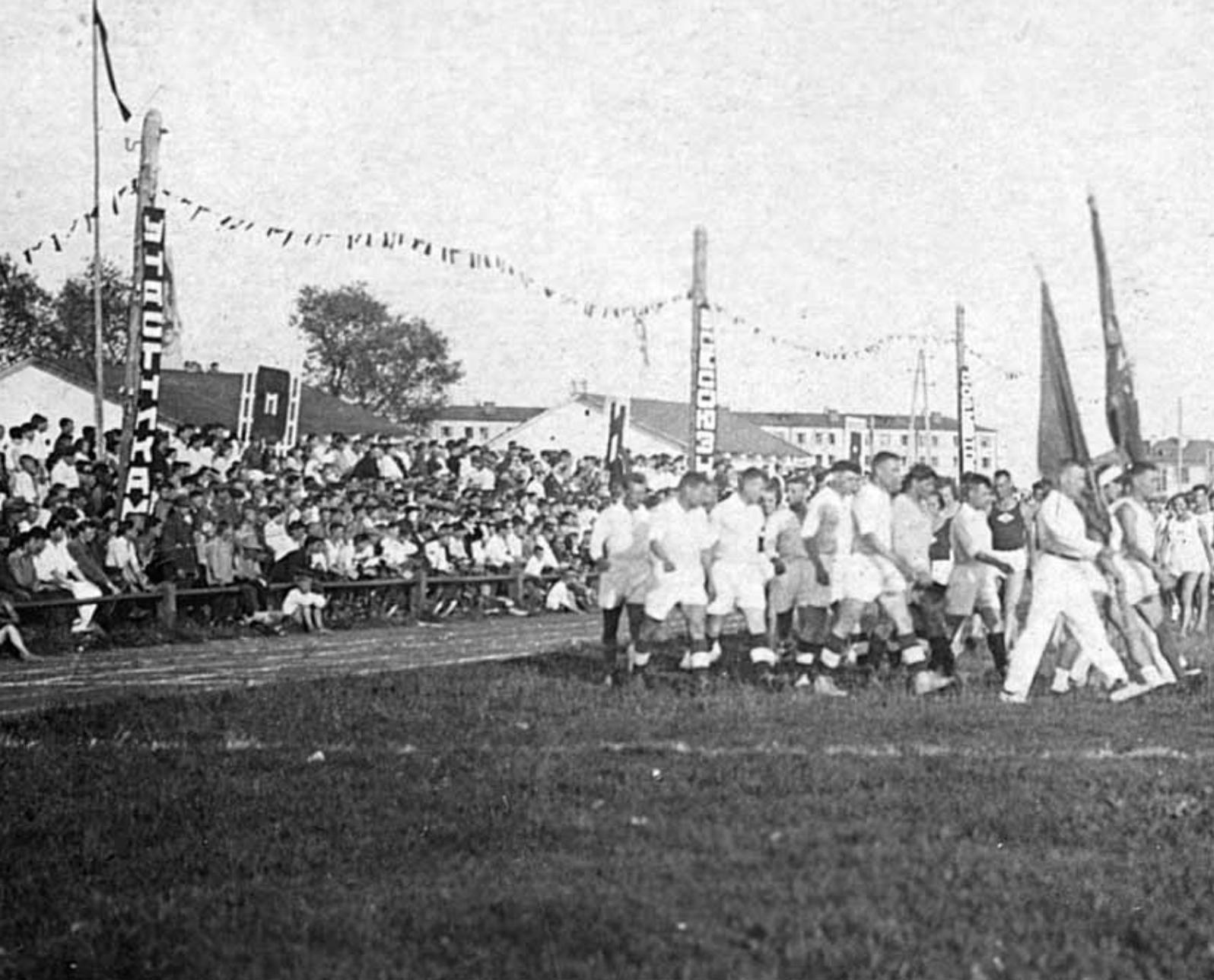
В это время английские термины стали уходить из лексикона и чаще употреблялись русские слова: крайние и центральный нападающие, полузащитники и защитники, и, конечно, – вратарь вместо иностранного голкипер.

1. Футбольная команда Перловки. 1926 год.
Среди игроков знаменитые спортсмены братья Семичастные™

2. Мытищинская футбольная команда. 12 сентября 1935 года.
Снимок сделан на стадионе «Гознака». Из архива Н.А. Шубиной

1, 2. Мытищи. Стадион «Торпедо».
Спортивные соревнования и парад участников. 1936 год"

На футбольном поле около школы № 5 старшеклассники постоянно играли в футбол. Племянник Семичастного Юрка Лопатин имел настоящий футбольный мяч и вратарские перчатки. На игру ходили смотреть многие школьники. Юрка, хотя и играл посредствен-

но, но постоянно строил классного игрока. Как мы говорили: «Здорово фикстулил». Любовь к футболу нескольким поколениям мальчишек привила чувство дружбы, спортивного азарта – настоящего духа соревнования.

Геннадий Смирнов

За топливом

Най сорок первого года. Меня берут в поездку за топливом для общественной кухни, обеспечивающей три семьи. Главные «добытчики» мой отец и соседский Юрка – ему уже четырнадцать лет. Доставку будет осуществлять дед Картинин на своей телеге. Впервые услышал в разговоре слово «лимит». Оказывается, дрова продаются строго по норме, которая называется лимитом.

Направляемся втроем к Картинину. Его дом в конце улицы Клары Цеткин, почти рядом с «фуражной», где регулярно выдаются корма и мука. Отец ведет велосипед. Я буду ехать на раме, а Юрке повезло – он на телеге. Этому факту я очень завидую.

«Экипаж» уже готов. Спокойная лошадь запряжена в телегу, а сам возчик в картузе и брезентовом плаще не спеша раскладывает толстые веревки и какие-то пустые мешки.

Юрка садится на телегу, а мы с отцом катим на велосипеде. Выезжаем на Ярославское шоссе. Оно булыжное, и только посередине проложена узкая полоска асфальта. В Тайнинке сворачиваем налево на зеленую улицу (Коллективная). Вскоре появляется небольшой парк с деревянной эстрадой. Отец останавливает велосипед и достает пачку папирос. Закуривает свой «Беломор». На складе курить нельзя. Мы намного обогнали наш транспорт. Но вот появляется и он. Вместе подъезжаем к дровяному складу. Он тянется от переезда через железную дорогу (на-

против улицы Рабочей) почти до ворот Вагонного завода, откуда выходит продукция предприятия.

Склад кажется огромным. Штабель из бревен, торфяных брикетов, угля. Целый город со своими улицами, переулками, проездами. Грузятся телеги и даже одна машина – «полуторка». Получаем дрова в тонких бревнышках. Они называются «подтоварником». Возчик похозяйски обвязывает дрова веревкой. В мешки набирается брикет. Брикетины напоминают огромные толстые подметки черного цвета. Похожесть усиливает рифленая поверхность. Впоследствии я узнал, что они изготавливались из угольной и торфяной крошки с добавлением отходов мазута. Горят хорошо, но печки пахли этим самым мазутом. Об этом топливе мечтали все военные годы.

Геннадий Смирнов

1. Ярославское шоссе в районе Мытищ. 1940 год.
Фотограф И.А. Бусов. Вид в сторону Москвы™

2. Ярославское шоссе в районе Мытищ. Вид на Владимирскую церковь. 1940 год.
Фотограф И.А. Бусов™

Раннее утро в Перловке. Матушка будит меня, но мне вставать не хочется. Подходит отец и говорит заветное слово «демонстрация». Я к ней готовился целую неделю и все спрашивал: «Когда?». Отец при полном параде. В гимнастерке с ремнем, в брюках-галифе синего цвета, а на ногах тупоносые ботинки, щедро смазанные гуталином, и краги на ремешках вместо голенищ. Прохладно. Меня одевают в суконную курточку-капитанку и на ноги натягивают чулки на кнопках-резиночках. Отец выводит велосипед, и мы отправляемся в Мытищи. По шоссе идут одиночные перловчане, жители Тайнинки. На главной улице (Колонцова) много народа. Где-то звучит музыка, играет духовой оркестр. Я тяну отца за руку. Спешу увидеть военных. Строятся колонны. Люди в форме впереди. Знакомый дядя Вася Губарёв на петлицах имеет два «кубаря» – лейтенант. А вот и дядя Федя Демин – шофер, тоже в полувоенной форме с командирским (звезда на пряжке) ремнем и портупеей, но он, как и отец, не в строю, они считаются вольнонаемными.

У памятника Ленину на трибуне, обтянутой красной материей, руководители. Говорят речи. Под оркестр начинается торжественный марш. За военными в ногу идут курсанты аэроклуба, а за ними колонна с противогазными сумками через плечо. Военный марш сменяет другая музыка. С красными транспарантами двигаются колонны рабочих и служащих. На тротуаре около стены Вагонного завода много празднично одетых людей. За колоннами идем к Ярославскому шоссе. К нам присоединяется дядя Федя и еще какие-то знакомые отца. У всех небольшие свертки. В помещении ОСОАВИАХИМа женщины уже накрыли стол. Закуска простая – винегрет, сыр и колбаса. Детям достались конфеты. Все поздравляют друг друга. Радостные, смеющиеся. Никому и в голову не закралась мысль, что это последняя мирная демонстрация и через полтора месяца начнется война.

Недавно в одном семейном архиве была найдена фотография первомайской демонстрации 1941 года в Мытищах. На ней запечатлены наши земляки, многие из которых погибли, защищая родину.

Сергей Смирнов

...А парк шумел зеленою пиствой

Люди старшего поколения еще помнят старый парк Вагонного завода, ранее называвшийся Челноковским по месту расположения усадьбы владельца кирпичного завода Челнокова. Сейчас на этом месте пролег Олимпийский проспект и построен торговый комплекс.

Вспоминаются июньские дни сорок первого. Еще нет войны. Работники ОСОАВИАХИМа с семьями собрались в парке. Праздничное настро-

ение. В «зеленом театре» будут выступать певица Эмская и другие артисты. Впоследствии моя матушка рассказывала, что она погибла в годы войны. В ее репертуаре была очень популярная песня-романс со словами: «Чуть бледнеют левкой в голубом хрустале, и безмолвным покоем ночь прошла по земле...» и т. д. Дядя Вася Губарёв с гордостью показывает стрелковый тир. Мужчины обсуждают успехи мытищинских стрелков на соревнованиях.

1

1. Мытищи. Ярославское шоссе. После демонстрации. 1930 год.
Из архива Л. Коршуновой

2. Мытищи. Улица Колонцова. 1 мая 1941 года

2

Петух

Лето сорок первого. Последние недели перед войной. Я сижу на заборе и поглядываю на копошащегося внизу карапуза в красивой тубетейке. Карапуз смотрит вверх и широко улыбается. Это Борька – мой ровесник. Я с гордостью показываю ему шрам на подбородке, что получил зимой, упав на оловянного солдатика. Поодаль ходит здоровенный соседский петух и подозрительно поглядывает на нас. Он знает, от мальчишек можно ожидать всяких каверз.

Разинув рты, мы наблюдаем за летящим джиржаблем. Вот он величаво проплывает над Мы-

Станцию юных техников Вагонного завода. Построили летний, как тогда называли зеленый, театр, танцплощадку. Отдельно для детей отвели места под карусели и подвижные игры. Парк возводился всем миром, проводили ежемесячные субботники и менее чем за год возродили его. В 1934 году установили парковые скульптуры. У входа встала девушка с метательным диском, на берегу пруда – знаменитая «Девушка с веслом». Были и «Пионер с горном», «Барабанщик», «Читающие дети». Оборонную тематику представлял летчик. Стояли и другие скульптуры.

Важным событием в жизни мытищинцев, и в первую очередь молодежи, стало возведение в 1933 году парашютной вышки, где за символическую плату можно было ощутить себя настоящим покорителем неба. На границе парка оборудовали стометровый тир. Жаль, что руки не дошли до очистки двух небольших прудов, один из которых был выкопан еще в 1910 году, а второй образован в результате запруды на реке Работня.

В летнее время в зеленом театре проходили концерты известных звезд довоенной эстрады: В. Козина, И. Юрьевой, К. Шульженко. Парк был местом отдыха, встреч и разлук как минимум двух поколений наших земляков. Он стал уже историей.

Теннадий Смирнов

тищами, водокачкой... Сигарообразное тело его серебрится, под брюхом – каюты с маленькими окошечками. Шедевр воздухоплавания скрывается за деревьями.

Борьку уводит мать, пришедшая за водой на колонку, а я слезаю с забора и беру прут. Теперь это сабля, а я кавалерист. Вот и противник – крапива и лебеда. После лихой рубки скачу по дорожке вокруг дома и сталкиваюсь с петухом. Он известен как гроза молочниц и всех, кто по неосторожности переступал границу, отделяющую сад от дороги. Я здорово побаиваюсь этого

1

1. В Летнем саду Мытищинского вагоностроительного завода. 1938–1940 годы. Фотограф И.А. Бусов". Сад располагался в районе здания на Большой Рупасовской улице дом № 13 строение 1

2. Девушка с веслом. Скульптор И.Д. Шадр

3. Скульптура «Барабанщик»

2

3

КРЕПИ ОБОРОНУ СССР!

**ОСОАВИАХИМОВЦЫ, В СОВМЕСТНЫХ МАНЕВРАХ
С РККА ГОТОВЬТЕСЬ К ОБОРОНЕ СССР!**

пестрого драчуна, но сейчас я кавалерист! Петух отступает, а потом как-то нехотя бежит от меня. Я смелею и с гиканьем скачу за ним, потрясая своим оружием. Мой триумф продолжался метров двадцать. У крыльца своей хозяйки тети Вари петух вдруг остановился, распустил крылья и перешел в контратаку. Теперь настала моя очередь убегать. Особое ускорение придавали петушиньи наскоки и болезненные клевки в спину.

Я орал во все горло. Особенно старался, когда пробегал мимо своей террасы, зная, что мать

услышит и придет на помощь. Освобождение состоялось на втором круге, а мой противник важно удалился, возмущенно квохча. «Боевые раны» были обильно смазаны йодом, и я еще больше заужавал представителя петушиного племени.

А потом в нашу жизнь ворвалось слово «война»! И одной из первых ее жертв в округе стал петух. Соседи сварили из него суп, так как мясные продукты исчезли сразу и на все годы этой тяжелой войны.

Геннадий Смирнов

На «Пролетарку»

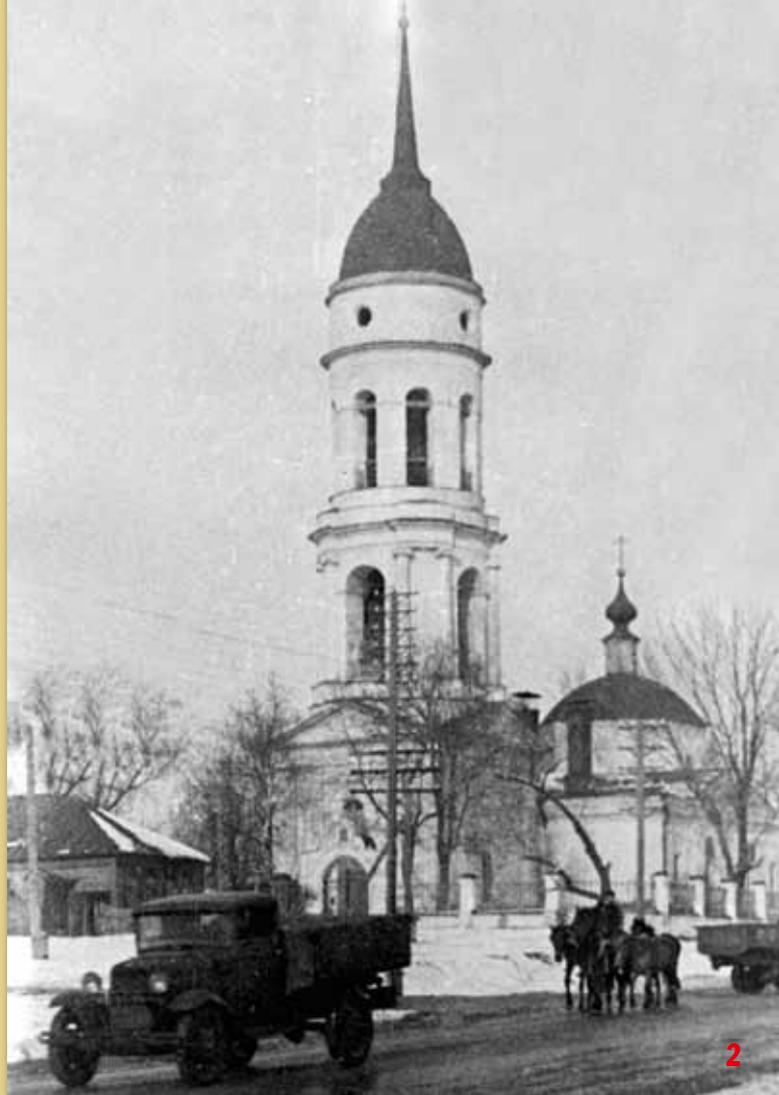
Начало июня сорок первого. Мы всей семьей едем к бабушке с дедушкой на фабрику в Пирогово. У матушки на руках маленькая сестренка. По пути заезжаем в летний парк в Мытищах. Воскресный день и очень много отдыхающих. На прудах катаются на лодках, играет музыка, но на меня огромное впечатление производит вышка для прыжков с парашютом. Даже не верится, что с такой высоты можно прыгнуть.

На поезде с птичьим прозвищем «кукушка» добираемся до места. Погода чудесная, и все собираются в небольшом садике с чудным названием «шалашка». Таких сооружений в виде сараюшек очень много. Из соседнего села Звягино пришел дядя Шура со своим многочисленным семейством. Два двоюродных брата старше меня,

а сестра Лида – ровесница. Тетушка осталась дома с малолетним ребенком. Пьем чай из большого самовара. Появляется еще одна тетя Нина с подругами. Молодые девчата-студентки вносят оживление в несколько чопорное чаепитие. Молодежь предлагает идти купаться на Клязьму. Река совсем рядом, чистая и широкая. Все лезут в воду, а мы с Лидой по малолетству сидим на берегу.

Возвращаемся к вечернему чаю. Самовар уже готов. Семейства расходятся. Им идти километра полтора до Звягино, а нам надо спешить на «кукушку». Я тогда и представить не мог, что вижу дядю последний раз. В этом году он погибнет в окружении под Вязьмой, а дедушка и бабушка умрут от недоедания в холодную зиму сорок второго.

Геннадий Смирнов

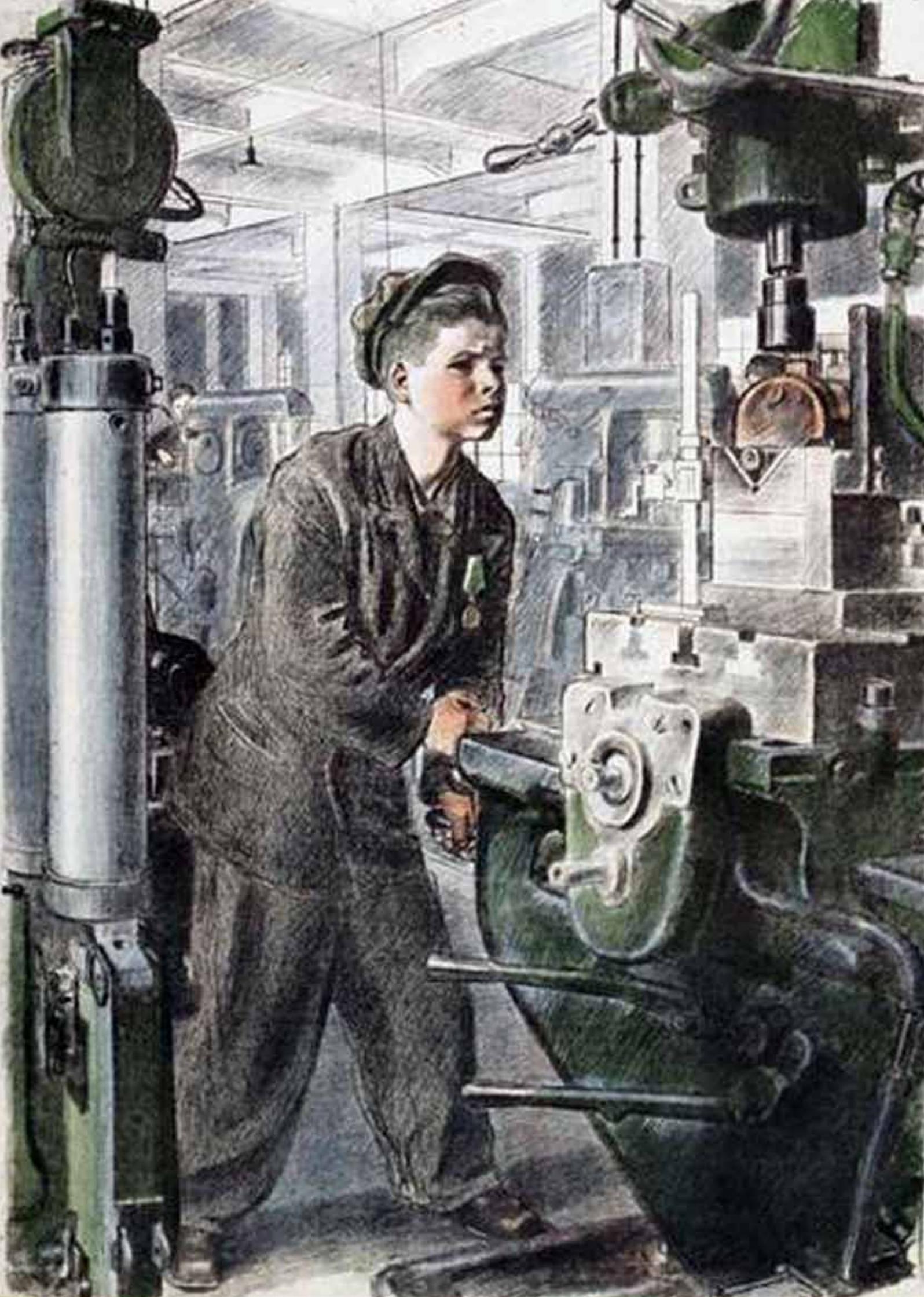

1, 2. Ярославское шоссе в районе Мытищ. 1940 год. Фотограф И.А. Бусов

3. Старые Мытищи. Улица Колонцова (бывшая Вокзальная). 1940 год.
Фотограф И.А. Бусов. Вид от аптеки (улица Колонцова, дом № 33) в сторону Ярославского шоссе.
На первом плане В.И. Головин – артист Малого театра, житель Мытищ

4. Рабочий фабрики «Пролетарская победа» Бузанов Александр (крайний справа) во время службы в РККА. 1938 год

Сороковые- роковые

РОДИНА В ОПАСНОСТИ. НО ФАШИЗМ НЕ ПРОЙДЕТ!

БУДЬ ГЕРОЕМ!

ВСЕ СИЛЫ НАРОДА – НА РАЗГРОМ ВРАГА!

Старое фото

На фотографии мальчишка в коротких штанишках удивленно смотрит на мир. Он стоит на стуле, на фоне наивного пейзажа, где нарисован замок, море и пальмы, что должно было добавить экзотики провинциальному снимку.

Воскресное летнее утро. У меня хорошее настроение. Отец повезет в Мытищи фотографироваться. По такому случаю я одет в сиреневый хлопчатобумажный костюмчик и на ногах новые носочки. Торжественно выводится велосипед – гордость отца. Он получил его как премию за работу, тогда Мытищинский ОСОАВИАХИМ занял призовое место по оборонной работе.

Сажусь на раму, к которой для удобства привязана подушка. Выезжаем. Наша улица Клары Цеткин вся в зелени. За деревьями почти не видно домов. Вот и булыжное шоссе на Парковой, а там и Ярославка. Она тоже вымощена булыжником, но посередине закатана узкой полоской асфальта. Отец жмет на педали, и мы «с ветерком» катим в сторону Мытищ. На окраине поселка у фуражных складов сворачивают подводы, груженные мешками с комбикормом. Слева в гуще садов дома Тайнинки. Где-то на Пограничной улице в старой даче было наше первое жилье. Вот новая школа (№ 11), и уже виднеется краснокирпичное здание мытищинских бань.

Мост через Язу появляется неожиданно. Сворачиваем на улицу (Колонцова). Слева вдоль

улицы уютные домики, в садах — рабочий посёлок, а дальше корпуса Вагонного. Народу на улице немного, но ближе к вокзалу пешеходов становится больше, попадаются велосипедисты. Вот и самое высокое здание в Мытищах. Там местная власть. Здание прозвано Домом Советов.

Вокзальная площадь многолюдна. Работают ларьки и палатки. Где-то сидит мороженщица и ждет, что отец обязательно купит заветный снежный кружочек, прикрытый сверху и снизу двумя вафлями.

Фотомастерская неказистая, но там очень уютно. Старенький фотограф ставит меня на стул. Традиционный возглас: «Сейчас вылетит птичка!» невольно заставляет взглянуть на фотоаппарат. Жужжит заводная пружина. Готово!

Выходим из мастерской. Солнце даже кажется более ярким. Неподалеку пивная со странным названием «шалман». Отец оставляет меня у велосипеда, а сам скрывается в его дверях. Там гомонят мужики. Через пару минут он выходит довольный. Видимо, «махнул пивка». Мороженое кончается быстро. Я запихиваю размокшие вафли в рот. Садимся на «велик» и едем обратно домой на Дружбу.

Я смотрю на старую фотографию. Неужели это я? На обратной стороне надпись рукой ма-тушки: «22 июня 1941 г.».

Уже несколько часов идет война...

Теннадий Смирнов

1

2

1. Мытищи. Последняя предвоенная фотография колокольни церкви Владимирской иконы Божией Матери. В 1941 году ее разрушат, чтобы она не служила ориентиром для вражеских самолетов

2. Геннадий Смирнов.
Мытищи. 22 июня 1941 года

Каска

К концу лета сорок первого на столицу и ее окрестности фашисты совершали авиационные налеты. И поселку Перловка тоже доставалось. Как завоют сирены и гудки – так всем гражданским лицам приказано было в бомбоубежища прятаться. У нас в саду тоже вырыли убежище. Моя мать с соседями туда забиралась. У матушки моя сестренка годовалая на руках, узелок с вещами, чтобы самое ценное сохранить, и меня тянет, конечно.

Соседи тоже с барахлишком. О Боге вдруг вспомнили. Шепчут: «Господи! Спаси и прinesi!», а мне, глупышу, на воздух хочется. Там все гремит, лучи прожекторов бегают. Я потихоньку вылезал. Матушка хватится – и за мной. Утянет обратно, и шлепков надает. Помогало слабо.

Тогда она убеждение применять стала, говорила про осколки и бомбы, которые поранить могут. Я возражал: «Солдаты же ничего не боятся». А мать свое гнула – дескать, все солдаты каски носят, а у меня ее нет. Про каску я знал. Солдатики оловянные в касках были. Да и на картинках тоже.

Подростки в округе шустрее оказались и для

безопасности на головы приспособили кастрюли. Это давало им право не прятаться, а следить, чтобы на дома «зажигалки» с самолетов не попали. А Вовка Андриянов вместо каски дуршлаг на голову надел. Сашка по прозвищу Пуняга во время тревоги обломки кирпича на крышу Веры Иосифовны кидал. Она потом всем рассказывала про ужасный налет и о том, как бомбы сыпались только на ее крышу, а она пряталась под надежной кроватью.

Это я все из разговоров услышал и решил тоже каску раздобыть. Я знал, что дуршлаг – это кастрюля с ручкой и дырками. По форме она очень напоминала каску, только ручка мешала. Выбрал я момент, залез на полку и достал дуршлаг. Засунул ручку в дверь, отломал ее и водрузил «каска» на голову.

Матушка ругать меня за испорченное имущество не стала, а только обняла и заплакала почему-то. Да еще каким-то Аникой-воином назвала. Я с гордостью ходил по саду в дуршлагае и был уверен, что со мной ничего не случится, ведь у меня почти настоящая каска, как у солдат, что на фронте.

Геннадий Смирнов

Начало

Летним ясным днем размеренный ритм жизни мытищинцев, как и всей страны, нарушила суровая весть: враг вероломно напал на нашу землю, несет смерть и разрушения. Услышав ее, сразу содрогнулись миллионы сердец, в которые вошла тревога и озабоченность: что будет? Моя мать вспоминала то утро, на удивление теплое и ясное. Оставив нас с братом, совсем маленьких, спящими, она пошла за водой на колонку, но по дороге ее встретила соседка; растрепанная, в сле-

зах, она кричала: «Война, война, о, горе нам!» Кинув ведро, мать бросилась домой и приникла к маленькому радиоприемнику, слушая страшное известие. Через несколько месяцев приемники у всех забрали, а вместо них на стены повесили черные круглые репродукторы. По ним мы слушали сводки Совинформбюро и различные объявления, в том числе о воздушной тревоге. Чем ближе враг подходил к Москве, тем чаще звучал этот сигнал тревоги. И тогда мать хватала меня под мышку, а брата за руку, и мы бежали в бом-

1. Мытищинский районный военкомат. 1941 год.

В 1985 году на месте этого здания в Леонидовке на улице Попова был установлен памятник

2. Перловка. 1-я Вокзальная улица. Здание почты. 2003 год.

На фасаде долгое время оставались следы от осколков авиабомбы

боубежище, которое находилось совсем рядом, в банном дворе.

Растерянность первых дней постепенно проходила, люди перестраивали свой быт, работу на военный лад. Конечно, на предприятиях состоялись митинги, на которых выступавшие клеймили немецко-фашистских захватчиков и клялись защитить, не жалея сил и жизни, свою родину. Очень часто прямо с этих митингов люди уходили на фронт, добровольцы осаждали военкомат, который находился тогда в Леонидовке.

Сам город Мытищи в те суровые дни оцетинился противотанковыми ежами и колючей проволокой. В несколько рядов они окружали и Вагоностроительный завод. После войны их вырыли и отправили на переплавку, а один так глубоко врос в землю, что не могли вытащить, решили засыпать его землей. Потом здесь сделали дорожку, и как ни засыпали этот еж, он все краем вылезал наружу, словно напоминая мытищинцам о войне. Старожилы, зная это, обходили его, а молодые спотыкались об этот «след войны» и долго потом чертыхались...

Мой отец, сильный и добрый человек, до войны работал на стройке в Мытищах. В первых числах июня 1941 года его забрали на военные учения. Он даже не успел с нами проститься – оттуда сразу отправили на фронт, вернулся он домой в 1946 году, в орденах и медалях, но с рукой, повисшей плетью, контуженный. А мы были счастливы, ведь очень многие отцы не вернулись вообще. Помню, когда мы пошли в школу, и нас, первоклашек, стали спрашивать о родителях, то чуть ли не каждый второй отвечал: «Убит на войне». Когда дошла очередь до меня, мне почему-то стало стыдно, что мой отец вернулся живым, и я сказала: «А он – инвалид». Так вот, мой отец, рядовой пехотинец, совсем не так рассказывал о войне, как мне доводилось читать в книгах или смотреть в фильмах. Это была суровая солдатская правда. Самым тяжелым воспоминанием для него было убийство первого своего врага на войне – безусого молоденького немца, испуганное, растерянное лицо которого он помнил всю жизнь. Как-то смотрели мы с ним документальный фильм об освобождении Орла – он даже приподнялся со стула, следя за кадрами, ведь ему, участнику этих боев, так все было до боли близко и понятно. Но когда я попросила рассказать поподробнее об этом, он

ответил: «Что рассказывать, бои были тяжелые, и нечего о них вспоминать, а вот когда вошли в Орел, все было разрушено, сожжено. Хорошо помню только большой костер посреди площади, а возле него греются ребятишки, ободранные, голодные... Я вас вспомнил, да и отдал им весь свой паек...»

Солдат на войне... Сколько об этом еще не сказано, не написано! Недавно, перечитывая стихи мытищинского поэта Дмитрия Кедрина, который и воевал, и писал о войне, я остановилась на одном из них, напомнившем мне те, давно сказанные отцовские слова:

Война бетховенским пером
Чудовищные ноты пишет,
Ее октав железный гром
Мертвец в гробу – и тот услышит.
Но что за уши мне даны?
Оглуший в громе этих схваток,
Из всей симфонии войны
Я слышу только плач солдаток.

2 сент. 1941 г.

Редкий день мытищинские почтальоны не приносили в дома похоронки. И тогда долгий плач стоял над улицами, висел над домами. Но, пережив горе, солдатки и их сразу повзрослевшие дети отправлялись работать, отдавая действительно все для фронта, для победы. И правильно тогда говорили, что линия передовой проходит в тылу.

Осень 1941 года выдалась очень суровой, холодной. Не было света, тепла и теплой одежды. В нашем доме не было даже стекол в окнах. Ведь жили мы рядом с заводом, который часто бомбили, и стекла вылетали. Вместо них рамы забили картоном и завалили подушками. Дрова добывали в соседнем лесу. Заборы уже разобрали на топливо. Вечером, посадив нас с братом на санки и взяв топор, мать отправлялась в лес за дровами.

Всем было трудно. Вспоминаю рассказ фотокорреспондента районной газеты Виктора Афанасьевича Козловцева, как его, десятилетнего, отец привел на Вагоностроительный завод, подвел к столу с какими-то деталями, подставил ящик под ноги, дав тряпку, велел их протирать. Так для него закончилось детство.

Евгения Дюмова

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ – ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ!

НАРОД И АРМИЯ НЕПОБЕДИМЫ!

ВСТУПАЙ В РЯДЫ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ!

Чья же ты была, Дашенька?

В Перловке, где сейчас находится конечная остановка автобуса № 3, в далеком 1941 году стоял продуктовый магазин под номером 13. А рядом на противоположной стороне расположились голубой хозяйственный магазин и почта. В базарные дни со всей округи сюда съезжались мужики. И на этой маленькой площади прямо с телег продавали мясо, творог, овощи. Потом кормили овсом лошадей, поили их чистой колодезной водой. После каждого такого базара дворнику дяде Ване приходилось много работать, чтобы очистить площадь от навоза. К вечеру он пил горькую и уже пьяный ударялся в туманное рассуждение насчет порядков на площади и всенародно показывал свои мозоли на руках, сучил кулачищами перед людьми так, что милиции приходилось тащить его в кутузку.

Наше довоенное, такое короткое мирное детство с раннего утра до позднего вечера проходило на этой площади. Дом, где я жил, примыкал к этой площади, и все, что на ней происходило, отпечаталось в моей памяти. Здесь же была маленькая пивная палатка. В ней работал Сеня, торговал пивом и водкой в розлив, вкусными солеными сушками. Помогала ему толстая тетя Поля. Летом в жаркую погоду с утра рядом с палаткой ставились три стола, стулья. И выпивали уже сидя, с комфортом. Сюда к пивным столам стекался

разный люд: дворники, мелкие привокзальные жулики, пильщики дров, плотники, мастеровые. Каждого Сеня знал и встречал приветливо, величая некоторых обязательно по имени-отчеству.

– Иван Владимирович, родной мой, что пишут из деревни? – кричал он из открытого окна своей палатки.

– Да чего там... тоска одна! – отзывался Иван Владимирович, отхлебнув из кружки глоток холодного пенистого пива.

– А-а-а!.. Им теперь там только круче работай.

Уже летом 1941 года все куда-то исчезли, больше не приезжали на площадь мужики торговать продуктами. Стало тихо и как-то жутковато. Война вошла сразу в наш быт, в наши души.

В один из осенних дней мы с бабушкой стояли на нашей площади в очереди за солеными зелеными помидорами. Бабушка держит меня за руку и не отпускает от себя. А я гляжу на железную дорогу, Перловскую платформу. Там играют, бегают ребята. На откосах железной дороги работают железнодорожники. Они сматывают контактные провода – электрички уже не ходят. Я вижу, как ползет маленький паровозик, он тащит за собой платформу, нагруженную бухтами контактного провода. Паровозик часто дышит,

цокает буферами на стыках. И вот уже загудела в свой медный рожок стрелочница тетя Нюра: «Побереги–и–сь!»

Война! Фронт недалеко от Мытищ. Московские заводы и фабрики эвакуируются. Нам все это видно, все составы идут на север и восток через наш город. Местные поезда – только специального назначения.

Наша очередь двигается медленно, истомились уже все: матери, дедушки, бабушки. «Странный какой–то этот взрослый народ, – думаю я. – Так упорно стоят в этой очереди». Тогда я не понимал, что надвигалось страшное, голодное, холодное время. И купить даже зеленые соленые помидоры старался каждый. Бабушка отпустила меня поиграть с ребятами. Мы, дети, говорили, конечно, глупости о воздушной войне.

– Истребитель истребителя может истребить? – спрашивали мы друг друга.

– А бомбовоз истребителя может догнать?

– Отстань, – говорил кто–то, – бомбовоз – совсем другое дело.

Так мы играли, спорили и не заметили, как со стороны станции Лосиноостровская к нам на бреющем полете подлетели три самолета со свастикой. Над нашей площадью один из трех самолетов резко взял вправо и стал набирать высоту. Я очень хорошо видел летчика в шлеме. Мы стояли с открытыми ртами. Самолет свечой уходил в сторону Ярославского шоссе.

– Бабушка! Бабу–у–ля! – закричал я и побежал к своему дому.

Сверху из синего поднебесья на меня со страшной скоростью и воем пикировал самолет со свастикой. Добежав до забора, я понял: бежать дальше некуда да и незачем. Мимо меня бежала девочка и громко звонким голосом кричала: «Не стреляйте, дяденька! Не стреля–а–ай!» Вой самолетного мотора, трескотня пулемета сверху – все это меня напугало так, что я перестал воспринимать реальность. В ту же минуту с громовым ревом у самой почты взорвалась брошенная бомба, обдав окрестности взрытой землей и оскол-

ками. Как ватой заложило мои уши. Я ничего уже больше не слышал. Девочка упала рядом, лицом в землю, вздыбив кренделем вокруг головы свое серое пальто.

Наступила тишина. Ко мне подбежала моя бабушка: «Слава Богу, живой!» Она стала меня поднимать: «Пойдем, пойдем скорее домой, Юра!» Я плохо соображал, что произошло. Какая–то мягкая, теплая, материнская сонь спеленала мое сознание. «Ничего, пойдем домой, внучек, все обойдется», – приговаривала моя бабушка. Вот тут мы с бабушкой обратили внимание на лежащую девочку. Она как–то нескладно корчилась, пытаюсь встать. Мы наклонились над ней. Девочка открыла глаза.

– Как тебя звать? – спросила бабушка.

– Даша, – тихо ответила девочка.

– А где твоя мама?

– У меня нет мамы.

И вдруг девочка стала мотать из стороны в сторону головкой. От боли тараща глаза, искривленным ртом стала ловить воздух. Мы попытались поднять ее, но не сумели. Я посмотрел на свои руки – они были в крови. Это была кровь Даши.

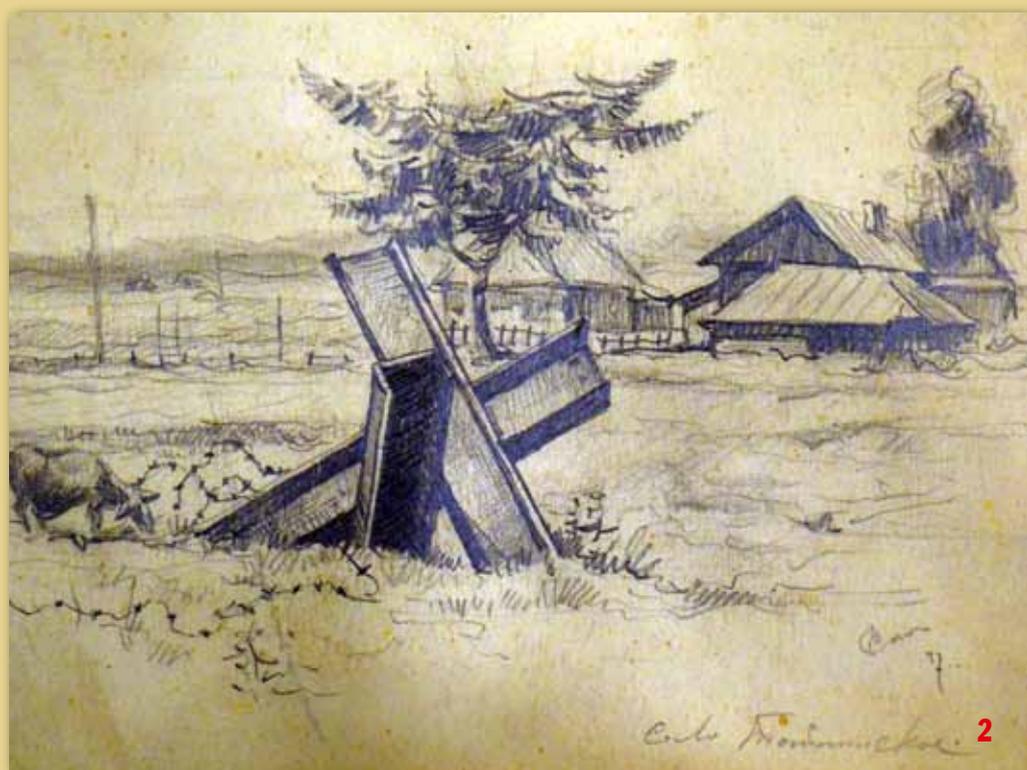
И опять вздрогнула под ногами, заходила ходуном земля. Но уже бомбили не нас. Волнами, звено за звеном, заходили на бомбометания немецкие самолеты. Более часа фашисты бомбили станцию Лосиноостровская. Было ими уничтожено несколько составов с ранеными, два состава с боеприпасами, с техникой, солдатами, которые направлялись на фронт. Я потерял сознание и очнулся дома, когда было уже совсем темно. На мой вопрос, где Даша, бабушка ответила, что ее отправили в больницу.

В тот золотой осенний день я понял, что такое война. Впереди были долгие годы военного детства. Иногда мне снится тот осенний страшный день. Я вижу девочку Дашу, и она мне что–то кричит. Но я не могу понять, чья же ты была, Дашенька?

Юрий Баронкин

1. Г.Б. Смирнов. Воздушная тревога. Перловка. 1941 год (акварель)»

2. В.А. Скок.
Окраина села
Тайнинского. 1947
год (карандаш)»

НИ ШАГУ НАЗАД!

НАШИ СИЛЫ НЕИСЧИСЛИМЫ!

БЕСПОЩАДНО РАЗГРОИМ И УНИЧТОЖИМ ВРАГА!

ДОМ

Дом стоит вдали от деревни. Правда, домом его уже трудно назвать. Полуразвалившееся строение, окна зияют незастекленными проемами, как бы подчеркивая полную опустошенность. По пустым комнатам беззаботно гуляет ветер.

С большим трудом мне удалось найти бывшую хозяйку. И вот сидит она, от меня такая далекая. И чувствую я, как трудно ей говорить о прошлом.

Если в доме нет жизни, то и дому жизни нет, вот и пришел он в такое состояние. А виновата во всем война.

Муж Марии Ивановны, Степан, был хорошим мастером. За любым делом – по слесарной ли, по плотницкой ли части – односельчане шли к нему. Ничего удивительного, что и дом свой отстроил сам. Тем более что у него был прекрасный помощник – жена. И ставили они свое жилище, рассчитывая, что заживут в нем со своим будущим сыном или дочерью. И дом этот будет во сто крат дороже любого другого, потому что построен своими руками и потому что будет ровесником их малышу.

Прошло пять лет. По траве у дома весело бегают босоногий Сашка. Степан что-то мастерит. Мария хлопочет по хозяйству. Она не знала, что всего через несколько дней придет беда. Беда страшнее любых других бед. Война.

Так уж получилось, что первые рубежи, которые пришлось защищать Степану от наседавших фашистов, прошли недалеко от дома, где жила его Мария с сыном, – на западе Мытищинского района. Степан договорился со старшиной: когда наступит затишье, он будет заглядывать к ним, чтобы повидаться с семьей и разделить с родными нехитрые солдатские харчи. Кто знает, удастся ли еще свидеться? Старшина отнесся с пониманием и разрешил Степану небольшие отлучки, зная аккуратность солдата.

...Смерть бывает разная. Кто-то погибает, как герой, закрывая собой амбразуру вражеского дота, кто-то ползает как червяк, умоляя о пощаде. А бывает смерть нелепая. Степан погиб именно такой смертью. В каких-нибудь четырехстах метрах от собственного дома. Он нес своему Сашке котелок щей, и на этом – то мирном пути и настигла его пуля фашистского снайпера. Из котелка лилось еще теплое варево, а Степан был уже мертв.

Мария Ивановна живет сейчас у сына, Александра Степановича, в Москве. Уже вырастила двух внуков и нянчит правнуков, а дом с пустыми, словно выплаканые глаза, окнами стоит памятником погибшему Степану.

Юрий Баронкин

ТЫ ПОМОГ ФРОНТУ!

ВСЕ СИЛЫ НАРОДА – НА РАЗГРОМ ВРАГА!

ВПЕРЕД, ЗА НАШУ ПОБЕДУ!

Топливное сражение

Военной истории Мытищ есть поистине героические страницы, даже не связанные с боевыми сражениями.

В августе 1941 года прекратился подвоз топлива, а через месяц и продовольствия. Эшелоны шли на фронт с войсками, вооружением и боеприпасами. На предприятиях и в учреждениях запасов угля, мазута и дров оставалось максимум на два месяца, и это при жесточайшей экономии. Перед руководством города и района встал вопрос – где взять топливо? На дровах могли работать котельные, обеспечивающие теплом школы, больницы, госпитали. Предприятия нуждались в более существенном материале. Тут и вспомнили о больших запасах торфа, что скопились на яузских болотах. Они остались с тех времен, начало 20-х годов, когда и водокачка, и Вагонный завод, да и Подлипки использовали для работы дешевое топливо.

Обследование торфоразработок показало, что запасы большие, и даже есть кое-какая техника: мотовоз и вагонетки, а вот узкоколейка лишилась в значительной части рельс, шпал. Насыпь размыта.

В короткий срок была проведена мобилизация населения, привлекли старшеклассников. С запасных путей снимали рельсы, шпалы готовились прямо на месте, металлические костыли ковались где только можно. Работа шла круглосуточно. Участница тех событий Е.А. Подображ-

ных, комсорг цеха завода № 40 (Мытищи), вспоминала: «Жили в наскоро восстановленных бараках. Приходилось работать зачастую по колени в воде. С наступлением осенних холодов грелись у костров, но работали до изнеможения. Каждую неделю сменялись и были дома по два-три дня. Потом эту дорогу, как и на Ладогe, назовут «Дорогой жизни». Она такой и была. Через три месяца торф пошел в топку предприятий, школ и госпиталей».

Успешно решив проблему с торфом, получили новый приказ – по весне обеспечить дровами Москву. Приспособили баржи, подогнали их по воде к Пирогово, а старый довоенный паровичок «кукушка» стал возить дрова. Заготавливало их все трудоспособное население. Разбирали лесные завалы, что готовили против танков в 1941 году. Все делалось вручную. И первый караван судов, груженный лесом, отбыл в столицу. Задание Правительства было успешно выполнено. В этом заслуга жителей Мытищ, Подлипок, Пушкино.

Геннадий Смирнов

Карточки

Слово вошло в повседневную жизнь сразу с началом войны. Уже в августе 1941 года вышел приказ Наркома торговли «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия», а затем на промышленные товары для населения. Все, кто жил в тылу, делились на рабочих, инженерно-технических работников, служащих, иждивенцев и детей до 12 лет. В свою очередь их разделяли еще на две категории, где первая включала работников оборонной промышленности, транспорта и других важных отраслей народного хозяйства. Их норма хлеба и сахара была несколько выше. Вторая категория включала в себя работников менее важных отраслей.

Рабочие и ИТР первой категории должны были получать в день 800 г хлеба, и в месяц 800 г сахара и кондитерских изделий, а во второй категории на 200 г меньше.

К сожалению, эти нормы почти никогда не обеспечивались полностью. На местах вместо хлеба выдавались заменители: крупа, соя, зерно. В Москве и Подмосковье с июля 1941 года установилась норма в месяц: 1200 г мяса и мясопродуктов (к ноябрю норму сократили вдвое), 400 г масла, 800 г рыбы (в основном была селедка). Детям, кормящим и беременным женщинам полагалось молоко. Утеря карточек была страшным ударом, так как лишала семью основы и без того скудного пропитания. В обиход вошло слово «отоварить», т. е. получить что-либо по карточкам.

Рабочие и служащие питались на предприятиях в столовых. Выдавались специальные пропуска на трехразовое питание. За еду из рабочих карточек вырезались талоны с указанием нормы. Рабочий день продолжался по 12–14 часов, и часто без выходного дня.

Жители прикреплялись к ближайшим продуктовым магазинам и палаткам. На Дружбе имелся «голубой магазин» (много лет он кра-

сился в синий цвет) и палатка у Перловского завода. В Перловке работали три магазина у станции. Очереди занимали с 5–6 часов утра. Дети ходили только с взрослыми. Хлеб плохо пропекался и был сырым, но нам казалось, что в мире ничего вкуснее нет, и от хлебного запаха дух захватывало. Получив свою «пайку», можно было куснуть край корочки. Где-то после 1943 года появились по карточкам в пайках американские продукты питания, поставляемые по ленд-лизу: маргарин, топленое сало «лярд», тушенка и яичный порошок.

Экономить старались на всем, так как на предприятиях и в учреждениях проводились подписки на государственные займы. С 1942 года было объявлено о подписке на 4-й военный заем. Потом были еще три займа, а после войны – заем на восстановление и развитие народного хозяйства. Проводились регулярные розыгрыши облигаций и их погашения, когда можно было получить их номинальную стоимость. Выигрышей среди знакомых что-то не припоминается, а вот погашения 1945 года были. Облигации можно было сдать в фонд обороны. В газетах печатались статьи о людях, купивших на свои средства и облигации именные танки и самолеты. Мои родители и две тетки сдали свои скудные средства, в основном облигации, на танковую колонну «Московский колхозник» и авиаэскадрилью.

Карточки продержались до 1947 года, когда их отменили и была проведена денежная реформа. Старые банкноты заменили на новые. Карточки и займы сохраняются в памяти нашего поколения как вехи трудного, но героического времени, когда для победы над врагом прилагались все силы и лозунг «Все для фронта, все для победы!» был не пустым звуком.

Геннадий Смирнов

**Уборка урожая в колхозе «Соревнование».
1944 год".**

В настоящее время на землях мытищинского колхоза построены микрорайоны Новых Мытищ

**Карточки на получение промышленных товаров
и сухого пайка. 1940–е годы**

Лиццы нашего детства

ПОД МОСКВОЙ ДОЛЖЕН НАЧАТЬСЯ РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ!

СИБИРЯКИ КЛЯНУТСЯ: ВРАГ ПОД МОСКВОЙ БУДЕТ ОСТАНОВЛЕН И УНИЧТОЖЕН!

Плакаты

«*Ш*ершавым языком плаката», как образно выразился известный поэт, можно сказать очень многое. Особое место в жизни целого поколения сыграли плакаты периода Великой Отечественной. Некоторые остались в моей памяти на всю жизнь.

Осень сорок первого, начало октября. Мы с тетушкой-студенткой идем по улице Колонцова в Мытищах в сторону Ярославского шоссе. Прохожих мало, да и те в большинстве своем женщины и дети. На углу Дома Советов среди каких-то объявлений яркий плакат с надписью «Родина-мать зовет!». Навстречу идет военный патруль, видимо, из рабочих. Оба одеты в защитные телогрейки и новенькие шапки-ушанки. За плечами винтовки со штыками. Вооружены и охранники у проходной Вагонного завода, и у пожарной части. Небольшая очередь у аптеки. Впоследствии я узнал, что покупают детскую присыпку, на три четверти состоящую из рисовой муки.

По мостику через Язуу направляемся к Заречной Слободе, где в неприметном деревянном строении – цели нашего похода – оборонная организация ОСОАВИАХИМ. Там работает мой отец. В своеобразной приемной много народа – это жены сотрудников. На стенах плакаты «Отстоим Москву» и «Защитим Родную Москву». Отец что-то говорит по телефону. Люди в военной форме вносят и выносят мешки и ящики. По-

является знакомый — это дядя Степа Добычин. Он на командной должности в истребительном батальоне. Подходит к одной из женщин, целует и что-то говорит. Женщина кажется знакомой. Вспоминаю фотографию, где моя матушка в юности, а рядом с ней – подруга. Мама говорила, что это Нинка Монахова. Оказывается, она вышла замуж за Добычина. Женщина направляется к нам, треплет меня по голове и спрашивает про мать. Тетя ей что-то говорит.

Начинается раздача продуктов. Поступило распоряжение на выдачу излишков семьям в счет будущих месяцев. Мужчины на казарменном положении и не могут отлучаться, даже проведать родных и близких.

Тетушке в корзину и чемодан чего-то кладут. «Нагружают» и меня. На спину водружают своеобразный вещмешок. Он сооружен из наволочки, в углы которой засунуты две маленькие картофелины. Все это перевязано веревкой, а горловина затягивается узлом. Все, как у настоящего вещмешка, только лямки не пришиты. Видимо, моя поклажа состоит из крупы весом не более четырех килограммов. По своему возрасту я бы больше не донес.

Усталые, но довольные успешно выполненным долгом, мы добираемся до дома. Я укладываюсь спать, а матушка ставит на печку-буржуйку кастрюлю для каши. В доме продукты кончились еще вчера.

Геннадий Смирнов

ОТСТОИМ МОСКВУ!

1. Отправка на фронт роты связи 206-го запасного стрелкового полка. Мытищинский район. Зима 1942 года"

2. Лыжная подготовка роты связи 206-го запасного стрелкового полка. Мытищинский район. Зима 1942 года"

3. Связисты–телефонисты за работой. Мытищинский район. Ноябрь 1941 года

4. Доставка мяса на передний край обороны. Район канала Москва–Волга. Декабрь 1941 года

УЧИТЕЛЬ-ВОИН

Зимой 1940 года учитель воскресной школы Михаил Максимович Гавришов был призван в ряды Красной Армии. В размеренную жизнь страны ворвалась война, все перевернув на свой лад. Где же вы были тогда, дорогой Михаил Максимович?

20 ноября 1941 года по указу Главного командования была создана оперативная группа из 20 зенитных батарей и брошена в район Крюкова для отражения танковых атак фашистов. В одной из этих зенитных батарей и находился Гавришов.

Зима 1941 года тешилась трескучими морозами. В березовой поросли вырыли траншеи, окопы, установили зенитки, тут же залегла обслуга орудий. Стрелять ведь придется только прямой наводкой, значит, очень близко надо подпустить танки.

Колючий ветер свистит и гонит на траншеи поземку, бросает в лицо холодный снег. Какое счастье было посидеть несколько минут в землянке! Маленьким красным язычком на столе горит коптилка, освещая только грубо сколоченный стол. Из бочки сделана печь, которую облепили солдаты, как опята старый пенёк. Михаил Максимович рассказывает бойцам интересные истории, а они, открыв рот, слушают своего командира. И вдруг с громовым воем вблизи тяжело ухнуло. Нет, тогда не было страшно. Командир всматривался в идущие на его батарею танки. Мысли неслись вихрем – только не пропустить.

– Ребята–а–а–а!.. О–гонь!

И разом, как будто из ушей пробки вынули, началась автоматная стрельба. От всех этих звуков и шмелиного визга пуль начало тошнить, шумело в голове. Загорелся передний танк, второй, третий. Задние остановились. И вдруг попятнулись, от дороги к лесу начали отступать.

Выписки из архива Министерства обороны: «Воины–зенитчики проявили самоотверженный героизм, в течение 12 дней уничтожили 78 танков противника и 250 фашистов». Зенитчики защищали северо–западную часть столицы. А совсем скоро,

уже в первых числах декабря 1941–го, наши войска перешли в решительное наступление.

Но вот все страшное позади. Победа! Можно и о жизни подумать. Но нет. Уже в мае 1945 года пошли слухи, что там, за горным хребтом Дальнего Востока, враг не дремлет. Начал собираться в дальнюю дорогу и Михаил Максимович, впереди его ждала еще одна война, на этот раз с японцами.

Нет, Гавришов не прятался на фронтах от смерти, это она, смерть, от него отступала. И вот на многострадальную российскую землю наконец пришел долгожданный мир. Принимайте живого меня, милые!

Михаил Максимович Гавришов окончил Ленинградский педагогический институт, где получил высшее образование и замечательную профессию – учитель. Мне повезло несколько лет учиться у него. И я смело могу сказать: это – мой учитель. Это он объяснил нам, что такое патриотизм. Это он, дорогой наш учитель, раскрыл нам страницы истории нашей страны...

Идет контрольная работа по литературе. Михаил Максимович стоит у окна. На улице валит снег, а вьюга бросает его в окно. Ветер ощупывает школьные стены. Учитель поворачивается к нам и тихо говорит: «Ребята, это наша великая Родина». Какой маленький штрих, но я его помню всю жизнь.

А какими были уроки истории! ...По широкой степи катился яркий вал конницы. Поднятые всадниками пики и сабли, развернутое красное полковое знамя и песня. Да–да, песня. Конница Буденного раскинулась в степи. Да, это конница Буденного! Это она на картинке, которую показывает нам Михаил Максимович. И мне, сидящему за партой, уже по–настоящему слышится, как цокают подковы на долгом пути бойцов и потрескивает красный кумач на ветру. Чувство патриотизма захватывает весь класс, а песня все набирает силу... Но, к нашему сожалению, звонок прерывает повествование.

Юрий Баронкин

1

1. Собрание колхозников мытищинского колхоза «Соревнование». 1943 год"

2. Матери–героини, у которых на фронтах сражались несколько сыновей и дочерей, после вручения подарков. Мытищи. Январь 1942 года"

2

Солдатский хлеб

Об этом случае мне рассказала жительница поселка Пироговский. В 1941 году ей было восемь лет.

О драматизме и накале борьбы за Москву говорится в последнем письме ее отца, присланном с фронта из-под Смоленска в конце сентября 1941 года. Он пишет: «Бои идут такие, что выжить нет возможности, береги детей. Целую, Петр».

В конце ноября 1941 года поселок фабрики «Пролетарская победа» оказался прифронтовым. Враг стоял у канала Москва–Волга. Самолеты противника по вечерам рвались к Москве, регулярно пролетали над поселком. Для прикрытия воздушного пространства и объектов – фабрики, Пироговской плотины, гидроузла – в деревне Коргашино стояла батарея зенитных орудий, которую обслуживали девчата–артиллеристы.

В районе деревни Рупосово, где находился институт связи, по вечерам поднимались аэростаты, и ночное небо прорезали яркие лучи прожекторов.

Специально поселок и плотину не бомбили, но, не пройдя зенитный заслон, фашистские самолеты при возвращении сбрасывали бомбы на близлежащие объекты. Поэтому жители поселка при объявлении тревоги несли круглосуточно дежурство.

Фабрика в этот период выпускала важную продукцию: шинельное сукно, палаточное полотно и марлеву ткань. Наступили голодные дни. Уже порезали скот, а единственный магазин хлеб выдавал по карточкам.

Это произошло в доме, который сейчас стоит рядом со зданием больницы. Ранее он назывался Красной спальней. Там и жила моя рассказчица с матерью и малолетним братом. Однажды вечером, когда они по обыкновению сидели на кухне, в дверь постучали. На пороге стоял комендант и голосом, не терпящим возражений,

сообщил: «Срочно освободите одну комнату на ночь. К вам разместят на постой десять бойцов».

Через полчаса послышались тяжелые шаги. В комнату вошли одетые в шинели и ватные куртки солдаты. В руках они держали вещевые мешки и винтовки. Через некоторое время на кухню вышел высокого роста военный с тремя треугольниками на защитных петлицах. Улыбаясь, он потрепал девочку по голове большой ладонью и сказал, обращаясь к матери: «Хозяйка, хорошо бы чайку сготовить», – и, кивнув на стоящий на столе самовар, ушел в комнату.

Мать быстро заправила самовар водой, подождала щепки, и минут через сорок он уже гудел, пыхтя паром. В комнате, где расположились бойцы, стояла тишина. Мать робко подошла к двери и постучала, но ответа не последовало. Она тихо открыла дверь. В разрезе луча света дети увидели плотно прижавшихся друг к другу спящих людей. Утомленные дальней дорогой, – судя по грязным ботинкам, они шли пешком, – бойцы, сняв боевое снаряжение, слегка похрапывали.

Мать долго стояла над ними, не смея нарушить покой этих смертельно уставших людей. Она не спала всю ночь, поддерживая огонь в самоваре, с готовностью напоить чаем отдыхающих солдат. Рано утром старший, тот, что с командирскими петлицами, положил на стол буханку ржаного хлеба с двумя банками свиной тушенки и три куса колотого сахара.

Поев и попив чаю, солдаты ушли в сторону деревни Пирогово. Рассказчица с любовью объясняла мне, как вкусны были хлеб и свинина, подаренные солдатами. Память об этом она пронесла через всю свою жизнь.

По сей день историки ведут полемику о том, как наша страна смогла победить в такой страшной войне. Но, на мой взгляд, самое верное – это то, что наш солдат в то роковое время взял ответственность за будущее страны.

Виктор Колумский

1

**1. Восстановление МТС после отступления немецких войск.
Осмотр отремонтированной техники руководителями города. 1941 год**

2

**2. Владимир Журило – бригадир молодежной
бригады завода № 40. 1943 год".
В 15 лет он встал к токарному станку, руководил
фронтальной бригадой, созданной из подростков.
В 1966 году за выполнение особых правительственных
заданий и ударный труд В.И. Журило присвоено звание
«Герой Социалистического Труда»**

Лица нашего детства

**ДИСЦИПЛИНА ТЫЛА ДОЛЖНА БЫТЬ
ФРОНТОВАЯ!**

**УСКОРИМ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ
НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ!**

«ПОЛКОВНИК»

Это еще до войны прозвали «полковником». Коренастая фигура в полувоенной форме с ремнями, красноватое лицо, нагловатый взгляд и шоферская напористость – все соответствовало представлению о майорах и полковниках, появившихся в армии после 37-го года. Дядя Федя работал водителем на легковушке и возил начальника ОСОАВИАХИМа. Отец мой тоже там работал. Вот и дружили мы семьями.

С началом войны «полковник» завел себе бешку защитного цвета и папаху. Добавилась еще командирская планшетка. По всем статьям – большой начальник. В октябре 41-го все, кто мог, из Москвы уезжали. Наши семьи тоже было решено эвакуировать. Выбрали Владимирскую область и поехали. «эмка» и «полупорка» со скарбом отправились под вечер. Мать и супруга дяди Федя ехали в легковушке впереди, а я с гордостью восседал на коленях у отца в грузовичке. Если следовала остановка перед очередным постом, из «эмки» появлялась внушительная фигура «полковника», вся в ремнях, доставалась какая-то бумага, и мы следовали дальше.

Оставив нас в районе Гаврилова Посада, мужчины вернулись в Мытищи. По плану они закладывали партизанскую базу на Яузских болотах. Основу отряда должны были составить роты истребительного батальона, а командиром назначался их знакомый Степан Добычин.

К счастью, немцев отогнали, и партизанить не пришлось. А с «полковником» неприятность вы-

шла. Как-то стукнул он здорово начальственную машину. Время было суровое, да и смягчающих обстоятельств не нашлось – водитель находился под изрядным градусом. В общем, суд и штрафбат.

Плохо вооруженных штрафников бросили в бой где-то в волжских степях. Немцы растрепали батальон, остатки загнали в заснеженную балку и пленили. По рассказам дяди Федя, ему повезло. Когда вдоль строя прохаживался какой-то фашистский чин в фуражке с теплыми наушниками, его цепкий взгляд остановился на «полковнике». Конец хлыста уперся в грудь штрафника. «Оберет?» Услужливый переводчик перевел вопрос: «Полковник?» «Нет, – отвечаю, – рядовой красноармеец». Немец морщится: «Это сейчас рядовой, а раньше был полковником?».

В общем, передавали «полковника» по инстанциям, пока не убедились, что внешность бывает обманчивой. Оказался дядя Федя в батраках в глубине Германии. Чинил всякую технику и освоил это дело в совершенстве.

После победы отсидел свое, но вернулся. Машину «предателю и изменнику» конечно не доверили. Устроился слесарем, всегда имел левый заработок, так как в трофейной технике разбирался отлично. Во всей округе, в любой пивной уважительно отзывались о «полковнике» и часто угощали, зная, что он в долгу не останется. На Руси мастеровой люд издавна в почете был.

Геннадий Смирнов

РАБОТНИКИ СОВЕТСКОГО ТЫПА! РОДИНА ВЫСОКО ЦЕНИТ ВАШ САМООТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД, ОНА НАГРАЖДАЕТ ОТПИЧИВШИХСЯ НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ И ТРЕБУЕТ: ЕЩЕ БОЛЬШЕ ВООРУЖЕНИЙ И БОЕПРИПАСОВ ДЛЯ РОДНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

В эвакуации

Осенью 1941 года наша семья оказалась в эвакуации неподалеку от городка Гаврилова Посада, в поселке, где был большой конезавод. Приютились в избе, большую часть которой занимала русская печь, потреблявшая много дров, но дававшая щедро тепло и место для отдыха. Мы даже мылись в этой печке.

Эвакуированных оказалось много, но всех как-то размещали, выдавали пайки, помогали выжить.

Помню в сельском клубе сеансы кино. Перед фильмом показывали кинохронику. Наши солдаты смело шли в атаку, кидали во врага гранаты, умело маскировались. Музыка звучала победная. Все напевали песенку из фильма «Ястреб морской» о судне-ловушке немецких подводок: «Уходит от берега «Ястреб морской», и девушка машет рукой...»

Запомнился своеобразный владимирский «окающий» говор и притча «чай». Пели такую частушку: «Чай, мой миленький приехал, чаю, чаю напился. Чай, обулся, чай, оделся, чай, на улицу собрался!».

С наступлением холодов на улицу выходил редко. Одежды подходящей не было, а из довоенной курточки-капитанки уже вырос. Начала ходить сестренка Ира. Сначала ее поддерживали полотенцем, а вскоре затопала самостоятельно. Это тоже было маленькой радостью.

Удачно разрешилась проблема с топливом. Мать пригласила на постой целое отделение солдат, человек семь-девять. Двое оказались земляками отца – калужские. Постельцы спали на соломе на полу, укрывались шинелями. За три недели, что они прожили у нас, дожидаясь получения лошадей для фронта, успели заготовить дров и оставили настоящую солдатскую пищу – консервы и каши в концентратах.

С началом лета появились крапива и щавель. Все ходили в луга на сбор витаминов. Мальчишки жарили «яичницу» из раковин, их много было на речной отмели. Любил я посещать дом, где жила добрая тетя Наталия. У нее сын на фронте пропал без вести. Она меня угощала сладким чаем. Впоследствии я узнал, что такую сладость дает корень солодки. Сахар являлся редкостью. Как радостно было встретить в 50-е годы этих ребят, вспомнить те места и узнать, что сын тети Наталии вернулся, хотя и раненый.

Приезжали еще какие-то военные за пополнением. Приглашали тетю-студентку довести в эшелоне до Москвы, но она отказалась. Уже в Лосиноостровской состав попал под бомбежку, и много народа погибло. Об этом писал впоследствии тетушкин знакомый офицер.

К осени 1942 года фашистов от столицы отогнали далеко, и можно было возвращаться в родные места, в свою Перловку.

Денис Смирнов

Голодная зима

Зима сорок второго. Очень голодно. Отец и тетя работают по 12 часов. Мама решила поменять вещи на продукты, а для этого надо было ехать в деревни, уже освобожденные от немцев. В морозную зиму сорок второго они отобрали у жителей теплые вещи, но продукты еще сохранились.

Меня и малолетнюю сестренку оставили у тети Наташи. Она работала в Москве санитаркой в госпитале и жила в общежитии где-то в районе Калужской площади. Она рано заступала на дежурство и запирала нас в комнате.

Работа санитарок была тяжелой. Они не только ухаживали за ранеными, но и переносили их. Иногда сдавали кровь для переливания. Медперсонал кормили на работе, и нам мало что доставалось. Запомнился суп из тертой картошки с очистками синеватого цвета.

Радостью было вечернее посещение тети Нины с химзавода, где им давали немного бе-

лого хлеба и бутылку соевого раствора «суфле». Рядом на лестничной клетке была комната женщины-донора. За сдачу крови ей полагался усиленный паек и даже вино. В Новый 1943 год нас с сестренкой пригласили к ней на елку, и дали по маленькой конфетке. Сестренка еще никогда не видела елочных игрушек и ухватилась за одну из них. Пришлось ее уводить со слезами на глазах. В запертой комнате было скучно, и я сидел на подоконнике и смотрел, как проезжают редкие машины, идут уставшие люди, закутанные в платки и шарфы.

Так прошла неделя. В один прекрасный день я увидел маму. С сумками через плечо она переходила улицу. Дверь была заперта снаружи, и мама не смогла попасть к нам, но в щель просунула несколько кусочков вкуснейшего пирога с начинкой из свеклы. На следующий день мама приехала за нами и увезла домой в Перловку.

Геннадий Смирнов

А музыка звучит...

Человек за всю жизнь столько всякой музыки наслушается, что по-разному на нее реагирует. Это, конечно, по настроению. У меня, когда я слышу фронтовые песни, невольно слезы наворачиваются. Особенно впечатляет «Священная война». Мы ее мальчишками хором пели, когда по улице, засаженой картошкой, маршировали и пальтишки, как солдаты, в скатку через плечо надевали.

Навсегда остался в памяти и весь довоенный репертуар Вадима Козина. В трудные годы из дома исчезло все, что можно было обменять на продукты: отрезки на платье, щегольские отцовские краги (голеньища на ремешках к ботинкам и брюкам галифе).

Последними менялись патефонные пластинки. Мать ставила их по несколько раз подряд и плакала. С любимой песней «Маша» (по рассказам, Козин посвятил ее Марине Расковой) расставались особенно трудно.

В счастливые времена (до войны), когда отец хотел загладить свою вину, он пробирался украдкой в дом, заводил патефон, и чарующий голос певца выводил: «Хмуришь брови часто, сердисься все зря. Злость твоя напрасна, я люблю тебя...». Где те времена и люди, что жили и любили под незатейливые мелодии довоенных лет?

Геннадий Смирнов

1

1. Колхозницы села Тайнинского отправляют овощи семьям фронтовиков. 1941 год"

2. Красный обоз помощи семьям военнослужащих. 24 января 1944 года".

Мытищинские колхозники везут продовольственную помощь на быке Мишке

2

«Железное» дерево

О том, что в жарких странах есть дерево, по твердости не уступающее железу, я позже узнал. Но «железные» деревья и в нашем лесу произрастали. Во время войны с топливом сразу проблемы сделались. Все для экономии железные печки – «буржуйки» завели, но и они топлива требовали. Поначалу потихоньку заборы на растопку растаскивать стали, а потом и за деревья взялись.

За дровами целые экспедиции снаряжали. Две–три семьи объединятся, и ночью в лес. Лесников тоже почти всех на фронт забрали. Так и пилили все подряд.

Стало кончаться топливо и у нас. Отец, сосед Иван Николаевич с сыном Юркой да тетка моя облюбовали одну сухую ель, что росла возле стрельбища. Ночью взяли санки, пилы, топоры и поехали. Почти под утро привезли дров. Устали, ругаются. Две пилы затупили. Еле распилили. Ну прямо как железо.

Когда стали колоть, и, правда: ствол до полонины был весь буквально нашпигован пулями. К нему, видимо, не раз подступались, а наши впотьмах взяли упорством. Я потом много головок из поленьев наковырял. Все в войну играл. Наши неизменно побеждали.

Геннадий Смирнов

Второй фронт

Айские дни сорок четвертого. Мальчишеской стайкой сгруппировались мы около старой сосны. Возле нее теплее, и много сухой прошлогодней травы. На ней не так холодно босым ногам. По очереди поджимаешь то одну, то другую ногу. Земля не прогрелась, а подошвы не набрали той жесткости, что появляется к осени.

Лениво переговариваемся, обсуждая в основном, что слышали от взрослых. У соседа Генки с фронта пораненный вернулся отец. У него из ноги до сих пор выходят осколки. Немного жутковато, но интересно. У Корженевских беда, сразу три похоронки. Они – самые пострадавшие во всей округе.

Подходит Аркашка рыжий и начинает врать про то, как «рубанул» целую банку «второго фронта». Так называют американские консервы. О банке, конечно, враки, но приятно вспомнить розоватое мясо. Представляю, как мать открывает, отрезает маленький кусочек и кладет его в кастрюлю, а остальное прячет. Младшая сестренка смотрит на еду и чмокает губами, как будто ест.

Наша семья получила по распределению посылку от второго фронта. Тонкое платье без рукавов, щедро расшитое стеклярусом, клетчатый мужской пиджак, один рукав на десять сантиметров короче, видимо, пожертвовал инвалид, и два прекрасных теплых трикотажных свитера из двойной байки.

Рыжий продолжает рассказывать о том, что он был на трофейной свалке около Мытищ. Там столько техники поломанной, и можно найти даже оружие. У нас разгораются глаза, но все понимают, что без старших туда не попасть, а им некогда.

Первомайские праздники отметили скромно. Детям выдали по несколько штук конфеток–горошинок розового и белого цвета. А соседка тетя Лиза угостила очень вкусными оладушками из картофельных очисток. Мне досталось даже две штуки!

Взрослые говорят о втором фронте, имея в виду высадку войск в Европе, а для меня и моих сверстников он так и останется воспоминаниями об американской тушенке.

Геннадий Смирнов

1

1. Леонидовка. Учащиеся 3 класса «Б»
средней школы № 2. 1944 год.
Из архива Н.А. Шубиной

2. Мытищи. Детский сад № 4.
Средняя группа. Август 1945 года.
Из архива Н.А. Шубиной

2

РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ! ВЫПУСКАЙТЕ ВСЕ БОЛЬШЕ ПРОДУКЦИИ ДЛЯ ФРОНТА И НА СТАРЫХ, И НА НОВЫХ ЗАВОДАХ. ДАВАЙТЕ НАШЕЙ ДОБЛЕСТНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ПРОДОЛЖАЮЩЕЙ ГНАТЬ ВРАГА НА ЗАПАД, ВСЕ БОЛЬШЕ ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, СНАРЯЖЕНИЯ

Охота

По меткому выражению Даля, слово «охота» – это состояние человека, который что-либо хочет. А мы, детвора, находились в таком состоянии все время, пока шла война. Охотились постоянно за всем, что сулило какую-то пользу.

Особым лакомством считались кусочки подсолнечного жмыха, что выдавали на корм скоту. Мы бежали за редкими машинами и в азарте кричали: «Дядя, дай макухи!». Откуда пришло это южное слово, я не знаю, но то, что это очень вкусно, можете поверить. И обязательно какой-нибудь грузчик, а, как правило, это были женщины, бросал нам на булыжную плитку зеленоватой, пахучей вкусности, и мы бережно собирали все кусочки и жевали, сосали, грызли это необыкновенное чудо.

Кто жил у железной дороги, охотился за кусочками угля, выпадавшими из вагонов паровозов.

Другая, более опасная охота проводилась ребятами постарше. Нас близко не допускали к этой почти военной операции. После отступления немцев от Москвы стали разбирать лесные завалы, что окружали столицу. Правда, они здорово поредели, а кое-где и вообще исчезли в печках жителей, но пней оставалось множество, да и были они высокие, как надолбы. Вот для их ликвидации и учебы стали посылать

молодых саперов. Они закладывали под пень толовую шашку, вставляли детонатор, протягивали огнепроводный, или бикфордов, шнур, уходил в укрытие, и... через некоторое время пень взлетал на воздух. Задача мальчишек была незаметно подползти к пню, подождать, пока установят заряд и сапер пойдет в укрытие. И вот тогда следовало обрезать шнур, достать шашку и незаметно скрыться. Многим подобное удавалось, и я не помню случая, чтобы кто-то из ребят подорвался.

Еще одним видом охоты были походы к руинам силикатного завода, неподалеку от которого образовалась огромная свалка из трофейной техники для переплавки. Кое-кто находил поломанное оружие, а уж немецких касок хватало в каждом дворе. Но мы брезговали их носить, играя в войну. Не хотели быть «фрицами».

С наступлением охотничьего сезона вдоль всего канала, напротив водокачки, собирались группки купающихся подростков. При первых выстрелах по уткам замечалось место ее примерного падения, и начинался поиск, кто найдет быстрее – меткий охотник или шустрая ребятня. Потом добычу запекали в углях костра и ели коллективно, зачастую без соли, полусырую, но очень вкусно.

Денис Смирнов

**ИСТОРИЧЕСКАЯ БИТВА ЗА МОСКВУ ВОЙДЕТ
В МИРОВУЮ ИСТОРИЮ КАК НАЧАЛО ГИБЕЛИ
И ПОЛНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ГИТПЕРИЗМА –
ЭТОЙ СТРАШНОЙ ЧУМЫ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ
СМЕРТЕЛЬНУЮ УГРОЗУ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!**

Пирожки

Наш знаменитый Первый Староводопроводный тупик, который мы упорно называли улицей, одним концом упирался в глухой и высокий заводской забор, а другим выходил на дорожку, по которой горожане ходили в баню, индустриальный техникум, нарсад и прочие конторы, расположенные на Ярославке, в Мытищах.

Но главной достопримечательностью здесь для ребятни всего города была Курочкина горка, высокая и крутая. Называлась она так в честь одного парня, чей дом стоял у горки. Рассказывают, что в голодный военный год стащил он где-то курицу и съел ее чуть ли не с перьями. За что хозяином птицы был нещадно бит. Со временем это событие из памяти тупиковцев стерлось, зато парень получил прозвище, которое его младшие земляки тут же увековечили в названии горки. Все свободное время мы проводили там.

Вот и в тот морозный день, когда мы высыпали на горку, какой-то пацан крикнул мне: «Женька, беги домой, к вам новые соседи приехали». Со всех ног бросилась я к дому. Вообще-то на нашей улице стояло всего пятнадцать частных домишек, и все про всех знали. Перед войной через стенку с нами жила одна семья с Рязанщины. В войну муж ушел на фронт, да и пропал без вести. Вдова же, помаявшись с двумя малышами в голодных Мытищах, подалась назад, оставив пустующее жилье.

Появление новых людей на нашей улице, где годами мало что менялось, сразу стало событием. Наш небольшой двор был полон. Приплелась даже старожительница, которую для удобства произношения называли Марьяванной. И посмотреть было на что. Таких молодых, красивых и, главное, богато одетых женщин наша захолустная улица давно не видела. Это были две сестры, очень не похожие друг на друга. Одна – беленькая, с курносый носиком, приветливо всем улыбалась. Вторая – брюнетка, с более строгим лицом, не обращая внимания на собравшихся, командовала крепкими мужичками, которые сгружали вещи. Когда все было внесено и кое-как расставлено, блондинка вдруг огорошила всех: «Заходите в гости, новоселье отметим». Сестры поднесли взрослым по рюмке водки, а нас, детвору, одарили конфетами.

На другой день, идя из школы домой, я увидела, что дверь в соседские сени чуть приоткрыта. Любопытство подтолкнуло меня, и я зашла. «А, наша юная соседка, — сказала черненькая, которую звали Людой, — пирожка хочешь?» Еще бы не хотеть, если мы и хлеб не всегда видели. Она достала из печи противень, наполненный кучей поджаристых румяных пирожков, от аромата которых у меня даже закружилась голова. Обычно стеснительная, тут я забыла про все, глотая аппетитные пирожки один за другим – с капустой, яйцами, с жареным луком.

Так я стала частой гостьей в этом уютном доме, где так тепло приветчали детвору. И никогда не уходила отсюда с пустыми руками. Нам нравилось приходить в это светлое, сытное и теплое место из наших домов, где измученным заботами родителям было не до нас, где из каждого угла глядела на нас нужда.

И только взрослые не разделяли нашей радости, хотя Люда и ее сестра Нина были по-прежнему приветливы со всеми. Спустя какое-то время по улице поползли завистливые слухи: неспроста, мол, в такое голодное время сестры живут безбедно. Все чаще возле нашего дома останавливались черные «эмки», из которых выходили хорошо одетые мужчины и исчезали в половине, которую занимали соседки. А потом долго оттуда доносились звонкий смех и музыка. Тогда мать начинала недовольно швыркать посудой на кухне, а однажды, когда я собиралась, как всегда, к соседкам, она строго заявила: «Не ходи туда – там грязно». Я никак не могла понять, о какой грязи она говорила, если в их комнатке все блистало чистотой.

Прошло два или три года. Все реже появлялись машины у нашего двора, да и сестры как-то изменились. Нет, они по-прежнему были приветливы и всегда находили для нас гостинцы. Но какая-то тревога появилась в их глазах и поведении. Сочувствуя им всем сердцем, я однажды спросила: «А вы не больны, может, за лекарством сбегать?» «Нет, милая, хуже, вырастешь – узнаешь», – ответила Нина.

А однажды летом, когда мы играли на улице, к нашему дому подкатил наводивший на всех ужас «черный воронок». Милиционеры вывели и посадили в него сестер, бледных, со сжатыми губами, в наспех наброшенной одежде. В толпе соседей кто-то злобно бросил: «Догулялись...». А мы, детвора, со слезами смотрели вслед. Нам было не понятно, как можно таких хороших, добрых людей сажать в тюрьму? Я с недоумением вслушивалась в разговоры взрослых. Как всегда, самым знающим оказался дядя Коля. Оглядываясь вокруг с опаской, он полушепотом рассказывал: «Начальник один к ним ходил. Его посадили, ну а их за то, что связаны с ним были. Может быть, разберутся – отпустят».

В эту ночь я спала плохо. А утром, надеясь, что все «выяснили» и сестры уже дома, побежала к ним. Дверь была приоткрыта. Я порадовалась, распахнула ее и вошла. В комнате находились двое мужчин: один, милиционер, сидел за столом и что-то писал, а второй, высокий, в штатском, ходил, скрипя хромовыми сапогами по половицам, рассматривал какие-то вещи и диктовал: «Пиши, подушки пуховые – три, самовар медный – один...» Увидев меня, он недовольно бросил: «Тебе чего?» Слезы брызнули у меня из глаз, я поняла, что сестры уже никогда не вернутся сюда, и стремглав выбежала из комнаты. Последнее, что я успела увидеть, был торчащий из печи пустой противень...

Евгения Дымова

Коза

В войну многие живность всякую полезную заводили. На Дружке стадо коров водилось, более шестидесяти голов, а уж о козах и говорить не приходится, почитай в каждой семье их держали. Была и у нас коза по кличке Милка. Масти серой, с рогами и очень бодливая.

Животных пасли в лесу, и пастухами работала целая чувашская семья во главе со старшей

сестрой Мотей. К своим обязанностям они относились очень добросовестно. Каждый хозяин козы по традиции должен был раз в сезон устроить обед для пастуха. Это кроме оплаты.

Отводить животных домой входило в обязанности мальчишек. Мы дружно встречали стадо на пересечении улиц Герцена и Парковой. Милка отличалась строптивостью и иногда от

стада отбивалась, залезая на дополнительный прокорм в огороды.

Я отправлялся ее искать и пригонял домой. Но были моменты, когда коза не желала вылезать из вкусной ботвы и переходила в атаку, сшибая меня рогами. От обиды я плакал. Потом выбирал хворостину и гнал строптивцу. С раздутыми от обжорства боками, коза выбиралась на дорогу, иногда позволяла брать себя за ошейник. Но могла выкинуть и такой трюк: упиралась ногами и не хотела

идти, а когда я начинал ее тянуть, она пускалась вскачь, сваливала меня и волочила по земле.

На зиму мы заготавливали для козы сено и веники. Была и другая подкормка, но все же она ухитрилась сжевать как-то годовую подшивку журнала «Нива» за 1916 год и несколько ленинских томов. Рассталась наша семья с Милкой, когда на животных большой налог вводить стали. Тогда многие так сделали.

Геннадий Смирнов

Лилит

Дворняга со странной кличкой Лилит была любимицей окрестной детворы. Обделенные игрушками в первые годы послевоенного детства, мы свою любовь отдавали животным. Лилит сопровождал нас в школу, радостно встречал и охотно участвовал в играх. После одного случая он мне стал особенно дорог.

Зимы тогда были суровыми, и к декабрю Яуза около нашего дома покрывалась толстой коркой льда. Это обстоятельство не могло не радовать детвору. Накрутив на валенки «снегурки» или «гаги», мы катались по речному льду. Однажды несколько ребят вместе с моим братом, за которым я ходила «хвостиком», умчались вперед, лихо перепрыгивая через небольшую полынью. Мне было запрещено их догонять. Лилит остался со мной. Ребята долго не возвращались. Я решила последовать примеру старших и перепрыгнуть полынью, но оказалась в самой ее середине в ледяной воде.

Годы прошли, а я до сих пор помню, как крошился под моими пальцами лед, меня тянуло на дно. Рядом метался и лаял Лилит, пытаюсь вытащить меня за рукав намокшего пальто. Как-то удалось зацепиться за мостки, но не было сил взобраться на них. И тут из домика напротив вышел мужчина. Лилит бросился к нему с лаем. Тот быстро все понял, побежал за собакой и вытащил меня. Дома меня растерли, напоили горячим

чаем с малиной, хорошенько отругав за безрассудство. С тех пор мы с Лилитом стали, как говорится, «не разлей вода».

Но вскоре мне уже пришлось спасать Лилита. В городе начался отлов бродячих собак. Как пес попал в руки ловцов, мы так и не узнали. Сразу стало как-то горько и пусто. Вся детвора приуныла, а девчонки плакали, переживая потерю четвероногого друга. Взрослые посоветовали идти в исполком и просить, чтобы Лилита отпустили. И мы пошли, благо местная власть находилась рядом, на улице Колонцова. Так, ватагой мы ввалились в кабинет председателя, пользуясь отсутствием секретаря.

– Вам что, ребята? – с недоумением спросил невысокий седоватый мужчина, поднимаясь из-за стола. И тут выступила я. Было мне тогда десять лет.

– Отдайте нам Лилита, – потребовала я.

– Какого еще Лилита? – с удивлением спросил мужчина.

Всхлипывая и перебивая друг друга, мы рассказали ему свою историю.

В ответ начальник улыбнулся и, сняв телефонную трубку, кому-то приказал вернуть нам собаку. И отправил нас в горкомхоз.

...Домой мы возвращались победителями. Рядом бежал радостный пес, и солнце сияло особенно ярко. Придя домой, мы тут же соорудили

дили будку и посадили Лилита на цепь, что стало для него настоящей пыткой. Через пару дней он оборвал цепь и убежал. Ловцы бродячих собак перешли на более жесткие методы борьбы с ними. Однажды они приехали на нашу улицу и стали стрелять в собак. Среди них оказался и Лилит.

Глядя на капли крови на снегу, я даже не плакала. В тот день я сразу повзрослела, открыв для себя страшную истину: как же может быть жесток окружающий мир. С тех пор я очень люблю собак и не люблю людей, которые стреляют в них.

Евгения Дымова

Проводы

Отец берет меня на проводы на фронт дяди Васи Губарёва. Видимо, это было лето сорок третьего. Уже ввели погоны, но на гимнастерке пока «кубари». За столом женщины и отец с дядей Лешей. Они непризывные по зрению. Дядя Вася уже повоювал. На груди орден и медаль, а на рукаве гимнастерки нашит ромб с двумя перекрещенными орудийными стволами. «Противотанкисты» носили этот знак. Грустно шутили: «Длинный ствол – короткая жизнь».

Проводы очень скромные. На столе картошка и селедка, одна банка американской тушенки и бутылка водки. Тосты за возвращение с победой и

живым, воспоминания о довоенной жизни и работе в ОСОАВИАХИМе, где дядя Вася был отличным стрелком. К счастью, добрые пожелания сбылись, и он вернулся с войны в Мытищи.

Мне положили целую тарелку картошки со свиной, и я «налег» на обильное и сытное блюдо, что пагубно сказалось на моем пищеварении, не привыкшем к такой нагрузке. Уже дома у меня случилось страшное расстройство желудка, и я еще лет двадцать не мог без отвращения смотреть на жирную пищу. Когда в сорок пятом мы были у Губарёвых, я невольно вспомнил проводы сорок третьего.

Денис Смирнов

Обмен

Конечно, кошунственно было сравнивать блокадный Ленинград и Мытищи в годы войны, но призрак голода витал и здесь. Как-то мать рассказывала мне, что до войны у нас был красивый персидский ковер (друзья и родные скинулись и подарили им с отцом на свадьбу). Она долго крепилась, не продавая и не обменивая его. Но когда в доме уже ничего не осталось, она, не выдержав плача голодных детей, сдалась и обменяла его на пару мешочков муки и сахара да две буханки хлеба – и была счастлива безмерно. Этого я, конечно,

не помню – была еще очень мала. А вот момент, было это уже после войны, когда впервые увидела мясо, запомнился хорошо. Было мне тогда лет шесть. Отец принес и положил на стол кусок мяса. Увидев его, я испуганно прижалась к матери: «А что это такое?» Любимым нашим лакомством был жмых – спрессованная шелуха семечек, и, как ни странно, болели мы тогда меньше. Наверное, благодаря «подножному корму» – витаминной продукции с огородов, садов, а то и просто супам из крапивы, лебеды...

Евгения Дымова

1. Делегация Мытищинского района во главе с Н.Ф. Соловьевым (справа) в гостях у бойцов 9-й Гвардейской стрелковой дивизии. 1943 год

2. Н.М. Бородкин – председатель Мытищинского райисполкома на совещании районного актива. 1943 год

Коптилки

Осветительный прибор с таким метким названием появился сразу, как только электричество стали выключать для военных нужд. Керосиновая лампа – это уже роскошь, а коптилка – самое оно. Любой жир годится. Утром после такого «освещения» многие чумазыми были. Летом из колонки можно умыться, а зимой и снежок сойдет.

Но света все же коптилки давали мало. От того всякие забавные случаи происходили. Отец мой с тетей Ниной как-то второпях всю козью еду съели, а кастрюлю с супом не заметили. Подобный случай и со второй теткой, Наталией, произошел. Она выменяла немного мяса и щи

сварила. Дед вечером вернулся с работы, а она постирушки затеяла. Он в предвкушении щей с мясом вытянул ближайший чугунок и запустил туда ложку. Куда ни ткнет – все в «мясо» попадает. Посолил он жижу, ложкой все выхлебал и, наконец, вывалил на тарелку всю оставшуюся гушину, а она не режется. Он и так, и сяк... Пригляделся, а это мочалка. Тут ругань пошла. Чем, дескать, накормила? Тетка в долгу не осталась: «Смотреть надо лучше и не хватать, что ближе стоит». Похлебал дед щей, да и мяса досталось, но очень маленький кусочек. Да и где больше взять – война!

Геннадий Смирнов

На выставке

Лето сорок четвертого. У меня праздник – тетушка везет меня в Москву на трофейную выставку. С фашистской техникой, правда, в обломах, все Мытищи и окрестности уже ознакомились.

По случаю поездки мои босые ноги тщательно отмываются и еле втискиваются в легкие тапочки. Другой обуви нет. Вот и парк культуры, а в нем грандиозная выставка оружия. От восторга забываю, что обувь тесновата и большой палец ноги вылезает из дырки.

Московские мальчишки уже «освоили» технику и смело лазают по танкам и машинам. Очень многие босиком. Народу мало, видимо, уже насмотрелись, и сейчас большинство на огородах. Вот махина «Тигра», а у среднего немецкого танка две пробоины в башне. Лезу на броню и щупаю оплавленные края металла. Пацаны с гордостью поясняют: «Броневойным врезали!». Военный с орденом и медалями

уточняет: «Кумулятивным, бронепрожигающим». Все становится ясно. Только у нас могут быть такие снаряды, которые прожгут любую броню!

А вот и фашистский шестиствольный миномет. Он напоминает вязанку коротких бревен на двух неуклюжих колесах. О том, что это оружие серьезное, слышал от дяди Максима, который заезжал к нам на побывку после ранения в руку. А вот и самолеты с крестами на крыльях. Они хищно распластались на земле. Мальчишки вдохновенно врут, что именно этого сбил летчик-герой Виктор Талалихин. Потом дырки заделали и поставили здесь.

Стенды с боеприпасами не очень интересны, а вот стрелковое оружие – загляденье, не те железяки, что тайком показывали старшие ребята.

Быстро летит время, тетушка тянет за руку. Надо уезжать. Ей рано на работу, а я весь в предвкушении интересного рассказа друзьям о выставке. Из Перловки, наверное, я первый ее увидел.

Геннадий Смирнов

Фашистский сбитый самолет на Красной площади. 1942 год

**ПРЕВРАТИМ НАШ РАЙОН В НЕПРИСТУПНУЮ КРЕПОСТЬ
ОБОРОНЫ!**

**ДАДИМ ФРОНТУ ПРОДУКЦИЮ СВЕРХ ПЛАНА И ЕЩЕ БОЛЬШЕ
УСИЛИМ МОЩЬ КРАСНОЙ АРМИИ**

МЫТИЩИНСКАЯ ГАЗЕТА «ПУТЬ К ПОБЕДЕ». 1944 ГОД

Пленные

Лето 1944 года. Все уже привыкли к победным салютам и не вздрагивали испуганно от того, что где-то бомбят. У работающих на предприятиях появились выходные, почему-то называвшиеся «по скользящему графику». Норму продуктов по карточкам прибавили, даже появились консервы «второй фронт» из Америки и вкуснейшее свиное сало под названием «лярд». Его можно было намазывать на хлеб. А вот с обувью, особенно детской, было плохо. Ботинки на кожмитовой подметке выдавались к осени только школьникам.

Моей тетушке, работавшей на химическом заводе в Москве, достался талон на туфли, но она договорилась поменять их на ботинки, хотя в школу меня записали только на следующий 1945 год. За обувью мы поехали в Москву. Распределитель находился где-то в районе Белорусского вокзала. Мои босые ноги были для поездки обуты в самодельные тапочки со странным названием «чуни».

На электричке мы доехали до Ярославского вокзала, а затем на метро до Охотного ряда, где сделали пересадку. По этой линии станция Кировская не работала, поезда проходили ее, снижая скорость. Из-за щитов, закрывших перрон, проникал свет. Все знали, что там работает штаб, но какой, не уточняли.

Из метро на Белорусской идти надо было на Бутырский вал, но улицу Горького перекрыли. По ней шли пленные немцы. Я протиснулся

к мостовой через стоящих взрослых. Серо-зеленая колонна казалась нескончаемой. Конвоиры на сытых лошадях с карабинами через плечо ехали через каждые 20–30 метров. Вездесущие мальчишки говорили, что впереди шли чуть ли не сто немецких генералов. Люди молча смотрели. Видимо, для порядка на краю тротуара через 10–12 метров стояли бойцы и милиционеры, но без винтовок.

Потом рассказывали, что женщины давали пленным хлеб. Я в это мало верю. Хлеба ни у кого лишнего не было, а о том, что по Москве будут вести пленных немцев, вряд ли сообщали.

Мы с тетушкой простояли так около получаса. Мальчишки что-то выкрикивали, у меня была мысль: так вам, гады, и надо, но ненависти или желания запустить в них камнем я не чувствовал.

В завершение «парада» проехали в ряд поливальные машины, и оцепление разрешило перейти улицу. В каком-то подвальчике, куда мы прошли по пропуску, стали примерять обувь. Пахло кожей и гуталином. Ботинки были жесткими, но очень добротными, на толстой подошве и со шнурками. Я их надел и не захотел снимать. Так и пошли по городу обратно до метро, а там и на вокзал. Конечно, я очень быстро натер ноги, пришлось опять обувать чуни.

Потом пленных немцев можно было часто видеть на Ярославском шоссе. Их во-

1

1, 2. Пленные фашисты

2

Лица нашего детства

дили что-то ремонтировать, они строили дома в Мытищах. Это стало привычным, и глазеть на них бегали только мальчишки. Ребята постарше что-то выменивали на продукты, но у нас лишних продуктов не было, а взять что-либо без спроса не практиковалось.

Так и осталась на всю жизнь в моей памяти эта нескончаемая серо-зеленая людская масса, ползущая по улице, и пережившие бомбежки и потери близких люди, которые стояли и молча смотрели на бывших врагов.

Геннадий Смирнов

Вспоминая детство

Начало

Д не было полтора года, когда началась война. И папа, кадровый офицер, сразу же ушел на фронт. Мама с утра до вечера занята на работе (молодые медсестры и без детей были мобилизованы), поэтому она была вынуждена отправить меня во Владимирскую область к бабушке с дедушкой. Помню, как мы с мамой на поезде доехали до Петушков, а потом 20 километров пешком шли по Горьковскому шоссе до деревни. Никакого попутного транспорта не было, по дороге, в направлении города Горького, шли толпы эвакуированных, а в сторону Москвы двигалась техника с военными. Сплошной поток.

Сначала в деревне голод не ощущался, правда, бабушка давала только по кусочку сахара и хлеба, экономно пили молоко, понимая, что оно – наше спасение. Во что бы то ни стало надо было сохранить корову! А вот уже позже помню лепешки из картофельной кожуры, постные крапивные щи, заварку в чае из моркови. И это еще неплохо.

В 1944 году мама забрала меня в Мытищи и сразу же определила в детский садик № 33, где директором была Софья Алексеевна Тумовская, а воспитательницу в нашей группе звали Нина Евгеньевна. Светлая им память! Сколько добрых слов для нас, послевоенных малышей, было ими сказано, сколько тепла они вложили в наши души, занимаясь с нами: беседовали, рисовали, разучивали стихи. Мы всегда гото-

вились к праздникам, особенно к Новому году, когда за костюмы и за исполненные у елочки номера получали подарки, неприхотливые, но получали.

Из садика меня часто забирала не мама, она была занята, а кто-нибудь из нянечек хирургии. Меня сразу же вели в отделение, и как само собой разумеющееся – прогулки по коридору, взгляд в переполненные палаты, разговоры с больными и ночлег на кушетке в сестринской комнате. Здесь я была своим человеком, и до сих пор отношусь к мытищинской больнице как к своему родному дому. Помню карточки, бумажки, на которые мы получали продукты в «семнадцатом» магазине, в здании теперешнего горвоенкомата. Помню отмену карточек, денежную реформу. А еще помню на руках цифры, которые писали, когда становились в очередь за дефицитными продуктами. Вставали рано утром, часа в 4–5, шли в магазин и были уже не первыми. Почему-то запомнился магазин «У Макарки» в Строителе, где, как правило, давали муку и очереди были огромными. Но в таком положении находилось большинство людей, озлобленности, как сейчас, не было.

Помню салют в честь Победы. Мы были на площади трех вокзалов в Москве, народу масса, а все небо расцвечено. Было радостно и в то же время грустно: с войны возвратились не все.

Татьяна Лумбинцева

1

1. Празднование Победы. Германия. Май 1945 года"

2. Мытищи. Митинг 9 мая 1945 года"

2

**НАРОДЫ
ВСЕГО
МИРА!**

**ПЕРЕКУЕМ
ОРУЖИЕ ВОИНЫ НА ОРУДИЯ ТРУДА!**

Я знаю –

город будет,

Я знаю –

саду цвести...

Возвращение

Кому выпало жить, возвращались с победой домой, жадно вглядываясь в родные места. И им, еще не отвыкшим от боев, как писал поэт Ярослав Смеляков, все березы казались в бинтах, все рябины – в крови. На улицах Мытищ появились первые победители – уставшие, худые, в выцветших гимнастерках, с котомками за плечами, в которых умещался нехитрый солдатский скарб. Именно таким вспоминается мне отец, пришедший с войны. Обычно мы, детвора, с утра занимали наблюдательную позицию на пригорке, с которого начиналась наша улица. И когда

на нем появлялся человек в военной форме, мы неслись к нему со всех ног. Бежали даже те, у кого давно лежали дома «похоронки», а вдруг... Отца же своего я проглядела, да и вряд ли узнала бы его, ведь он уходил, когда мне было полтора года... Он пришел ночью, когда мы спали, и я, увидев незнакомого дядьку, испугалась и спряталась за шкаф. Отец засмеялся и протянул мне кусок сахара, облепленный махоркой. А рядом стояла мать и плакала – то ли от счастья, что он вернулся, то ли оттого, что ребенок не узнал своего отца.

Евгения Дымова

В школу

Особенных торжеств по случаю Победы не помню. Осталось в памяти многолюдное сборище женщин в соседнем дворе. Плач, гомон. Подвыпившие фронтовики с костылями – дядя Петя и дядя Саша. Все как-то повеселели и вздохнули свободнее. Светомаскировка не соблюдалась уже с прошлого года, и черные шторы пылились за печкой. Со стекол содрали перекрестья из бумаги.

Стали говорить о школе, о каком-то медицинском осмотре. Всех нас остригли «под ноль». Это чтобы вши не заводились, а они появлялись в головенках каждую зиму. По случаю осмотра врачами ноги отмывались несколько дней подряд. Вечные цыпки (трещинки на коже) щедро смазывались дефицитным постным маслом.

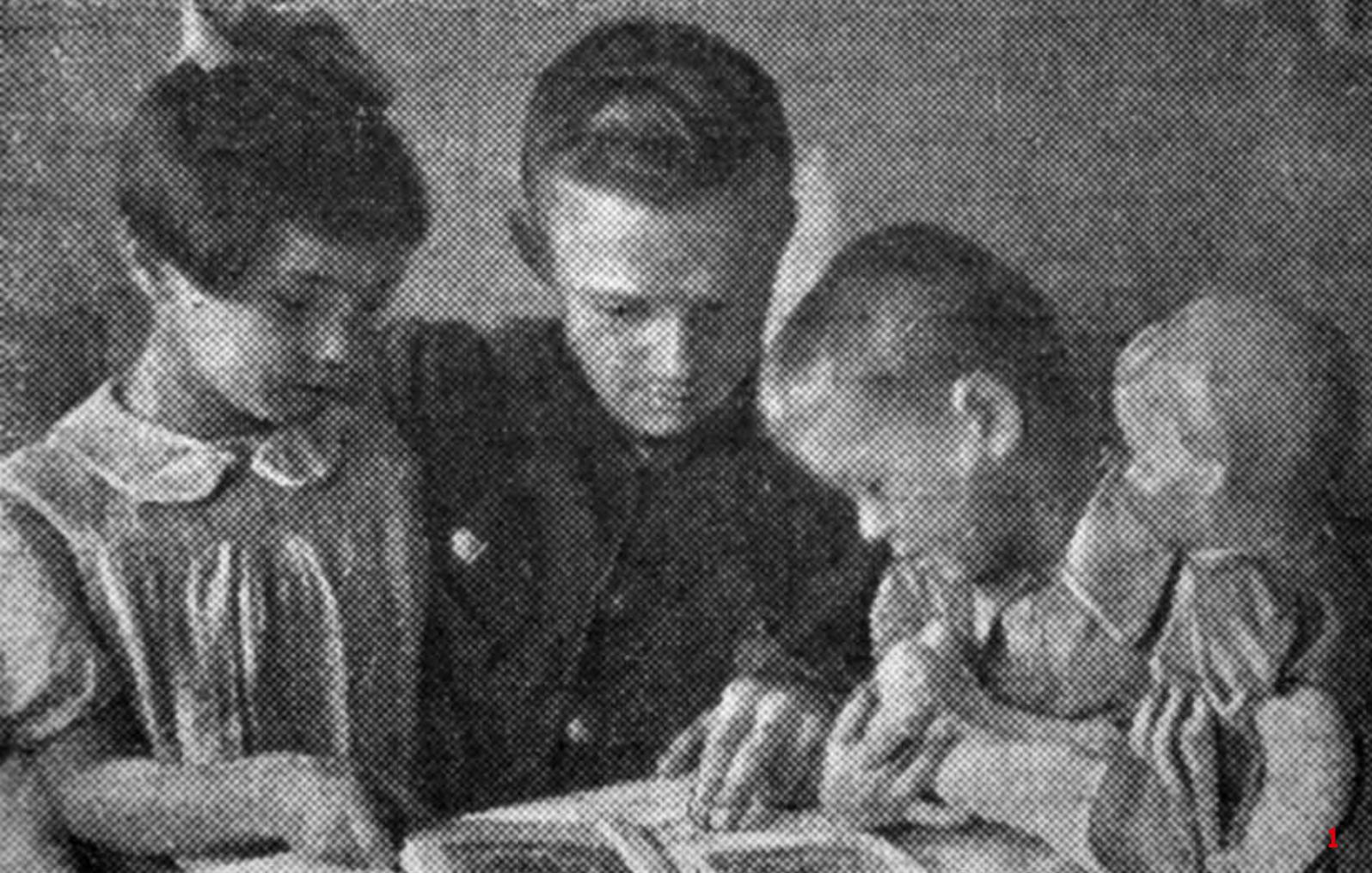
И вот мы с соседским Колькой торжественно вводимся в детскую поликлинику, что у железной дороги (здание ее не сохранилось). С волнением ждем своей очереди. Сидя на скамейке, Колька почесывает босые ноги. Ему это можно. Чешутся

цыпки и у меня, но я обут в вязаные чуни, вроде лаптей. Другой обуви пока нет, но к школе всем обещали выдать. Меня и еще семерых мальчишек с нашей улицы определили в пятую мытищинскую, что напротив поликлиники, через железную дорогу.

С благоговением садимся за парты. Старая учительница Любовь Ивановна что-то рассказывает. На перемене знакомимся с одноклассниками. Есть большая группа ребят с Грачей и Дружбы. Меня посадили с Леной Тишковым. Он в серой курточке. Голова в форме дыни. Все мальчишки острижены наголо. Девчонки выглядят солиднее. Леня сидел сначала с Томкой Многосмысловой, но она его так толкнула, что он слетел с парты, как пушинка.

На первый школьный обед выдавали по ломтику хлеба и по три конфеты горошинками. Хлеб съедаем, а сладости в крохотном кулечке несем домой.

Самое яркое воспоминание – сторож с колокольчиком. Он дает сигнал на урок и,

1

1. Демобилизованный майор–орденоносец В.В. Морев с дочерьми Люсей и Файной. Мытищи. 1945 год.
Фотография из газеты «Путь к победе»

2. Демобилизованные орденосцы танкист Ф.Е. Аминов и артиллерист П.Н. Корольков. Мытищи. 1945 год.
Фотография из газеты «Путь к победе»

2

СЛАВА НАШЕМУ ВЕЛИКОМУ НАРОДУ, НАРОДУ – ПОБЕДИТЕЛЮ!

**ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ С ВРАГОМ
И ОТДАВШИМ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ
НАШЕГО НАРОДА!**

свирепо распушив бороду, гоняет старших от окон. Уже в третьем классе я познакомился с его сильной рукой. Но дед только грозился, а затрещин не давал. Однажды я увидел его с боевым крестом (Георгиевским) и какой-то медалью.

Уже позже узнал, что и в те трудные времена, когда все скрывали царские награды, сторож их надевал, и носил два-три дня.

Школьные годы, школьные годы! Но это тема уже другого рассказа.

Геннадий Смирнов

По улицам Перловки

Весенние разливы вдоль Ярославского шоссе меняли проложенные пешеходами «народные тропы» к железнодорожной станции в Перловку, а нам, школьникам с Дружбы, хотя и несколько удлиняли маршрут, но вносили определенное разнообразие в повседневную жизнь. Веселой компанией одноклассников, прыгая по талому снегу и обходя лужи, выбирались через Ярославское шоссе на мощенную булыжником 2-ю Вокзальную. Там на углу слева стояла прекрасная дача с необычным крыльцом и башенками в стиле сказочных русских теремов. По рассказам, она принадлежала бывшей балерине Гольберг и якобы была подарена ей одним из высокопоставленных царских сановников, почитателей ее таланта (здание не сохранилось). Напротив был дом, построенный еще до войны для летчиков. Его фасад украшала эмблема ОСОАВИАХИМа, где на фоне звезды изображен пропеллер (сейчас на этом месте автозаправочная станция). С домом летчиков соседствовала старая дача, приспособленная под

жилье (не сохранилась). В ней жила моя одноклассница Рита Петрова, дружба с которой продолжается по сей день. Ее мать занималась шитьем, чтобы прокормить двоих детей. Отец пропал без вести в войну.

Из соседних переулков появляются школьные друзья-товарищи из нашей и железнодорожной школ. Вот две резные дачи-близнецы, прозванные в народе «Ганзой». Там до войны жили немецкие специалисты, работающие на Вагонном заводе. Правильно было назвать эти дома ГОМЗА (Государственное объединение машиностроительных заводов), куда входил и наш Вагонный, но народ приспособил название на немецкий лад и связал слово с немецкой торговой компанией. По левой стороне в гуще вековых деревьев: лип, сосен и редких для наших мест лиственниц, старые дачи «Перловой эпохи», ставшие коммуналками, но до последнего времени сохранившие прекрасную резьбу конца XIX века. А вот и Школьный переулок, где на углу стоит сооружение, выполнявшее на протяжении многих лет функции пивной, пожарной (в годы войны),

а затем приспособленное под трикотажный цех, выпускавший дефицитное нижнее белье ядовито-синего и фиолетового цвета (здание не сохранилось). Мусорный ящик снабжал разноцветными картонными трубочками – шпульками всех мальчишек Перловки. Из них можно было делать стволы игрушечных пушек или использовать для «выстрелов» в кого-либо жеваной бумагой.

Напротив «цеха» возвышался двухэтажный дом на высоком добротном фундаменте с оригинальной крышей, спускавшейся до первого этажа. Два фронтона украшали круглые знаки страхового общества «Россия». Владельцем дома и нескольких соседних домов являлся предприниматель Садовников.

Рядом добротный кирпичный двухэтажный дом, построенный чаеоторговцами Перловыми и переданный под начальную школу. Традиционным атрибу-

том многих пристанционных территорий являлась пивная, в простонародье прозванная «шалманом» или «шайбой» из-за круглой формы строения. Это излюбленное место встречи мужчин, приезжающих с работы из Москвы или Мытищ, нам там делать нечего, а вот соблазны разросшегося рынка очень велики. Это в первую очередь мороженщица с вкуснейшим продуктом. Иногда можно купить вскладчину на двоих-троих одну порцию. Не обходим вниманием и палатку утильсырья. Туда можно сдать старые галоши, медную проволоку, бутылки. Но это бывает редко. Мальчишки давно уже «прочесали» все помойки, старые сараи и свалки.

Ребята из железнодорожной школы сворачивают налево, а мы вдоль железнодорожного полотна с еще сохранившимися со времен войны огневыми точками направляемся к своей пятой мытищинской.

Теннадий Смирнов

Паровозик

Год 1946-й. Первый послевоенный... Тогда в Мытищах были две культурно-бытовые достопримечательности, к которым горожане испытывали особый интерес. Это кинотеатр на улице Абрамова, или «гроб», как называли его за соответствующей конструкции крышу, и двухэтажная кирпичная баня, гордо возвышавшаяся среди низкорослых частных домиков. Именно сюда в банный день по субботам стекался, казалось, весь город. Шествовали целыми семьями с разных сторон, нагруженные та-зиками, вениками и авоськами с чистым бельем.

Вечером весь этот людской поток устремлялся к кинотеатру, очищать теперь уже не тело, но душу, смотреть музыкальные комедии из совсем другой, сытой и богатой жизни, чтобы хоть ненадолго забыть об очередях и продуктовых карточках, о скудости и серости бытия. Здесь каждый верил в светлое будущее, ведь война закончилась, и вот-вот начнется жизнь совсем другая.

Но оттремевшая война вновь напомнила о себе. Как-то в город вошли немцы. Это пленных под

конвоем привели на помывку в баню. Худые, одетая потрепана – жалкое зрелище. Днем пленные работали, а вечером, расположившись в банном скверике, выставляли для обмена на продукты разные самоделки. Конвоиры делали вид, что ничего не замечают. А для нас, детей войны, обойденных детскими играми и не имевших игрушек, это был сказочный рай, попасть в который можно было за полбуханки хлеба.

Однажды в этом раю я увидела игрушку, поразившую мое воображение настолько, что я застыла перед ней, не в силах отвести глаз. Заметив мое состояние, молодой светловолосый немец улыбнулся и протянул мне игрушку со словами «брод, брод»... Несмотря на строгий запрет матери не подходить к немцам, я помчалась домой за хлебом. И вот уже я держу заветную вещицу в руках.

Это было настоящее чудо – деревянный паровозик совершенно фантастической окраски. Самые разные цвета переливались на его боках затейливыми узорами. Были у него и настоящие окошечки, они открывались и закрывались, и колесики, которые

вертелись, а из трубы шел дым. Его изображали тонкие металлические стружки. Как я играла с паровозиком, трудно передать словами. Вновь и вновь разглядывала каждую детальку, катала по всей комнате, представляя, что он увозит меня в ту страну, где всегда тепло и красиво, где растут диковинные деревья, ласково плещется синее–синее море, а люди улыбаются и радуются жизни.

– Где ты это взяла? — гневный голос матери вернул меня к действительности. — Небось, у фашистов этих... Да как ты смогла? — она зарыдала и сквозь слезы, не давая мне опомниться, бросала в меня горькие слова, словно била наотмашь. — Они всю мою родню истребили, отца твоего покалечили, а ты их нашим хлебом кормишь?! Будь они прокляты!

Выхватив паровозик из моих рук, она со всего маху швырнула его на пол. Раздался негромкий жалобный треск, как будто маленький паровозик вместе со мной простонал от внезапно нахлынувшего горя.

С громким плачем я выскочила из дома и побежала по улице, не разбирая дороги. Мне было обидно, больно и непонятно, как мог немец, сделавший

такую замечательную игрушку, с такими ясными глазами и светлой улыбкой, убить всех наших родных...

Домой я вернулась под вечер. Отец на кухне чинил паровозик. Мой добрый тихий отец из тех, кто, как говорится, и мухи не обидит. Почти всю войну он, солдат Красной армии, вынужден был убивать врага и убивал до тех пор, пока шальная пуля не уложила его на госпитальную койку, где он и встретил победу.

Собрав игрушку, он вернул ее мне, и я, радостная, убежала со своим паровозиком в комнату, откуда, играя, слышала, как отец успокаивает все еще плачущую мать.

– Ну перестань, — приговаривал он, глядя ее по голове. — Она ведь ребенок и ни в чем не виновата. Да и не надо нашим детям напоминать обо всех этих ужасах. Нам всем надо скорее забыть эту войну...

Минуло более шестидесяти лет. Давно нет в живых моих родителей. Затерялся где–то игрушечный самодельный паровозик. Вот только острая память о том послевоенном времени осталась. Прости меня, папа, я ничего не забыла.

Евгения Дымлова

КНИГИ

Удивительно, но факт — самое большое количество прочитанных в детстве и юности книг приходится на войну и первые послевоенные годы. Может быть, это связано с тем, что чтение являлось отдушиной для детского ума в серой осенне–зимней обыденности, в которой пребывало большинство моих сверстников. Да и книг сразу появилось много.

Библиотек в Перловке и на Дружке не помню. Может, их и не было. У нас роль библиотекаря и книгоноши выполнял Аркашка по прозвищу Рыжий. Он ухитрился доставать для прочтения и обмена массу интересных книг. Существовало неписаное правило: если книга не возвращалась («зажухивалась»), то ты был вправе оставить себе обменный экземпляр. Помню одно исключение, когда случил-

ся пожар в доме Гришки Басина и сгорели не только книги, но и мебель.

Впоследствии в букинистических магазинах я тщетно искал и, конечно, не нашел роман «Тайна бронзовой статуи» с рыцарями и ужасами и русский вариант Шерлока Холмса «Желтый сундук». Из отечественных детективов гонялись за выпусками Н. Шпанова «Тайна профессора Бураго». В моем собрании до сих пор хранятся четыре номера за 1944 год. Конечно, читалась и классика, но в ней мы не находили той экзотики и романтики, что раскрывались на страницах «Водителей фрегатов» Н. Чуковского (1944 год).

Книги военного детства. Они заменяли нам почти все, чем обделила нас война, они скрашивали жизнь, помогали выстоять.

Сергей Смирнов

1

1. Перловка. В читальном зале библиотеки Мытищинского кооперативного техникума Центросоюза. 1946 год.

Из архива С.А. Ветлина

2. Перловка. В учебном классе Мытищинского кооперативного техникума Центросоюза. 1940–е годы.

Из архива С.А. Ветлина

2

Посуда

Во время войны, да и в первые послевоенные годы, трудно было с посудой. Промышленность ее почти не выпускала, и в обиходе все пользовались солдатскими алюминиевыми мисками и кружками. Ложки отливали и продавали на рынке народные умельцы, а вот стаканы делались очень просто. Обыкновенную бутылку обматывали ниткой, пропитанной в керосине, поджигали и быстро опускали в ведро с водой. Сосуд раскалывался по линии обгоревшей нитки, и получался стакан. Кромку обрабатыва-

ли кирпичом, чтобы не порезаться о скол. Сейчас, наверное, не осталось ни одного такого стакана.

Однажды я лишил всю семью довоенных тарелок. Они стояли стопкой на столе, а я перебрасывал сестренке куклу с тяжелой головой из обожженной глины. Эта голова прилась как раз по краю посудной стопки, и одним махом превратила тарелки в осколки. Матери срочно пришлось искать алюминиевые миски. Несколько штук ей все же удалось на что-то обменять.

Теннадий Смирнов

Кино

Лето. Первое послевоенное. Мы с ребятами в парке Вагонного завода. Он запущен. В летнем кинотеатре идет фильм. Пацаны пытаются прошмыгнуть без билета, и кое-кому это удается, но большинство довольствуется дырками в стенах. Одним глазом по очереди можно смотреть кино, а слышимость и так хорошая. Попасть на законных основаниях невозможно, ни у кого нет денег на билет.

Подобные походы совершаем и в Сокольники, но туда надо ехать на электричке до Москвы-3, а средств на билет тоже нет. Едем «зайцами», перебегая из вагона в вагон от контролеров.

После войны появилось много интересных, захватывающих кинолент. Замирает сердце, когда на экране возникают титры: «Этот кинофильм взят в качестве трофея...». Невольно проникаешься гордостью за победу над фашистами. Хорошо помню фильмы «Королевские пираты», «Остров страданий», «В сетях шпионажа». Почти все они цветные. До этого мы видели только один цветной кинофильм – «Багдадский вор», подаренный правительством Англии нашей стране. Фильм пользовался колоссаль-

ным успехом. Перед сеансом в людской толчее сновали воры-карманники, или, как их называли, «щипачи». Бытовала поговорка: «Пока смотрел «Багдадский вор» – московский вор бумажник спер».

Все стремились посмотреть знаменитого «Тарзана». В Мытищах он шел короткое время в клубе Вагонного завода. К кассам пробирались буквально по головам. Тогда мне попасть на этот фильм не удалось.

Потом пошла череда отечественных фильмов: «Падение Берлина», «Встреча на Эльбе», «Константин Заслонов» и др. У мальчишек особой любовью пользовалась военная тематика. «Подвиг разведчика» с блистательным Павлом Кадочниковым ребята знала наизусть, а вот Любовь Орлова запомнилась по фильму «Весна».

Весь репертуар отечественных фильмов можно было посмотреть в стареньком городском кинотеатре, прозванном «гробом». Не одно поколение мытищинцев знакомилось в нем с киноискусством. Кино далекого детства... Как мы ему благодарны за неповторимые минуты радости!

Теннадий Смирнов

Фотооткрытки с рекламой актеров и фильмов. 1940–е годы

Лица нашего детства

Суп «по-французски»

О том, что французы едят лягушек, я узнал давно. Послевоенные годы были трудными. Летнее время ребяшня чаще всего проводила в лесу. Там на подножном корме мы пополняли недостаток витаминов, да и грибы с ягодами разнообразили скудную домашнюю еду.

Лес разделялся на «сферы влияния». Река Ичка служила условной границей между соперничающими группировками Перловки и Лося. Но серьезных инцидентов не происходило.

В один из наших походов в лес как-то встретили знакомого парнишку с Дружбы. Он восторженно сообщил, что какой-то дед на берегу речушки варит суп и будет есть лягушек. Для такого случая парень даже решил пожертвовать своими тремя картофелинами. Упустить зрелище мы не могли и гурьбой направились к месту действия.

На берегу речушки сидел седенький чистенький старичок, а вокруг него толпилась ребяшня. Были и лосевские. Костерок горел давно. Над огнем висел большой круглый котелок, а в нем что-то аппетитно булькало. Рядом с дедком лежала мокрая наволочка. В ней, видимо, и были лягушки.

Начало рассказа мы не застали. Что-то, приговаривая, старичок достал из своего мешка

большой серый комок, насадил его на палку и сунул в огонь. Послышался треск, и запахло паленым. Оказалось, что в огне «готовился» ежик.

Через минуту колючек как не бывало, а в руке «кулинара» оказался белый шар, похожий на гриб-дождевик. Острым складным ножом дедок изрезал его, и отправил в котелок. Туда же последовали и три картофелины нашего сопровождающего. Но самое интересное нас ожидало впереди.

Рассказчик словоохотливо поведал, что французы лягушек почитают за деликатес, а мы не ценим полезность и вкусность такой еды. Он залез рукой в наволочку, достал лягушку и ловко стукнул ее о камень, отрезал лапки и отправил в котелок. Таким образом он покидал в суп еще с десяток лягушек.

Потом бросил в варево каких-то корешков и посолил. Сняв суп, он помешал его ложкой, зачерпнул, подул и принялся не спеша есть, сетуя на отсутствие хлеба. Его не было и у нас. Хлеб выдавался по карточкам. Так я на всю жизнь запомнил этот суп «по-французски» с русским ежиком. Попробовать его из нас так никто и не отважился.

Геннадий Смирнов

Денежная реформа

Послевоенные 1946 и 1947 годы были очень трудными. Сказывались засуха в хлебных районах, да и прекратились поставки военной помощи, значительной частью которых было продовольствие. Все ждали, что должно наступить улучшение, и поговаривали об отмене карточек. В августе 1946 года в газете «Правда» появилось сообщение о переносе

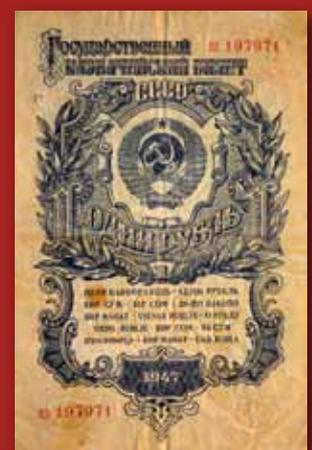
отмены карточек на 1947 год. И вот 14 декабря 1947 года вышло Постановление Совмина и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек...». Для всех это было неожиданностью, хотя какие-то слухи ходили. Старые деньги за неделю с 16 по 22 декабря подлежали обмену по соотношению 10:1, за исключением вкладов в сберкассах на сумму до трех тысяч

Дореформенные
банкноты номиналом
1 и 10 рублей

Банкноты и монеты,
введенные в обращение
в 1947 году

Лица нашего детства

рублей. По закону подлости, а может быть по прямому указанию властей зарплаты и премии выдали людям накануне, и даже раньше срока. Помню плачущую тетюшку, копившую деньги на пальто, надеявшуюся с зарплатой и премией наконец его купить. И на этом фоне удивительно спокойную и даже довольную матушку. Хорошо выпивший отец все же принес большую часть месячного заработка, и мать успела раздать долги, все потери составили тридцать рублей.

Реформа «задела» и меня, поставив крест на моей мечте. В мытищинском универмаге на втором этаже (сейчас там типография) я давно приглядывался к игрушке – заводной машинке. Она стоила 25 рублей, и я почти полгода копил на ее приобретение, собрал целых пять рублей, а она вдруг стала стоить 250 рублей в старых деньгах. Так реформа похоронила мою мечту пополнить имеющийся автопарк в виде старенького довоенного броневичка новой машиной.

Теннадий Смирнов

Музыка прошлого

Улица моего детства – Железнодорожная. На ней в старых бывших дачах, ставших коммуналками, жили простые труженники – рабочие, служащие. Новых построек было мало. Среди них жилой дом работников «Углепрома» в стиле зарубежного «шале» (сохранилось). В березовых и сосновых рощицах настоящими дворцами выглядели «дом Собинова» – бывшая дача купца Михайлова, дом Репневых с интересным крыльцом и крышей–ротондой. Украшением улицы являлась аптека, а рядом двухэтажное здание диспансера. Почти напротив пятой школы размещалось здание Перловской поликлиники, где проводили медосмотры учеников перед началом учебного года. Летом улица утопала в зелени, на ней можно было играть в наши немудреные детские игры, а зимой она становилась лыжной. Особенностью улицы, оправдывающей название, конечно, была железная дорога. В моей памяти навсегда остались воспоминания, связанные с этой улицей.

Дедушка сидит возле окна, думает, курит. За окном солнечная морозная погода. Такая погода ему нравится.

Дед размышляет о минувшей войне и карточках, ругает Сталина и хвалит Тухачевского, Блюхера... Любил дед говорить сам с собой...

В дверь царапнула кошка, чуть слышно мяукнула.

– Юра, слышишь, что ль?! Открой!

Мне лень вылезать из теплой постели, и дедушка идет открывать сам.

Задрав хвост, кошка входит в дом. Конечно, дедушка еще поразмышлял бы вслух, но кошка нарушает спокойное течение его мыслей, он решает заняться мной.

– Вставай, Юра, вставай, внучек. Слышишь, как поет железная дорога?

Я поднимаюсь, протираю глаза, гляжу в окошко; там снег пушистый, небо голубое, а на заборе ворона сидит, головой вертит. Электричка колесами на стыках постукивает, пантографы по проводам шуршат. Проносится поезд, скрываясь за поворотом. Голос–то, голос какой! «Увезззу–у–у–у». Я гляжу, а дедушка мой тащит охапку дров.

– Дедушка, а дедушка, какой теперь поезд идет?

– Ишь, беспонятный ты, Юрка! Звук слушай, это тяжелый, в гору нажимает!

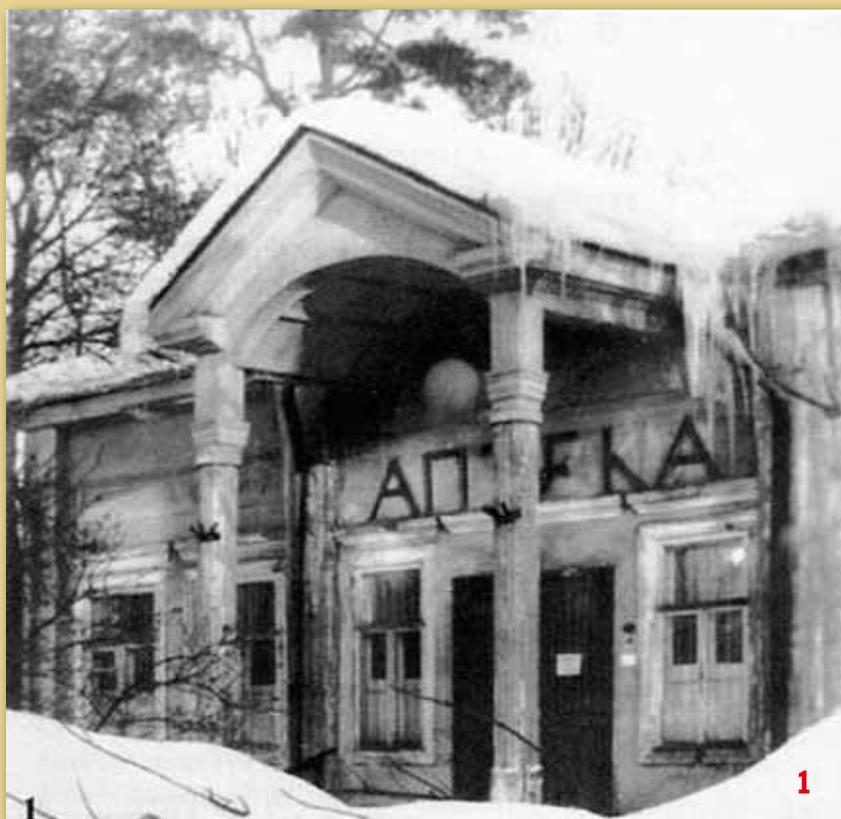
Грузовой состав прокатывает мимо. А я опять слушаю, уши наострил, а грузовые вагоны проговаривают на стыках: «Куд–куды?» Платформы, что полегче, отстукивают: «Далеко иде–о–ом! Далеко иде–о–о–м!» А цистерна: «Куп–куплю–уу, куп–куплю–уу!»

И опять тихо.

– Дедушка, а что это звякнуло?

– Да это на станции, в Мытищах, маневровый вагоны распахивает. Слышь, как?

В морозном воздухе далеко слышно: ткнул— «Тррр! Тро–гай! Тр–рогай! Тро–гай!»

1. Станция Перловская, ул. Железнодорожная, дом № 42, аптека (не сохранилась). Сюда окрестные мальчишки сдавали лекарственные травы, чтобы получить мелочь на кино или мороженое. Здесь продавались ириски «Гематоген» и детское питание в виде соевого порошка, муки и сахара

2. Передовая бригада лесорубов из Мытищинского района на заготовке топлива в Загорском районе. Декабрь 1945 года

ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!

ОЗНАМЕНУЕМ 800-ЛЕТИЕ МОСКВЫ ДОСРОЧНЫМ ВЫПОЛНЕНИЕМ ХЛЕБОПОСТАВОК

ИЗУЧАЙТЕ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ НАШЕГО ГОРОДА!

– Дедушка, а дедушка!

Многое помнил мой дед. Он любил и знал природу, в совершенстве владел финским и немецким. В войну ему было 54 года, он пошел на фронт. В 1943-м был комиссован после многочисленных ранений. Мой дедушка

размышлял вслух – за это, видать, его и убили в 1947 году.

Страшно трудная была у него жизнь, теперь-то мне понятно: его вина была лишь в том, что он много знал и говорил только правду...

Юрий Баронкин

Миниатюра из 1947 года

Я держу в руках миниатюрную книжечку «По старой и новой Москве» А.И. Гессен с прекрасными рисунками художника А. Крюкова. Невольно возвращаешься более чем на шестьдесят лет назад, когда отмечалось 800-летие Москвы. Это было самое масштабное мероприятие после празднования Победы. Была даже учреждена специальная медаль. Мы, мальчишки с Дружбы, Перловки, Мытищ, конечно, поехали в Москву. Наш маршрут лежал через Сокольники, где всегда для салюта выстраивались зенитные орудия. С однокурсниками расстаемся. Они крутятся у пушек и тягачей, а я с двумя товарищами едем в центр.

Москва украшена флагами, транспарантами, играют оркестры, многие магазины работают, хотя и воскресенье, но нам покупать нечего. Деньги только на проезд и обед, состоящий из вкуснейшего эскимо и горячей булки из пекарни на Кировской. Интересно в киосках, где наряду с газетами и журналами продаются марки. С завистью глядим на красочные блоки, посвященные юбилею, но и они дороги. По-

ждем, пока их погасят печатью и пустят в продажу. Замечаю миниатюрную книжечку, полистал, посмотрел рисунки и с сожалением вернул продавцу, но купить тоже не могу, стоит четыре рубля. Темнеет, и люди подтягиваются к Красной площади. На площадь не попасть, много народу. Ждем салюта на Манежной. И вот первые залпы и фейерверк. По небу мечутся лучи прожекторов. Очень красиво. Мы кричим: «Ура!» Наступает пауза. Лучи прожекторов все вдруг направляются в одну точку. На аэростате поднят огромный флаг СССР.

Потом опять мельтешение лучей, и по команде они застывают в воздухе на гигантском портрете Сталина. Все снова кричат: «Ура!». В воздух взлетают ракеты. На последние деньги едем на метро. На электричке можно проехать «зайцем». Дома ждет любимая еда: отварные макароны с тертым зеленым сыром. Это дешево и сытно.

Так книжная миниатюра вернула меня в далекое детство.

Теннадий Смирнов

УЛУЧШИТЬ И РАЗВИВАТЬ ПРОПАГАНДУ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ!

**НИЧТО НЕ МОЖЕТ ОСТАНОВИТЬ ПОБЕДНОГО ШЕСТВИЯ
СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВПЕРЕД, К КОММУНИЗМУ**

Годы пионерские

Весна 1948 года. Многочисленные четвероклассники мытищинской школы № 5 готовятся стать пионерами. Школа переполнена, учимся в три смены, так как к нам добавились погорельцы из соседней школы, тоже № 5, но железнодорожной. Она деревянная (бывшая дача), и в ней случаются пожары. Нам рассказывают об истории пионерии – резерве комсомола, о подвигах героев–пионеров. О Павлике Морозове, убитом кулаками, мы уже знаем, а вот о юных героях войны Володе Дубинине и Марате Казее слышим впервые. С Тимуром и его командой знакомы по книге Гайдара. Все эту книгу читали и про нее спрашивали на уроке.

Какая–то тетя из первых пионеров Перловки и Тайнинки рассказывает с гордостью, что благодаря им и Союзу воинствующих безбожников была закрыта перловская церковь, а священник с позором изгнан. В здании бывшей церкви, приспособленной под жилой дом, я был у одноклассника, моего тезки Генки Недоборы. У него отец военный, и получил для семьи комнату в этом здании. Большие иконы стояли еще в двухэтажном доме, где жили одноклассники Камбаровы. Это, наверное, были иконы из перловской церкви.

Наш класс в 40 человек построили в коридоре школы. Мы дружно хором повторили торжественное обязательство пионера, и старшеклассники повязали нам галстуки. Их концы, разные по конфигурации и размеру, соединенные узлом, должны

символизировать единение партии, комсомола и пионерии. Была и другая трактовка – Маркс, Ленин, Сталин. Кто–то из ребят принес зажим к пионерскому галстуку, который носили пионеры 30–х годов. Впоследствии я узнал, что многое из пионерской атрибутики взято от скаутского движения, которое существовало на Западе, да и в России, до революции. Узел галстука не завязывался, а зажимался специальным приспособлением. На этом зажиме белого металла красовался костер из трех языков пламени красного цвета. Старшая пионервожатая, увидев галстучный зажим, строго сказала, что он запрещен, потому что враги советской власти скрытно разместили на фоне костра фашистскую свастику. Мы долго, даже с лупой, пытались увидеть эту свастику, но ее, конечно, там не было.

От своей матушки о пионерии я знал много интересного. Она до замужества работала старшей пионервожатой на фабрике «Вискоза». Тогда пионерская делегация посылалась на похороны Аллилуевой, жены Сталина. В Мытищах пионерские организации создавались по предприятиям. Много пионеров было на Вагонном заводе, фабрике «Пролетарская победа». Там имелись денежные средства на содержание пионервожатых, организацию пионерских маевок и других мероприятий. Фабричные пионеры агитировали сверстников из соседних деревень вступать в ряды этой организации. Проводились атеистическая работа и агитация за колхоз. Пионеры собирались вечерами у общего костра.

1

1. Дружба. Школа № 12. 1 сентября 1958 года.
Из семейного архива Е. П. Шаповаловой

2. Дружба. Школа № 12. Пионерская линейка

2

**3. Учащаяся школы № 11 Валя Сметанина
1 мая 1949 года**

**4. 1-й класс школы № 2. Учитель О.А. Маринина. 1948 год.
До 1955 года школа была «девчоночьею». Из архива Т.А. Литвиничевой**

**ТРУЖЕНИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА! ВСЕ СИЛЫ НА
ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И
ЖИВОТНОВОДСТВА! СОЗДАДИМ ОБИЛИЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ И СЫРЬЯ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ!**

Популярны тогда были песня «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы – пионеры, дети рабочих, близится эра светлых годов, клич пионеров: «Всегда будь готов!» и шуточная песенка «Здравствуй, милая картошка, – пионеров идеал!»

Пионеры в годы войны всем, чем могли, помогали фронту, работали на заготовке топлива, собирали овощи, сдавали лыжи для красноармейцев, бутылки для горючей смеси («Коктейль Молотова»), помогали семьям фронтовиков. Нашему поколению таких ответственных заданий не давали, а требовали: «Если ты пионер, – обязан хорошо учиться!»

Пионерские галстуки послевоенного производства были невысокого качества. У школьников они быстро пачкались и уже после первой стирки становились блеклыми. Девчонкам лучше удавалось их сохранять в чистоте. Мы галстуками гордились. Когда мальчишки для выяснения отношений между собой ходили за школу, то, перед тем как «давай стыкнемся», галстуки снимали и

убирали в сумку или портфель. Пионер должен был бороться только с классовым врагом, но, кто этот враг, мы не знали.

Членство в пионерии давало возможность посещать различные кружки в домах и дворцах пионеров Москвы. Уже в пятом классе мы с ребятами записались в военно–морской кружок в Доме пионеров около метро «Кировская» (сейчас «Чистые пруды»). Что такое пионерские линейки, костры, горны, подъем флага, мы узнали, когда нас на лето отправили в пионерские лагеря. Там усиленно кормили и старались компенсировать все то, чем мы были обделены в годы войны.

Сейчас, уже в преклонном возрасте, пионерские годы вспоминаются как время настоящего приобщения к жизни страны, гордости за то, что ты, как и твои старшие товарищи, родители, причастен к победе над фашизмом и будешь жить в лучшие годы, которые обязательно наступят.

Геннадий Смирнов

Карточки за пазухой

Голодный 1948 год. Очереди за хлебом. В ту пору мне было десять лет. Утро, мороз под тридцать градусов, бабушка зажигает коптилку. Из самого дальнего комодного ящика с осторожностью достает хлебные карточки и уже, наверное, в сотый раз говорит, что в этих бумажках вся наша жизнь. Я надеваю

валенки, смотрю на карточки и не могу понять, как это так: вся моя жизнь втиснута в эти бумажки. Бабушка продолжает причитать, а я стараюсь побыстрее привязать коньки к валенкам.

Бабушкины причитания усиливаются. Вплывают слова, что я должен быть послушным, не цепляться за машины и сразу, как получу хлеб,

1

1. Стенд колхоза «Соревнование» на районной выставке в клубе ММЗ. 1948 год»

2. Подписка на заем в колхозе «Соревнование». 1947 год

2

быстро прийти домой. «Да поменьше ешь хлеба обратной дорогой». Больше я уже ничего не слышу. Я, как птица в свободном полете. Высоко-высоко в звездной сини плавает одинокая луна, ни шороха, ни звука, и только мы, несколько плохо одетых мальчишек, скользим по накатанной морозом улице в сторону хлебного магазина. Огромная очередь за хлебом упирается своим хвостом в хозяйственный магазин. Старики, старухи, усталые люди изнемогают от холода, медленного ожидания, с озлобленным раздражением смотрят на закрытую дверь магазина. До открытия мы всласть выводим ледяные пируэты. И вся очередь с раздражением ругает нас. Но вот появляется долгожданная лошадь, запряженная в сани, на которых стоит большой ящик, источающий теплый хлебный дух. Извозчик Бурган – татарин небольшого роста – идет рядом с санями, держа вожжи, цокает языком, круто покрикивает на лошадь, а заодно и на нас. Мы окружаем сани, радуемся. Вся огромная очередь оживает: слава Богу, хлеб давать будут! Во дворе магазина начинается разгрузка. А наша задача – влезть на крышу магазина, разместиться там, прямо над самой очередью. Как только откроют двери, мы начинаем падать сверху на эту толпу, и нас на головах внесут в магазин. Это было очень опасно. Моему товарищу сломали в дверях ногу, да и мы для людей были небезопасны – на ногах коньки. Но тогда просто не понимали, к чему все это может привести.

И вот мы уже в магазине, и здесь нам продолжают раздавать тумаки. Несмотря на все это,

удается встать в очередь. Наконец, потихоньку все успокаивается. Мы внутри магазина. Господи, какое это было счастье! В витринное стекло грозят кулаками, искаженные рты изрыгают в наш адрес проклятия. И мы знаем, каждый из нас еще получит по тумаку при выходе.

Карточки за пазухой, надо их вытащить, зорко глядеть, за какое число отрежет карточку продавец. Все толкаются, каждый хочет побыстрее подойти к прилавку и получить свой хлеб.

И тут для меня наступает самый главный момент – продавец взвешивает мой хлеб. Как мне хочется, чтобы было точно, ровно один килограмм сто граммов. Шестьсот граммов маминых (рабочая карточка), двести пятьдесят бабушкиных (иждивенка) и двести пятьдесят моих (детских). И вот я держу в руках свой хлеб, довесок сразу в рот. Он мне мешает, могу просто его потерять. Остальной хлеб кладу за пазуху и на четвереньках у всех под ногами пробираюсь к выходу. На моих глазах очередь начинает дыбиться от ненависти к нам, получившим хлеб чуть раньше.

Мне часто снится этот сон, и я не могу никак получить свой хлеб. Просыпаюсь, начинаю вспоминать. Кажется, все было недавно. Что еще в моей памяти зацепилось? Да немного. Голод, разруха, тяжелый труд допоздна, кинофильмы, смешные и радостные, которые мы смотрели в мытищинском кинотеатре. И еще у нас была вера в то, что жизнь будет лучше, совсем другой, и на нашем столе будут всегда хлеб и соль.

Юрий Баронкин

На аэродром

Лето 1949 г. Я с товарищем Борисом Цыгановым собираемся в Тайнинку на аэродром посмотреть самолеты и парашютистов. Привлекательность похода еще и в том, что мать Бориса работает директором детского сада в Тайнинке и обещала подкормить нас обедом. Завтрак состоит из жареной картошки и стакана сладкого чая с куском хлеба. Раздается

Борькин свист, и я быстро выбегаю за калитку. Дорога знакомая. По ней мы уже пять лет ходим в школу. Бодро шагаем от нашей Дружбы через Ярославское шоссе по третьему Ярославскому переулку. Первый дом – дача Новиковых. Когда-то в начале века они зарабатывали тем, что выпекали баранки для паломников в Лавру. Напротив старая дача среди лип. Над входом

1. Тайнинка. Прогулка по Яузской улице. 1948–1949 годы.
*Из архива Т.Я. Сорокиной. На втором плане поля, на которых будут выстроены
Новые Мытищи*

2. Мытищи. 1949 год. Фотография на память

СТАРШЕГО СЛУШАЙ
РАЗУМНУЮ РЕЧЬ:
— ДЕНЬГИ В СБЕРКАССЕ
НАДО БЕРЕЧЬ!

ВОСПИТЫВАЙТЕ НАШУ МОЛОДЕЖЬ В ДУХЕ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА! ГОТОВЬТЕ КУЛЬТУРНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ГРАЖДАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, АКТИВНЫХ БОРЦОВ ЗА КОММУНИЗМ!

табличка страхового общества «Саламандра». У двухэтажного деревянного дома встречаем одноклассника Ионкина. Он важно попыхивает окурком от папиросы «Памир». Это самый дешёвый сорт курева. Его окрестили «нищий в горах». Предлагаем присоединиться к нам, но он говорит, что надо окучивать картошку. По Пожарному переулку выходим к начальной школе № 7. Она разместилась в добротной зимней даче с большим фруктовым садом. Его щедрые дары ребятами обдираются далеко до сроков созревания.

Это уже улица Бакунинская, на ней интересны два дома барачного типа. В одном из них живут полотеры: рабочие артели по натирке полов в важных зданиях Москвы, музеях и театрах. Рассказывали, что перед войной они готовили заговор против Правительства, но их разоблачили. В это верится с трудом, так как они в большинстве своем были людьми пьющими и драчливыми. Их дети тоже учились в пятой школе, но железнодорожной. Соседний дом прозывается «мукомолом». Его жильцы работают на хлебозаводах и хлебокомбинате в столице.

Переходим железную дорогу около бывшего санатория им. Семашко (до последнего времени там располагалась воинская часть). По улице со смешным названием Кривая выходим к улице Пионерской, но ее все называют «народной тропой». Кругом деревянные двухэтажные дома рабочего поселка и только у самого перехода через Язу красивая дача с резьбой. Это дом бывшего купца Агеева, в нем обустроили детский сад, где директором мать моего спутника.

Вдоль реки через каждые сорок–пятьдесят метров бетонные огневые точки, амбразуры

смотрят на аэродром. С той стороны могли появиться немцы, но не вышло.

А вот и летное поле. На нем самолеты и будущие парашютисты. Встречаем одноклассников из Грачей. Они тоже пришли посмотреть на прыжки с парашютом.

Самолет разбегается и поднимается в воздух, делает круг над полем. Хорошо видно парашютиста, вылезавшего из кабины. Вот он прыгает, раскинув руки, и летит вниз. Наши сердца замирают. А вдруг не раскроется парашют? Но из ранца на спине появляется маленький парашютик, а за ним и большой, и образуется белый купол. Ветер сносит парашютиста к деревне Шарипово. Туда устремляется машина «полторка». Вскоре она возвращается, подобрав «прыгуна», а в воздух поднимается второй самолет.

Вскоре интерес к прыжкам у всех начинает пропадать. Ребята предлагают идти смотреть мотокросс. Это не очень далеко, где-то у Ворошиловского шоссе. Оно названо так потому, что неподалеку стоит дача Ворошилова, но она огорожена высоким забором, и там охрана. Мы с Борисом там никогда не были и охотно соглашаемся.

Минут через двадцать быстрой ходьбы оказались на месте. Трещат многочисленные мотоциклы. Говорят, что было несколько заездов и мытищинцы пробились в финал. Столько техники, собранной в одном месте, еще не приходилось видеть, если не считать трофейной выставки и свалки военного лома в карьерах около силикатного завода. Показывают мытищинского мотогогонщика под номером 5. Мотоцикл, видимо, старый, так как

не заводится с первого раза и опаздывает за рванувшими соперниками. Мы дружно подбадриваем спортсмена криками: «Давай! Давай!». Машина завелась, и гонщик умчался. Минут через тридцать появляются первые мотоциклы и уходят на второй круг. Где-то в середине команды гонщиков наша мытищинская «пятерочка». Мы кричим «Ура».

Время подходит уже к трем часам. У одного из ребят есть трофейные часы, отец привез с фронта. Ни у кого из мальчишек таких нет, как и вообще никаких часов.

Через поле, мимо деревни Волково, возвращаемся к Тайнинке. Вот и дача-сад. Борькина мать уже нас ждет и проводит в столовую. На столе тарелки со щами и на второе

макароны с протертым мясом. Вкуснота! На третье – кисель. Съедаем все быстро. Начинает клонить в сон, но надо возвращаться на свою Дружбу. Через станцию Тайнинская по Пограничной улице идем к Ярославке, а там и наша Клары Цеткин. Ребята гоняют в футбол, но играть не хочется, устали. Послезавтра договорились сыграть с «китайцами» – так мы называли ребят, живших в домах около шоссе. Многие из них родились от смешанных браков с русскими, да и дома прозывались «китайскими» и «Шанхаем».

Прощаемся с Борисом. Его дом дальше на три участка, а я уже на месте. «Поход» окончен удачно.

Геннадий Смирнов

Сытная работа

Упрашивала моя бабушка нашего соседа Ивана Ивановича устроить меня на работу на мясокомбинат.

– Сколько Юрке-то? – пробасил Иван Иванович.

– Ужо пятнадцать будет, – угодливо сказала бабуля.

Иван Иванович посмотрел на меня, измеряя взглядом, и дал согласие помочь. Собирали меня на работу мама и бабушка ранним осенним утром.

– Ты смотри там, Юрка, поаккуратней, слушайся.

– Да ладно вам! – сопротивлялся я.

– Вот всегда ты отмахиваешься, – наступала бабушка. – Жизнь-то какая. На каждой семье теперь тяжелый крест лежит.

Все эти сборы, разговоры произвели на меня тягостное впечатление и вошли в душу так, будто гири на ногах были.

– Ладно уж!.. Иди, – сказала бабушка.

Я вышел на улицу. Где-то в домашней тишине повисли бабушкины вздохи.

– Ох-хе-хе-хе-е... Ни одежонки, ни обувки нет, как будет ходить на работу?

На улице шел мелкий осенний дождь, и под нашими окнами билось, трепетало на ветру хилое деревце. Утро начиналось непогожее.

Ровно в семь часов я был в проходной мясокомбината. Стою, жду, когда за мной придет дядя Ваня.

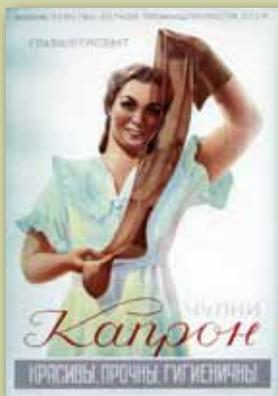
– Давай метрики, пойду пропуск разовый на тебя выпишу.

А я все глядел по сторонам, удивлялся, к какому такому пристанищу идет такая масса людей. Цех гудел, как улей, горя яркими огнями. По правде говоря, я впервые видел столько огней. Дома-то с коптилкой и ужин, и уроки, и засыпал я с коптилкой под мирный шепот моей бабушки Марии Григорьевны.

Здесь, в цеху, дядя Ваня передал меня двум, по моим понятиям, добрым женщинам, и они повели меня в глубину огромного помещения.

– В подсобке пока будешь работать, – сказала мне, улыбаясь, женщина помоложе. – Пойдем, пойдем, я тебя накормлю.

С каждым моим шагом я понимал – передо мной выростала новая, неведомая мне жизнь,

**РАБОТНИКИ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОМЫСЛОВОЙ
КООПЕРАЦИИ! ВЫПУСКАЙТЕ БОЛЬШЕ ТОВАРОВ ШИРОКОГО
ПОТРЕБЛЕНИЯ ИЗ МЕСТНОГО СЫРЬЯ! СНИЖАЙТЕ
СЕБЕСТОИМОСТЬ ИЗДЕЛИЙ, ПОВЫШАЙТЕ ИХ КАЧЕСТВО!
ЛУЧШЕ ОБСЛУЖИВАЙТЕ БЫТОВЫЕ НУЖДЫ ТРУДЯЩИХСЯ!**

мир расширялся, обещая незнакомые, сказочные возможности.

Цех, в котором я находился, был шумный, с тысячами труб и трубочек, с множеством станков и каких-то машин.

Вот он цех, который не охватить моим детским разумом, цех, где неустанно дни и ночи с гулом и звоном делается колбаса – целые горы вкусной колбасы. И всю огромную массу колбасы можно есть с хлебом и без хлеба. И так каждый день. Я вспоминал бабушку, маму и свой дом, в котором если и появлялась колбаса, то это было крайне редко и совсем маленький кусочек. А тут... И от этих мыслей я уже твердо ступал по незнакомому мне цеху, то и дело поправляя свою потрепанную шапку, сбивая ее на затылок с вспотевшего лба, и расплывался в своих мыслях. В подсобке было тихо, и все завалено ящиками с разной колбасой. За столом сидела женщина и что-то читала. Она облокотилась на стол и поддерживала ладонью свою стриженую голову. Потом вздохнула, посмотрела на меня и тихо сказала:

– Присядь, Юра.

Я был поражен, откуда она знает мое имя. Конечно, я не видел лежащую на столе маленькую бумажку, в которой все было написано обо мне.

Я сел, почесывая свою потную голову, и жадно, с каким-то страхом смотрел на разную колбасу. Женщина заметила мой взгляд и спросила:

– У тебя хлеб есть? Дядя Ваня разве не говорил, чтоб ты хлеба взял на работу?

– Я забыл, – соврал я. Мне было стыдно сказать, что у нас сегодня дома не было даже хлеба.

– На, возьми, – протянула она мне почти четверть батона.

Жадно уркая нутром, я по-собачьи быстро съел хлеб, а потом огромными кусками стал поглощать еще теплую колбасу.

Я ел и ел... И вот уже сосиски хрустели и трещали на моих сильных зубах, будто это были камни, попавшие в жернова. И вдруг стал звонко икать – нужна была вода. Я начал рассказывать о нашей семье.

– У нас, тетенька, туго все идет, мама одна работает, а бабушка пенсии не получает. Так что мы прямо в нитку вытянулись, вот и пошел я работать, чтобы мамке помочь.

– Эх, горя-то, горя на миру... – закачала головой женщина. Пока она качала головой, я проглотил еще три сосиски.

– Хватит, Юра, потом еще поешь, теперь за работу берись.

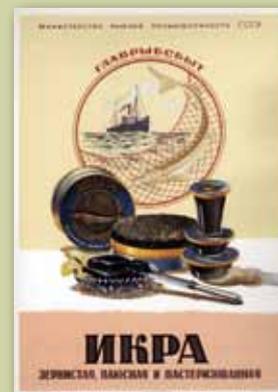
За работу я взялся жадно. Ящик за ящиком укладывал возле цеховых ворот штабелем. Но вот к воротам кто-то подъехал. Долго на ветру топтался, кряхтел, прочищал нос. Наконец, в се-ром проеме дверей появилась большая фигура мужика. Женщина, работавшая у машины, просияла:

– Ба-а, Леонид Петрович пожаловали! Откуда тебя нелегкая занесла к нам? А я-то гляжу: кто-то к концу смены, а это вон кто!

– За колбасой я, Маша. Давайте грузить на машину.

И мы принялись грузить. Я старался вов-

**РАБОТНИКИ ПИЩЕВОЙ И МЯСО-МОЛОЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ!
УВЕЛИЧИВАЙТЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ,
УЛУЧШАЙТЕ ИХ КАЧЕСТВО! ДОБИВАЙТЕСЬ ЭКОНОМИИ СЫРЬЯ
И МАТЕРИАЛОВ! БОЛЬШЕ САХАРА, ЖИРОВ, МЯСНЫХ, МОЛОЧНЫХ
И ДРУГИХ ПРОДУКТОВ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ!**

сю. Неуклюжий мужик преобразился, вдруг стал ловким, статным, легко брал по два тяжелых ящика и с легкостью же укладывал на машину.

Я очень сильно устал. Но уже смена подходила к концу, и рабочие стали собираться домой. А мне, что делать мне? Как унести домой побольше колбасы или сосисок? Сумки нет, карманы маленькие. И я придумал. Под навесом на огромном противне лежала гора сосисок. Вокруг никого не было. Не думая ни о чем, я быстро снял рубашку и стал обматываться сосисками, они еще были теплые, нежные, с приятным запахом. Я мотал на себя метр за метром.

Где-то очень далеко, на каком-то заводе завыл долгим плачем гудок. И в это же время ударили в реле в нашем цехе. Все, смена закончена.

С трудом я напялил на себя рубашку, а поверх всего телогрейку. Сильно раздутый, растягнув две верхние пуговицы у телогрейки, держа в руках одноразовый пропуск, направился к проходной. Мне повезло. Проходную я проскочил в толпе рабочих. Отдав разовый пропуск, я выскочил из проходной на улицу. Скорей, скорей на трамвай. Пройдя несколько десятков метров, я почувствовал, что начинаю задыхаться, – сосиски вокруг меня остывали и сжимались. Мою грудь стянуло, будто обручами. Что делать? Уже рот открыл, чтобы кричать, но опомнился. Забежал в какой-то двор и снял телогрейку, рубашку и начал быстро разматываться, освобождаясь от сосисок ряд за рядом. Сразу прошла тошнота, и в голове посветлее стало. Все сосиски сложил в рубашку, на голое тело надел телогрейку и побежал на

остановку трамвая. На Ярославском вокзале я сел в мытищинскую электричку.

Мне было хорошо, тепло и уютно в электричке, к груди я прижимал узел, и он грел мне душу. «Завтра опять пойду с радостью, – думал я, – к сытному, вкусному цеху».

На другой день бабушка не пустила меня на работу.

– Нет, – сказала она, – эта работа не для нас – мы честные люди.

Слушал я бабушку и своей маленькой ручкой сгребал под себя одеяло. Мне было жалко себя, маму, бабушку. Я поднял кверху голову и, как большая собака, завыл от бессилия. Наверное, в это время я был дик и страшен в сером осеннем утреннем свете. Я задрожал мелкой собачьей дрожью, и испугавшаяся бабушка стала крестить меня:

– Что ты, что ты, сынок! Мы обнялись.

В окне я увидел, как в сторону Москвы уплывала холодная железная дорога, а порывистый ветер нес с речки Яузы ледяные струи снега.

В этот день я опять пошел в школу.

Юрий Баронкин

Как давно это было...

Огромная туча с раннего утра надвинулась на Мытищи и повисла темным покрывалом. Но к обеду задул с юга свежий ветер, и он погнал эту тучу за зубчатый гребень Ядреевского леса. Появилось долгожданное солнце. Мы с мальчишками собрались на лыжах к ядреевским карьерам, где можно было покачаться и попрыгать с трамплина. На наши сборы с завистью глядит соседская Галька. Тетя Поля ворчит: «Галька, подбери подол-то! И не шляйся по сугробищам. Валенки быстро стопчешь». Мы встаем на лыжи. Улицы в снежных сугробах, и только узкие тропинки позволяют людям пробираться между домами. По льду перебира-

емся через замерзшую Язу, и вот он, простор Тайнинского поля. Слева вдалеке дома Грачей, а чуть дальше село Тайнинское и деревня Волково. Морозно. В домах топят печи, и столбики дыма, как веши, отмечают наличие людей в этом серебристом безмолвии.

Несколько минут хода, и вот справа появляются строения Новых Мытищ. Многоэтажки (какими нам казались здания в пять этажей) напоминают корабли в бухте. Почти в каждом доме своя котельная, и их высокие трубы усиливают эту схожесть.

Давно это было. Ой, давно... В 1950 году старое фото запечатлело первые дома Новых Мытищ.

Юрий Баронкин

Соседи

Всего несколько лет, как закончилась война. Люди постепенно стали привыкать к мирной тишине. На Шараповом поле идет строительство поселка для рабочих Мытищинского приборостроительного завода. Домой возвращаются солдаты 1927 года рождения, опаленные войной и прослужившие после нее два срока действительной службы. Служащие с одним выходным днем вперемежку с субботниками и воскресниками растят детей. Отцы и матери не успевают снять промасленные телогрейки на ночь, ранним утром спешат на работу.

Дети по колено в грязи с противогазными сумками и полевыми планшетками вместо портфелей бредут в Ядреевскую и Шараповскую школы. В конце современной улицы Мира устанавливают строительные краны и роют котлованы под городок рабочих МПС. Пережившие голод жители близлежащих домов распахивают

и перекапывают огороды под картошку. Сюда нормальных дорог не было проложено. Ответственный транспорт и устойчивая телефонная связь отсутствовали.

Однако в этих условиях жители поселка жили дружно, помогая друг другу. В те годы в основном полагались на взаимовыручку. Сосед значил больше, чем родня. Она далеко, а сосед – за стеной, рядом, в доме, на ближайшей улице. Он защитит от лихого человека, разбудит вовремя на работу, покормит домашних животных и птиц, присмотрит за детьми, займет очередь в единственном магазине за хлебом. А кто-то напилит и наколет дров, переложит дымоход в печи. Соседа уважали. Это у него под окном ночует заводской грузовик, и только он сможет своевременно доставить тебя, заболевшего, в больницу – железная дорога напрочь отрезала от услуг «скорой помощи» нашу часть города. Вот тогда-

1

1. Поселок Грачи. 1927–1928 годы"

2. Тайнинка. Берег реки Яузы. 1920–е годы

2

НЕУКЛОННОЕ ПОВЫШЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ ТРУДЯЩИХСЯ – ЗАКОН РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА! С 1 МАРТА 1951 ГОДА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НОВОЕ, ЧЕТВЕРТОЕ ПО СЧЕТУ, СНИЖЕНИЕ ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ТОВАРЫ!

то мне был преподнесен урок добра, терпимости и уважения к соседям.

На перекрестке нынешней улицы Мира и Новомытищинского проспекта стоял дом, в котором жила молодая чета Васильевых. Он, Николай, тракторист МПЗ с крупными руками, в поры которых навечно въелись солярка и солидол. Она, Анна, высокая дама с приподнятой головой, несколько вздернутым носом, темными волосами, зачесанными в пучок на затылке. С ними жила старушка с угрюмым лицом, мать Николая. Молодым Васильевым в то время было около тридцати лет. Детей они не имели. Размещались все трое в маленькой комнатухе. Помню интерьер их жилья, характерный для поселка: две полуторные кровати, шкаф, комод. На нем стояли гипсовая фигурка Василия Теркина в полевой форме. Задумчиво склонив голову, он растягивал меха гармошки. На стене висели фотографии в рамках и почетные грамоты за ударный труд. Еще помню радиодинамик с черной бумажной тарелкой и розовый матерчатый абажур с бахромой.

В 1951 году Васильевы первыми из жителей поселка приобрели телевизор «КВН» с линзой. С этого дня у них начались неудобства. В поселке проживало около ста семей. Телевидение в то время работало не более трех дней в неделю, передачи транслировались с 18.00 до 22.30. Когда над Яузой начинал сгущаться туман и поднимался до того места, где сейчас находится городская площадь, жители поселка шли к дому Васильевых, как в клуб, смотреть телепередачи. В комнату площадью около десяти квадратных метров набивалось до тридцати человек. Дети лежали на полу, взрослые сидели и стояли, а где были хозяева, я уже и не припомню. Именно

по телевизору я впервые увидел блистательную игру Игоря Горбачева в роли Хлестакова и Алексея Дикого в роли адмирала Нахимова. Передачи транслировались с несколькими перерывами, во время которых от массовых перекуров над домом Васильевых дым стоял стеной.

С той поры прошло много времени, и теперь я понимаю, как тяготили хозяев эти нашествия соседей. Но твердо помню, что никогда ни перед кем они не закрывали дверь своего дома, а ведь это продолжалось несколько лет, пока в поселке не стали появляться другие телевизоры. До сих пор меня поражают благородство и доброта, которые исходили от семьи Васильевых.

Сколько интересных историй из первых уст я узнал во время телевизионных посиделок. Дед Василий Богомолов был участником высадки русского корпуса в Марселе в 1916 году, старик Яков Лоздун – очевидец восстания на броненосце «Потемкин» в 1905–м, бабка Елена Антошина – баррикадных боев на Пресне. Иван Рязалов летал воздушным стрелком в годы войны на «Петлясове», Алексей Литвинов в дни осады Севастополя ходил комендором на лидере «Ташкент». Эти люди окружали нас, мальчишек, их рассказы в длинные осенние и зимние вечера формировали в нашем сознании чувство патриотизма и любви к Родине.

Иногда мне удается встретиться с некоторыми соседями. Им давно уже за 80. Мне самому идет седьмой десяток. Встречаясь с ними, я чувствую себя мальчишкой, бегущим по зеленой траве под огромным голубым небом, залитым ярким солнцем, которое бывает только в далеком детстве.

Виктор Юматовский

1. Новые Мытищи. Городок МПС. Четная сторона улицы Мира. 1967 год.
Из семейного архива Бельских

2. Новые Мытищи. Строительство дома № 1/2 по улице Мира. 1959 год.
Фотографии переданы в дар музею В.Е. Березняком. Вид на дом со двора

Дорогами детства

Записки старожила

Аы с внуком поднялись на мост. С высоты «конкорса» хорошо видна вокзальная площадь с уходящей вдаль улицей Колонцова. По ней сновали люди и машины, но совсем другой я ее видел пятьдесят лет назад.

Шел июнь 1951 года. Отец взял меня в гости к своему давнему другу, проживавшему в деревне Коргашино. Общественный транспорт в те годы туда не ходил, и, оставив меня у стены вокзала, отец ушел искать попутную машину. Здание вокзала с облупленными стенами и немывтыми стеклами произвело на меня удручающее впечатление. На первой платформе находился фонтан с лебедем на взлете. В ржавой воде плавали окурки.

Вдоль платформы со стороны площади стоял ряд подсобных помещений невзрачного вида. Через железную дорогу были перекинута два моста. Один на южной стороне, у водонапорной башни Вагонного завода. Другой – у северной стороны, справа от вокзала.

По платформе ходила разнокалиберная публика. Мне бросилось в глаза, что среди пассажиров было много инвалидов. Без рук, без ног, на самодельных колясках и деревянных протезах, они просили подаяние. Мало кто отказывал им, все сознавали, что эти люди покалечены на полях сражений недавно прошедшей войны.

По платформе важно прохаживался постовой железнодорожной милиции. Он был одет в темно-синий двубортный китель с двумя наплечными ремнями. На его голове возвышалась ярко-оранжевая фуражка. Маневровый паровоз Вагонного завода постоянно сновал по путям, подгоняемый командами диспетчеров.

Вокзальная площадь с избитым асфальтом была украшена памятниками Ленину и партизанам. На южной стороне площади располагал-

ся магазин «Динамо», в котором продавалось спортивное снаряжение, на северной – электр узел железной дороги. На улице Колонцова стояли два магазина полукруглой формы, а вдоль забора фабрики «Вискоза» – киоски и лотки с различными товарами. Завсегдатаями этих рядов были старая армянка – чистильщица обуви и еврей Арон, продававший галантерею. Дальше по улице была пожарная часть, у которой в любую погоду стоял дневальный с красной повязкой на рукаве. Из пожелтевших окон главного корпуса Вагонного завода периодически мигали голубые огоньки электросварки.

Вернулся отец и повел меня к автомашине ГАЗ-АА («полуторка»), покрытой рваным запыленным тентом. Водитель, видимо, знакомый отца, открыл дверцу, и мы сели в маленькую кабину. В кузове быстро разместились пассажиры с чемоданами и кошелками. Их называли «грачами». Через желтоватое с трещинами лобовое стекло я увидел, как шофер крутанул заводной ручкой, и машина затряслась.

С улицы Колонцова водитель свернул на улицу Абрамова. Мимо нас проплыл кинотеатр, с афиши белозубой улыбкой Николай Крючков приглашал нас посмотреть фильм «Звезда». У моста через речку Работня машина, пропуская встречный транспорт, остановилась. Мост был сделан из поперечных бревен, на которых двумя колеями лежали толстые ряды досок, скрепленных квадратными скобами.

Справа от моста разместился малолюдный рынок с пустыми торговыми лавками. По грунтовой дороге машина вывезла нас к клубу Вагонного завода, напротив которого в строгом порядке стояли бревенчатые двухэтажные жилые дома. Проскочив мимо школы № 2 и окрашенного в белый цвет забора стадиона «Торпедо», машина подъехала к железнодорожному переез-

1

1. У железнодорожной станции Мытищи. 1956 год"

**2. Старые Мытищи. Улица Абрамова. 1956 год.
Из архива Н.А. Шубиной**

2

ду и остановилась. За оградой изломанного забора центральной больницы были видны желтые стены родильного дома.

Переезд был закрыт. Перед нами стояла автомашина ЗИС–151. В ее кузове сидели в полном боевом снаряжении солдаты. Они о чем–то громко разговаривали, держа карабины Мосина между колен. От крепкого вида солдат веяло надежностью и доброй силой.

Мы пропустили несколько электропоездов с переполненными вагонами. Пассажиры густо висели на подножках – двери в электричках тогда закрывались вручную. Наконец, дежурная по переезду подала сигнал из металлического рожка и стала крутить ручку шлагбаума. Колонна машин плавно преодолела переезд и мимо фруктового сада ремесленного училища № 2 свернула налево. Проехав несколько крутых поворотов, мы обогнули летний парк и выехали на главную улицу деревни Рупасово. Слева стояли ряды бараков и начиналось строительство домов на Военке.

За домами зеленел выгон. По нему бродило стадо коров. У моста через Работню виднелись красная силосная башня и скотный двор колхоза «Соревнование». В конце деревни раскинулось большое, изрытое канавами поле. Дорогу пересекала узкоколейка, по которой мотовозы с ме-

таллическими вагонетками таскали песок на завод силикатного кирпича. Дорога, мощенная булыжником, проходила мимо пионерского лагеря министерства легкой промышленности. Большие кованые железные ворота с белыми колоннами, на которых висели ажурные фонари, охраняли вход. За воротами просматривались рубленое деревянное здание голубого цвета и мачта с красным флагом.

В деревне Высоково машина остановилась. Светловолосый мужчина спрыгнул с кузова и, махнув водителю рукой, пошел к домам. На спуске дорогу перегородил неохраняемый переезд. Со стороны Пирогова, оглушая окрестность гудками, весь в дыму тихо шел паровоз с вагончиками, забитыми пассажирами. Некоторые сидели прямо на крышах.

У перекрестка на Пирогово мы вышли из машины. Дорога упиралась в деревянный настил и мост через реку Клязьму. На взгорье теснились строения из красного кирпича, высокая закованная труба, квадратная, с ажурными окнами водонапорная башня и желтое здание с маленькими подслеповатыми окнами. Это был поселок фабрики «Пролетарская победа». Свернув в переулок, мы вошли во двор крайнего дома.

Виктор Юмтский

На боевом посту

Дом этот стоит рядом с платформой Перловская на улице Железнодорожной. С его торцевой стороны можно попасть в помещение, в котором на протяжении многих лет работали участковые уполномоченные. Здесь ведет свою работу совет ветеранов мытищинской милиции. Его председатель Евгений Иванович Тарабрин, бывший начальник УВД, со свойственной ему энергией и увлеченностью раскладывает передо мной фотографии и документы, касающиеся истории местных правоох-

ранительных органов. Изучая эти материалы, я увидел фамилию человека, служебная деятельность которого прошла буквально на глазах жителей нашего города. Я хорошо знал его с раннего детства.

Федор Иванович Коробченко, участковый уполномоченный, в далеком 1942 году был принят милиционером конно–патрульной службы. Ее подразделение располагалось в здании бывшего милицейского участка, нынешнего первого отдела милиции на улице Абрамова. Конный взвод

Репетиция эстрадного оркестра и сводный хор Дома культуры ММЗ. Конец 1940–х годов"

Лицы нашего детства

в количестве двадцати человек привлекался к патрулированию лесных участков района. После года службы Коробченко был назначен участковым уполномоченным на административный участок. Его территория простиралась от деревни Ядреево до села Тайнинское, где он и проживал. На этих просторах только-только начиналось строительство домов и стояло несколько монтажных кранов.

В конце 40-х и начале 50-х годов наш город считался сложным в криминальном плане. На участке Коробченко особо опасным местом была улица, ведущая от платформы Тайнинская через реку Язу до аэродрома. По соседству с ним был разбит «Шанхай» – рабочий поселок из нескольких сотен железнодорожных вагонов, где проживали рабочие московских строительных организаций. Опасна в вечернее время была и улица Ядреевская. Мало кто в этих местах после рабочей смены осмеливался в одиночку выйти на улицу. Он рисковал быть ограбленным. В «Шанхае» люди порой жили годами, нигде не работая, перебиваясь временным заработком.

С Коробченко я познакомился при следующих обстоятельствах. В феврале 1952 года у поселковой конюшни (на перекрестке современных улицы Терешковой и Новомытищинского проспекта) обнаружилась пропажа четырех бревен, предназначенных для ремонта стропил крыши конюшни. Возчик и смотритель лошадей дядя Петя Коченков доложил о происшествии коменданту поселка Алексею Павловичу Журкину. Доведенный до отчаяния происшедшим (накануне были похищены еще два рулона рубероида) комендант обратился к участковому. Его служебное помещение находилось в районе улицы Садовой (ныне место, где высится храм Рождества Христова). Вот тут я и увидел впервые Федора Ивановича.

Он был среднего роста, сутуловатый, со светлыми, коротко постриженными волосами. Особенно поражали его маленькие, близко поставленные, сверлящие собеседника глаза. Он был одет в шинель с погонами старшины. В левой руке держал полевую сумку. Коробченко осмотрел место, где лежали бревна, обошел

конюшню, собрал ярко-желтые щепки и коричневую кору, лежащие на снегу, и упаковал подобранные предметы в обрывок бумаги. Потом пристально осмотрел отпечатки солдатских ботинок, что-то пометил в служебной тетради. Коротко переговорив с комендантом, он направился в сторону барачных на улице Крупской. Позже, по рассказам соседей, я узнал, что вечером этого же дня бревна обнаружили в деревне Ядреево, где они были распилены на дрова. В то время за хищение государственной собственности грозили крупные неприятности, но бывший фронтовик Коробченко не был сторонником радикальных мер. Впоследствии я видел, как два мужика из Ядреева по воскресеньям ремонтировали крышу конюшни из собственного материала.

Петька Шарыгин воспитывался у тетки, родители его умерли после войны. Любил Петька убежать из дома и сутками пропадать по сараям и стройкам. В те времена работу с подростками вели участковые. Нет, не бегал Федор Иванович в поисках Петьки. Просто по вечерам заходил в семьи авторитетных на улицах ребят, беседовал с их родителями. На другой день Петька с опущенной головой брел к дому и стучал в окно.

Я примечал, что участковый появлялся и в тех местах, где его совсем не ждали. Было ли это место, где в карты играли на деньги, или притон голубятников с преступными разборками, доходившими до поножовщины. Часто его видели перед сеансами кино в подвале «красного уголка» (ныне там клуб боксеров им. Высоцкого по улице Летной).

Вечерами он провожал домой стайки молодежи после танцев на импровизированной площадке на углу улиц Матросова и Крупской.

Федор Иванович до тонкостей изучил особенности своего участка. Взаимодействуя с общественностью, он знал, где, когда и кем могло быть совершено то или иное правонарушение. Высокий профессионализм, четкая гражданская позиция позволяли ему иметь здоровый деловой авторитет среди населения. В конце 60-х годов, изучая в школе милиции нормативные акты, регламентирующие тактику общей и индивидуальной профилактики правонарушений, я понимал,

1

2

1. На платформе Перловская.
1950–е годы.
Из коллекции В. Бажанова

2. Фотография на память.
Мытищи. 1947 год.
Из коллекции В. Бажанова

что ученые мужи, разрабатывая эти документы, анализировали опыт таких сотрудников, как Федор Иванович. Ведь, зная причины, порождающие правонарушения, и условия, способствующие их совершению, сотрудники милиции имели возможность вовремя их пресекать. При профессиональном участковом любой сыщик мог успешно раскрывать различного вида преступления.

Федор Иванович Коробченко несколько десятилетий проработал на должности участкового

уполномоченного. Это про таких, как он, писатель Борис Васильев написал: «Идет участковый, бабами руганый, шпаной битый, бандитами стреляный». Я много раз беседовал с мальчишками той поры, теперь уже пожилыми людьми, о Коробченко, и большинство из них с теплотой отзывались о Федоре Ивановиче. Это он в свое время не дал им сползти по скользкой и кривой дорожке в темный мир преступности.

Виктор Холмский

На демонстрации

Самыми радостными днями в послевоенные годы были дни весенние. Кончались холода, сердце предчувствовало лето с его радостями отдыха. Все весны почему-то были с обильной талой водой. Вдоль Ярославского шоссе разливалась настоящая река, и, чтобы с Дружбы попасть в пятую школу, приходилось обходить около Перловского завода. Помню, как дважды горела железнодорожная школа. Ее ученики временно перевелись к нам, и мы учились в три смены.

А на Перловском пруду играли в «папанинцев». Катались на льдинах. Из озорства шли на таран, и неудачники зачастую оказывались по горло в холодной воде. Конечно, об уроках в таких ситуациях думать не приходилось.

Важным событием для меня было участие в первомайской демонстрации в Москве. Тетя Нина работала на химзаводе и всегда брала меня с собой. Предчувствие праздника, кроме желания увидеть Сталина, имело и меркантильную сторону. Именно на демонстрации можно было получить транспарант в виде проволочного круга на палке. Круг затягивался марлей, и на нее клеились буквы 1 Мая. После демонстрации этот транспарант увозился домой, буквы отрывались, проволока стягивалась, и получался удобный сачок, которым можно было ловить рыбешку в речке Ичке.

В мае 1953 года мы – ученики старших классов вновь открывшейся на Дружбе шко-

лы № 12 – впервые самостоятельной колонной пошли на демонстрацию в Мытищи. Собирались на Ярославском шоссе. До города почти три километра. Флаги и самодельные транспаранты. Портретов Сталина уже нет. Подул холодный ветер, и даже закружились снежинки, а мы все одеты по-летнему, с короткими рукавами. Наш директор Иван Васильевич Попов дает команду идти быстро, чтобы согреться.

С шутками проделываем маршрут, и на подходе к улице Колонцова пропускаем внушительную колонну из Подлипков. «Оборонщики» везде в почете. У них и зарплата выше.

Площадь у вокзала заполнена до отказа. Играл оркестры. Памятник Ленину кажется еще меньше в окружении президиума. Говорят какие-то речи. Кричим «Ура!» Встречаем бывших одноклассников по пятой школе и радостно приветствуем друг друга. Со многими вместе проучились семь лет.

Часа через полтора митинг и демонстрация заканчиваются. Многие направляются в летний парк. Старшее поколение толпится около магазинов и привокзальной пивной. Кто-то спешит домой к скромному, но праздничному столу. Чувство радостного ожидания чего-то хорошего не покидает меня целый день, потому что у окружающих на лицах добрая улыбка праздника.

Теннагий Стурнов

1. Старые Мытищи. Демонстрация 7 октября 1953 года".
Колонна движется вдоль железнодорожного вокзала станции Мытищи

2. Старые Мытищи. На праздничную демонстрацию. 1950-е годы.
Снимок сделан около домов на улице Карла Маркса при ее пересечении с улицей Коминтерна"

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ! УЛУЧШАЙТЕ И РАЗВИВАЙТЕ ДЕПО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ПОВЫШАЙТЕ КУЛЬТУРУ В РАБОТЕ ПЕЧЕБНЫХ И САНИТАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ! ВНЕДРЯЙТЕ В ПРАКТИКУ ДОСТИЖЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ!

Вспоминая детство

Продолжение

А не захотелось рассказать о своем детстве, военном и послевоенном, которое прошло в Мытищах, моей малой родине. Родные места – поселок Леонидовка, а там – дом медработников, мытищинская больница, где моя мама Евгения Ивановна Сычева–Тарасова проработала медсестрой хирургического отделения более 40 лет.

Мы жили в доме медработников – старом двухэтажном деревянном бараке на окраине города, которому был присвоен адрес больницы: г. Мытищи, ул. Коминтерна, д. 24. Между нашим домом и больницей были участки, которые сотрудники приспособили под огороды и сажали картошку.

В доме жили медсестры, пришедшие с войны, и семьи младшего обслуживающего медперсонала. У некоторых семей были малюсенькие комнатки – это было счастьем. Печки топили в комнатах. Готовили на кухнях, где была большая плита, а на ней стояли керосинки. Вот на них – то все и варилось, кроме того кипятилось белье. Как взрослым это удавалось, сейчас трудно представить, но я не помню, чтобы соседи скандалили между собой. Все были в равных условиях. В нашем доме жила семья главного врача больницы Донскова. Мы не представляли, что в квартирах могут быть ванна, туалет, телефон. Дом звали «горелым», потому что несколько раз случался пожар. Строение было настолько старым, что стены второго этажа отъехали от крыши, обра-

зовались дыры. И я очень хорошо помню, как в этой дыре была видна луна в одну из морозных зимних ночей. За керосином ходили в Мытищи – так мы называли центр города, в керосиновую лавку за аптекой по улице Колонцова. Я совмещала этот поход с посещением городской библиотеки, в которую меня папа записал лет с пяти. Библиотекарь Софья Ивановна была удивительной женщиной: ласковая, интеллигентная, очень доброжелательная. Она обязательно спрашивала содержание прочитанной книги, и это очень дисциплинировало, нужно было читать вдумчиво.

Рядом с нашим домом медработников было три барака, в общежитиях которых жили так называемые завербованные, жители российских деревень из других областей для работы в ведомстве Мосэнерго; рядышком находилась подстанция – так мы называли огороженную забором территорию с охраной. Взрослые из барачников вечно пребывали в командировках, и дети, наши сверстники, самостоятельно боролись с жизненными проблемами. Мы все очень дружили.

Татьяна Лумбинцева

1

1. Мытищи. У больницы. 1962 год.

Из архива Н.А. Шубиной

2. Леонидовка. Игра в волейбол в лесопосадке. 1958 год.

Из архива Т.А. Литвиничевой

2

Лица нашего детства

Смерть Сталина

Шел обычный день занятий. Вдруг по всей школе разнеслась весть: «Умер Сталин!». Казалось, что Сталин был и будет всегда. Он выиграл страшную войну, он заботился о детях. Он был везде: на портретах, в учебниках... Помню, как шел с матерью по Красной площади и наивно спрашивал: «Мам! А Сталин ест черный хлеб?». Казалось, что вождь ест пищу самую необыкновенную и в Кремле много белого хлеба.

Занятия прервались сами собой. Помню плачущую старенькую учительницу младших классов, почетный караул из пионеров у бюста вождя. У кого-то возникла идея поехать на похороны. Я и еще трое ребят отправились в Москву. Электрички подвозили людей со всех вокзалов, хотя день был рабочим. Толпа шла к центру, но Садовое кольцо оказалось плотно перекрыто машинами с милицией. Людей спихивали с бортов, но кое-кому удавалось пролезть под машиной. Нас оттеснили к Колхозной площади, а там я проходными дворами за какими-то людьми стал пробираться в щели между мусорными ящиками. Люди буквально просачивались и шли, шли к центру.

Помню такую картину: плачущая женщина с кистью, ведро с краской, узкий проход между домами, где можно с трудом протиснуться только боком, и охрипшего мужика, матерившего нас, женщину, красившую стены прохода, и людей, счищавших своей одеждой свежую масляную краску.

Ребят я растерял около машин и запутался в лабиринте проулков, но все же попал на улицу Горького в районе Маяковки. Там кипела толпа. Милиция в кубанках выхватывала венки и членов делегаций из толпы и поднимала их на руках через машины. Под ногами были сплошные галоши. Мне повезло, что я был в сапогах, а то напрочь лишился бы галош.

Редких собственников автотранспорта поставили с их машинами тоже в заслон, и они не-

лепо размахивали монтировками, пытаюсь оградить свои машины, но люди перелезали через легковушки, сминая крыши. В милиционеров кидали галошами, замерзшими горбушками. Раздавались крики людей, придавленных к бортам и подножкам автомобилей.

Я вспомнил рассказ тетушки о Ходынке. Понял, что могу погибнуть в этой давке, и с большим трудом выбрался.

Увязавшись за мальчишками, видимо, местными, я попал на улицу в районе Моссовета. Мы по очереди пролезали сквозь прутья высокой ограды. Правда, для этого снимали пальто и вдвоем, что есть сил, разжимали прутья в стороны. Какие-то девчонки полезли через забор, и юбками зацепились за «пики». С рванными подолами они тоже сумели преодолеть препятствие.

Мы почти достигли цели, но по улице Горького шли цепи солдат и оттесняли редких прохожих. Я юркнул в дверь магазина, кажется, это были «Российские вина». Прошла одна цепь, вторая. Я выскочил на улицу и пошел к Колонному залу, но тут из-за поворота с Манежной площади появилась очередная цепь. Меня и еще нескольких человек отогнали почти до Маяковки. Больше сил бороться с этой машиной правопорядка у меня не было. Измученный, я еле добрал до Комсомольской площади и чуть не проспал в электричке свою Перловку. Так мне и не удалось проводить в последний путь вождя.

Геннадий Смирнов

1. Москва. Красная площадь. 10 марта 1953 года

2. Москва. 6 марта 1953 года. У Колонного зала Дома союзов

РАБОТНИКИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА И ШОССЕЙНЫХ ДОРОГ! УВЕЛИЧИВАЙТЕ ПЕРЕВОЗКИ АВТОТРАНСПОРТОМ ГРУЗОВ ДЛЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ТОВАРОВ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ, УЛУЧШАЙТЕ ПЕРЕВОЗКУ ПАССАЖИРОВ! СОДЕРЖИТЕ ШОССЕЙНЫЕ ДОРОГИ В ОБРАЗЦОВОМ ПОРЯДКЕ!

Старьевщик

Остопримечательностью послевоенного детства являлись бродячие жестянщики, стекольщики и точильщики. В летние дни по тихим улицам разносилось: «Починяю, паяю ведра, тазы, кастрюли, самовары, паяю!» Окон билось мало, а вот починить таз или кастрюлю, керосинку и примус требовалось часто.

Особое оживление среди жителей, и в первую очередь малолетних, вызывал приезд старьевщика. Первыми вестниками его появления, как правило, были шустрые пацаны, за пестрый мячик на резиночке обегавшие улицы поселка.

На телеге с заветным большим сундуком появлялся главный возмутитель мальчишеского спокойствия. Принималось все: тряпье, бутылки, калоши, медная проволока и так далее. Взамен

давались кроме мячиков еще свистульки, издававшие звук «уди-уди», какие-то пестрые цилиндры на нитке и палочке. Их можно было весело крутить, и они громко скрипели и гудели. Была в ассортименте и богородская игрушка с традиционными сюжетами. «Кузнецы» (медведь с мужиком стучат молотами), «Наседка с цыплятами», но самым заветным предметом для мальчишек, несомненно, были свинцовые «пугачи», отлитые в виде револьверов и оглушительно стреляющие глиняными пробками с серой. Позже появились крашенные гипсовые фигурки «Василий Теркин», «Девушка-солдат» и другие, долгие годы украшавшие скромные интерьеры поселковых домиков.

Геннадий Смирнов

«Кукушка»

Очень пичное

А самой удивительной и красивой линией Мытищи–Пирогово в послевоенные годы долго трудился любимый всеми мытищинцами паровоз «кукушка». В то далекое время движение на этой линии было неинтенсивное, и ходил

этот небольшой поезд всего несколько раз в сутки.

А недавно я увидел паровоз. Настоящий паровоз выпуска 1953 года. Не утерпел, залез в кабину, потрогал ручки управления, хотел открыть дверки топки, но не смог – сильно заржавели. Долго я его

**КОЛХОЗНИКИ, КОЛХОЗНИЦЫ, РАБОТНИКИ МТС
И СОВХОЗОВ! ОСВАИВАЙТЕ НОВЫЕ ЦЕЛИННЫЕ
И ЗАПЕЖНЫЕ ЗЕМЛИ! БОРИТЕСЬ ЗА РАСШИРЕНИЕ
ПОСЕВОВ И ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСОКИХ УРОЖАЕВ
ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР!**

рассматривал. И моя память стала раскручивать детали послевоенного детства. Вспомнил я родные мытищинские места, дорогие лица моих бабушки, мамы. Они еще молоды и здоровы. Вижу и себя. Неуловимыми ручейками струятся воспоминания.

Жаркое, жаркое лето. Еще с вечера бабушка наказывает мне: «Юра, не ездь в Пирогово. В магазине говорили сегодня, что на днях, там, в Пирогово, девочка утонула».

Куда там. Нас не напугаешь!

Раннее утро. На мытищинской станции толпится, гомонит народ в ожидании поезда. Женщина сидит на большом мешке и за веревку держит рогатую козу. Свободную руку она сделала козырьком и смотрит в даль, приговаривая: «Господи! Когда ж ты, паровозище, подойдешь». А рядом тычется мужик в длинном военном мундире, в рваной соломенной шляпе. За спиной у него на лямках мотается засаленный огромный бесформенный мешок. Ноги мужика – в солдатских обмотках, ботинки разбухли от влаги. Его рыжая борода развеивается во все стороны и лезет на щеки, будто мужик ходил всю жизнь против ветра.

– Слышь–ка, сынок, – обратился он ко мне. – Помоги мне снять мешок.

– Давай я помогу. Что же ты дитя просишь, – как бы спохватилась рядом со мной стоящая женщина.

Я покраснел и застеснялся. Мне было уже девять лет. А как хотелось быть взрослым!

Но вот слышатся пыхтение и стук колес. Паровозик, сердито урча, медленно втаскивается на станцию. Белым облаком клубится над ним пар. Бурлит и клокочет в котле вода, от пара лоснятся блестящие бока паровоза. Наконец паровоз встал. Мы, детвора, смотрели на него,

прислушиваясь к загадочному шуму. А как сделан паровоз! Доботно, красиво, надежно, не знал износу и храбро сопротивлялся губительному времени. Какая вековечная была прочность!

Но вот начинается посадка. Светло и просторно в дореволюционном вагоне. Мужчин в то время было мало, больше согнутых тяжестью долгой безрадостной жизни сумрачных старух, которые беззубыми ртами шептали молитву и все лезли и лезли в старый вагон. Рядом с нами у окна сел на лавку грузный дед. Посадил маленького внука. Мальчик вцепился старику в плечо, со страху перекошил лицо и громко взревел: «Дедушка – ..., – орал он, – сойдем!.. Бо–ю–юсь!..» Мальчишка держался за старика и все озирался по сторонам, выискивая помощи. Видно было – впервой сел мальчик в поезд.

В вагоне крик, шум, ничего не поймешь. Но вот звякает медью колокольчик, и кондукторша звонким голосом кому–то кричит: «Не ндравит–ся, не садись, оставайся».

Поехали. Запыхтел, закачался наш паровозик, поплыли мимо окон мытищинские леса. Золотом польхает солнце в это время года. В самые лучшие наряды оделась наша красавица мытищинская земля. А день наш детский тогда тянулся долго–предолго, будто клубок пряжи разматывается.

«Ку–ку», – приветствует водные пироговские просторы наш паровозик. И вдруг живым эхом отозвалась ему настоящая кукушка. Как–то нехотя мы покидаем удобный вагон, а паровозик покидает нас до вечера. Он уходит обратно, в Мытищи. А может быть, кукушка желала не нам, а нашему паровозу от всей птичьей души – живи подольше, паровозик–трудяга.

Юрий Баронкин

Рассекая синее пространство

Недавно, поджидая нужный мне автобус на станции Мытищи, я обратил внимание на пожилого человека. На правой стороне его куртки ярко синел знак парашютиста с числом «50» на подвеске. Почувствовав в прохожем родную душу, я стал за ним наблюдать. Мужчина подошел к ожидающим автобус людям и громко спросил:

– Как лучше проехать в сторону аэродрома?

Окружавшие его граждане недоуменно молчали.

– Здесь нет и не было аэродрома, вы, наверное, ошиблись, – юноша с пивной банкой в руке усмехнулся.

Вид мужчины и его вопрос меня глубоко заинтересовали.

Спрашиваю, глядя в его растерянное лицо:

– Вы имеете в виду бывший Тайнинский аэродром ДОСААФ?

– Да, конечно, – ответил он, – я в этих местах не бывал больше пятидесяти лет... Через минуту мы уже ехали в нужном направлении, и я узнал, что мой спутник Владимир Егорович Петрачков в 1953 году занимался на нашем аэродроме парашютным и авиаспортом. А началось это увлечение в школе № 43 (ныне № 8), при которой действовала парашютная секция 2-го Московского аэроклуба. В небе над нашим городом Петрачков прыгал с парашютом и летал на учебном Як-18...

Мы вышли на остановке напротив Ледового дворца.

Здесь в упомянутые годы с мая по сентябрь в палаточном лагере занимались курсанты-аэроклубовцы.

А мимо белых палаток, напоминавших присевших отдохнуть птиц, степенно прохаживался дневальный с боевым ножом на ремне.

С утра до вечера самолеты разбегались по направлению с запада на восток, от де-

ревни Волково, после взлета разворачивались над станцией Тайнинская и затем над Ядреевом выполняли учебное задание. В солнечную погоду особенно хорошо было видно, как сверкало остекление кабины, когда машины выполняли фигуры высшего пилотажа: «бочка», петля Нестерова, выход из штопора, боевой разворот... Все это происходило на глазах многочисленных зрителей и строителей, возводивших городские дома. Было слышно натужное завывание мотора, когда самолет набирал высоту, чтобы затем легко и тихо стремиться к земле...

Мой собеседник увлеченно рассказывал о своем первом прыжке с самолета ПО-2. Инструктор помог ему выйти на крыло, а Владимир засмотрелся на работу клапанов цилиндра в моторе и забыл, в каком месте нужно покинуть самолет...

В начале 60-х годов, как оказалось, последний парашютист приземлился прямоком на крышу дома, на углу улиц Матросова и Щербакова. Снимали его, как говорится, всем миром, с помощью автокрана, после чего парашютные прыжки и полеты на планерах были запрещены. Но мытищинские мальчишки и девчонки продолжали заниматься в парашютных секциях ДОСААФ. А самые массовые секции были на предприятиях – ММЗ, ОКБ КП, «Электросчетчик» и в школе № 6. В одной из секций занимался и я, только прыгать с парашютом нам приходилось на аэродроме в Коломне. Мытищинский военкомат подбирал ребят для этих войск из наших секций. Так и пришлось мне три года прослужить парашютистом-десантником в ГСВГ.

Я знаю многих земляков, которые стали военными летчиками и пилотами гражданского воздушного флота. Нас до сих пор зовет к себе синее небо...

Виктор Колуметский

1

1. Тайнинка. У здания мытищинского аэроклуба. 1965 год".
Не сохранилось. Располагалось вблизи железнодорожной платформы Тайнинская

2. Мытищи. Инструктор П.Н. Лушин проводит занятия с курсантами аэроклуба. 1949 год"

2

В колхоз

Окончен девятый класс. Школьники на летних каникулах. Предприимчивые одноклассники подрабатывают в теплицах колхоза «Соревнование». Мечта – записаться и поработать на сборе клубники, но это удастся не каждому. Кое-кто уехал отдыхать с родителями в санатории и дома отдыха. Путевки стали выдавать больше. В первые дни июля принесли известие о том, что мальчишек собирают для работы в колхозе где-то в районе Загорска. Из наших трех классов набралось человек двенадцать, в том числе и я. Едем на стареньком автобусе. Старшим назначен молодой парень из горкома комсомола. Он только что отслужил в армии и этим очень гордился. Часа через два на месте. Размещаемся на большом сеновале. Там будем ночевать две недели. Предстояла работа по уборке сена. В колхозе работают одни женщины, мужья большинства из них не вернулись с войны. В первый вечер бросилось в глаза, что в избах нет и не было электричества. Как и в старину, все пользуются лампами.

Работа на первый взгляд не очень тяжелая. Скошенную траву, перевитую горохом, надо собрать в копны, потом загрузить на подводы и отправить на силос, а высохшую собрать в стога. Работаем граблями и вилами, сделать стог сена – не простая наука. Его надо «сметать». Особенно

трудно дается подъем травы на верхушку. Работают женщины-колхозницы. Для них это повседневный труд, а мы только «подавальщики». Первые три-четыре дня уставали все, а потом втянулись и даже устраивали своеобразное соревнование.

Познакомился с сельской библиотекой и библиотекарем, молодой женщиной, рассказавшей о том, как было тревожно осенью сорок первого года, о боязни оккупации и возможной гибели от рук фашистов из-за того, что являлась членом партии.

Сельские ребята работали наравне со взрослыми. Два раза сыграли с ними в футбол старым кирзовым мячом, неоднократно зашитым. Один матч выиграли, а второй свели вничью.

Зная мою любовь к молоку, товарищи устроили мне каверзу. В кружку с молоком набросали мух и ждали моей реакции на проделку. Я ругаться не стал, хлебной коркой выловил мух и спокойно выпил молоко. Подобных шуток больше не было.

Две недели пролетели быстро. Автобус привез девятиклассников из мытищинских школ, а мы, гордые выполненным заданием, вернулись домой. Первая самостоятельная и нужная работа нас сплотила, и это был первый шаг к трудовой жизни.

Геннадий Смирнов

Музеи

Наиболее яркое мое восприятие прекрасного связано с музеями. В мытищинских школах регулярно организовывались экскурсии в Третьяковскую галерею, Исторический музей, Музей реконструкции Москвы, Музей народов Востока и

другие. В Музее Революции открылась выставка подарков Сталину, где было показано множество предметов, преподнесенных вождем к его семидесятилетию.

Запомнились вереницы ваз с портретами вождей и видами Москвы, ковры всех цветов и оттенков

1, 2. Поля мытищинского колхоза
«Соревнование». Уборка урожая.
Конец 1940–х годов".

*На месте земель колхоза построены кварталы
Новых Мытищ*

(преобладали красные революционные тона) с вытканными портретами Сталина. На восточных коврах вождь выглядел узбеком или таджиком. Почему – то каждый народ наделял его своими чертами. Очень интересны были подарки из Китая. Особенно вызывало восхищение изделие из кости, где внутри шара было вырезано еще несколько десятков шаров. Наверное, все школьники Москвы и Подмоскovie должны были посетить эту выставку.

В первые годы правления Хрущева Германии возвращались картины из Дрезденской галереи. Отреставрированные полотна выставлены на летние месяцы в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Очереди на просмотр

выстраивались громадные. Мы с тетушкой поехали в одно из воскресений на первой электричке. Простояли несколько часов и попали в царство живописи. Потрясало обилие полотен, так не похожих на русскую живопись Третьяковки.

До сих пор перед глазами натюрморты старых голландских мастеров, удивительный мир портретов людей, давно ушедших, но продолжающих глядеть на нас с потрескавшихся полотен. Уже в зрелые годы я приобрел альбом с репродукциями картин «Дрезденки» и, перелистывая его каждый раз, возвращаюсь в далекий мир отрочества, когда первые встречи с прекрасным дарили красоту, показывали иной мир.

Теннадий Смирнов

Первый учитель

В жизни мне посчастливилось быть знакомым с людьми, от которых всегда веяло теплом. Одним из них был мой первый учитель Павел Алексеевич Свободин. Он преподавал в Ядреевской начальной школе, но познакомился я с ним за два года до того, как пошел в первый класс.

Темным октябрьским вечером наш отец подшивал валенки, а брат Вова за столом у окна делал домашние уроки. Неожиданно в дверь постучали, и в комнату вошел человек среднего роста, с несколько скуластым лицом и прищуренными внимательными глазами. На вид ему было лет шестьдесят. На нем была темная кепка, серое осеннее пальто и высокие черные ботинки. Он снял головной убор, пригладил редкую челку и представился: «Свободин Павел Алексеевич, учитель вашего сына», – и указал отцу на брата.

Отец быстро встал, отложил валенок и подставил учителю табурет, но тот не сел, а, расстегнув пуговицы пальто, протянул руку отцу и сказал:

– Ваш Володя два дня не был в школе. Вы знаете об этом?

Отец в растерянности взглянул на брата, который стоял у окна и комкал занавеску.

– Павел Алексеевич, я не в курсе.

– Володя, где ты был эти дни? – спросил учитель.

У брата сморщилось лицо, и потекли слезы.

– Я с Николаенко играл в лесу, – ответил он.

– Ваш Володя – способный мальчик, особенно в математике, – тихо сказал учитель. – Николаенко – обалдуй и бездарь. Он второй год ходит в четвертый класс. К его родителям я не пойду, так как мои старания оказываются бесплодными. Я специально выбрал время, чтобы встретиться с вами и поговорить о судьбе Володи. Мы победили в страшной войне, наступило время обустроить страну, государству нужны грамотные люди, недоучкам будет трудно в будущем.

Отец молча смотрел то на учителя, то на сына, и по его лицу можно было понять, как он глубоко переживал случившееся.

– Володя, – сказал Павел Алексеевич, – я думаю, мне не придется больше приходить к вам с подобным вопросом.

Я взглянул на брата, тот стоял с заплаканными глазами, опустив голову. Учитель застегнул пальто, надел кепку и пошел к выходу. Отец проводил его до крыльца. Павел Алексеевич подал ему руку:

1. Начальная школа в деревне Ядреево. 1935 год"

2. Мытищи. Здание школы № 16. 1958 год.
Из архива Ю.Н. Баронкина

Керосинка

Агрегат с таким названием был своеобразной визитной карточкой довоенного, да и послевоенного быта. На керосинках готовили еду, кипятили воду для стирки белья и помывки детей, некоторые умельцы даже ухитрялись на ней гнать самогон. Были еще примусы, дававшие более сильное пламя, но они требовали постоянного присмотра из-за взрывоопасности. В послевоенное время появились новые, более современные нагреватели – керогазы, но вытеснить керосинки им полностью не удалось.

ректор школы Евгений Данилович Киселев сказал:

– Павел Алексеевич – это наша честь и совесть, это корни нашего педагогического дерева, от которого растут ветви его последователей.

Старый учитель положительно повлиял на своих земляков в Ядрееве, где и по сей день работает династия учителей Марыженковых, а до недавнего времени работала учительницей его сноха Александра Алексеевна.

В Ядреевской школе, где Павел Алексеевич был директором и учителем, я уже не учился, но хорошо помню то здание. Тесаный сруб был двухэтажным. На первом этаже всего два класса, а на втором жил Павел Алексеевич с женой, тоже учительницей, Александрой Тимофеевной и сыном Толей.

В его доме царила доброта. Своим трудом старый учитель вносил свой скромный вклад в дело государственной важности. Что руководило им? Павел Алексеевич не был членом партии. Он полностью отдавался своему любимому делу и действовал по завету великого русского педагога Ушинского: «Ученик не сосуд, который надо набить знаниями, а факел, который надо зажечь». Павел Алексеевич зажигал этот факел, и мы, учившиеся у него, помним его труд и через годы преклоняемся перед ним.

Виктор Юматовский

1. Новые Мытищи. Улица Мира. Вид на дома № 13/11 и № 13/12. 1950–е годы.

Из архива Т.В. Листовской

2. Новые Мытищи. Улица Мира. Дом № 6. 1950–е годы.

Из архива Т.В. Листовской

**ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ ОТКРЫТ! ВЕЛИКИЙ ТРИУМФ ПЕРЕДОВОЙ
СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ! ПЕРВЫЙ
В МИРЕ ИСКУССТВЕННЫЙ СПУТНИК ЗЕМЛИ! ЗА ПЕРВЫМ –
ВТОРОЙ! ВСЬ МИР ВОСХИЩАЕТСЯ ВЕЛИЧАЙШИМ
ДОСТИЖЕНИЕМ СОВЕТСКОЙ НАУКИ!**

деленному расписанию ездила машина с цистерной, где тоже можно было купить горючее.

Заготовка керосина входила в обязанность детей. В летнее время можно было встретить знакомых одноклассников, договориться о футбольных встречах, да и так поболтать о своих детских проблемах.

Керосин разливался в любые емкости, но у всех были специальные жестяные бидоны емкостью от полутора до пяти литров и более. Самые ходовые были трехлитровые – двухнедельный запас. Всеобщую зависть вызывали плоские двадцатилитровые канистры от американских машин «студебеккер» и «додж».

Внутри лавки было всегда прохладно. Там можно было купить фитили, свечи, синьку, соду и еще всякую всячину, именуемую «москательные

товары». Продавец качал керосин из емкости, надежно укрытой под землей, ручной насос подавал жидкость в глубокий прямоугольный поддон. Керосинщик ловко орудовал черпаком на длинной ручке. Емкость черпака один литр. Был еще один, маленький, на пол-литра. В наборе имелись металлические воронки различного диаметра. Очередь продвигалась быстро, выйдя на поверхность, считалось хорошим тоном помочь знакомым девочкам донести бидоны поближе к дому.

Пожарная безопасность керосиновых лавок соблюдалась неукоснительно, известен всего один случай, когда произошел взрыв в подвале в Тайнинке. Тогда погиб продавец и получили травмы покупатели. Сегодня керосинки и лавки – это уже далекое прошлое 30–50-х годов.

Геннадий Смирнов

Вспоминая детство

Окончание

Центром культуры был клуб ММЗ, куда мы часто ходили в кино. Особенно помню фильм «Падение Берлина», когда весь зал в едином порыве радовался окончанию войны на экране и хором скандировал: «Ура!». Но кроме зрительного зала в клубе была заводская библиотека, куда мы стремились записаться. Там было много книг, но принимали детей рабочих завода и тех, у кого уже были паспорта. А уж если записался, то мог получить, как нам казалось, практически любую книгу, а кроме того, и

совет милых библиотекарей, искренне заинтересованных в помощи нам, школьникам. В клубе ММЗ было много кружков и секций, все – бесплатные. Мне на всю жизнь запомнился сбор накануне Дня Победы в начале 50-х годов, на который были приглашены мать Зои и Шуры Космодемьянских Любовь Тимофеевна; сын писателя Аркадия Гайдара контр-адмирал Тимур Гайдар и легендарный летчик Алексей Маресьев. Я была председателем совета дружины школы и сидела в президиуме рядом с Любовью Тимофеевной, помню, как она гло-

1

2

1. Тайнинка. 1953 год.
*Второй справа – конструктор
космических кораблей, житель
Тайнинки О.Г. Ивановский*

2. В Летнем саду ММЗ.
1955 год.
*На втором плане здание летнего
театра*

тала слезы и таблетки, вспоминая своих погибших детей. А зал ликовал: такие люди – наши гости!

Добрый словом вспоминаю послевоенный стадион «Торпедо», откуда зимой доносилась зажигательная музыка и призывала брать в руки коньки и идти туда, где было весело и интересно. Единственный в городе каток был переполнен в любую погоду. Раздевалка, буфет с пирожками и чаем – все очень скромно, но нам и не надо было ничего больше. Из-за большого количества учащихся в школе № 2 наш класс перевели в школу № 3, где я окончила семь классов. Это была типичная семилетняя сельская школа, где в классах топились печки, сидели по три человека за партой, спортивного зала не было. Но тем не менее школу мы любили. Милые учителя, особенно Анна Сергеевна Перминова, Антонина Сергеевна Сазонова и Зинаида Васильевна Исаева.

Когда нас в восьмой класс приняла средняя школа № 2, она нам казалась великолепной. Со всем недавно я была в этом здании, меня пригласили на открытие музея в медучилище, и былого

величия уже не ощущалось, но сердце екнуло – я встретила со своим детством.

Глядя на школьные фотографии тех лет, помню бедность одежды, большую наполняемость классов, человек по 40. Учились в три смены, уходили из школы с неохотой из-за кружков, секций, дополнительных занятий для сильных учащихся. Михаил Георгиевич Функ. Он вел у нас уроки логики и психологии. И я помню, как, рассуждая о будущем каждой из девочек, мне он сказал: «Знаешь, Таня, судя по твоему носу, ты в 20 лет выйдешь замуж». И точно. В понедельник мне исполнилось 20, а в пятницу на этой же неделе у меня была свадьба. С мужем мы прожили почти 50 лет.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней. Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений». Эти слова Льва Толстого как нельзя лучше подходят и к моим воспоминаниям.

Татьяна Лямбихарева

«Пятачки»

Так прозвали неформальные танцплощадки, что появились повсеместно в начале 50-х годов. Подобные самодеятельные танцы существовали и до войны. Танцевали под патефон, приглашали баянистов. Послевоенное возрождение танцевальных традиций несколько затянулось, но все же в Перловке, Строителе, Тайнинке, говоря оруджавским слогом, «пары танцевали, пыля» три раза в неделю, а иногда и чаще под хрипящие звуки радиолы. В летнее время и до поздней осени в Перловке на улице К. Цеткин, почти на том же самом месте, где был «пяточок» до войны, под фонарь приносили стол, на него ставили радиолу и крутили пластинки на полную мощность динамиков.

Мелодии звучали разнообразные. Послевоенные трофеи состояли из патефонных пластинок запрещенного Петра Лещенко и других эмигрантов. Появились блатные и полублатные

записи «на ребрах»: пленки-пластинки на рентгенограммах. На перловском «пяточке» собиралась молодежь со всех окрестных мест. Здесь знакомились, «выясняли отношения», отойдя в сторону, чтобы не мешать общему веселью.

К посещению танцев готовились заранее и очень тщательно. Брюки чистили и гладили, надевали свежие рубашки. Подростая молодежь иногда донашивала отцовские костюмы или материнские довоенные платья. Брызгались одеколоном «Тройной» или «Кармен». Подростки приходили в легких тапочках, и некоторые любители танцев протирали подметки до дыр. Ребята постарше для шика в яркие папиросные коробки «Казбек» или «Друг» клали более дешевое курево. Поздно вечером группками и парами танцоры расходились. Процесс провожания подруг до ближайшей платформы или до дома входил в обязательный ритуал.

Денис Смирнов

Новые Мытищи. День открытия городского парка. 1957 год

Мыльщи. Улицы нашего детства

Новые Мытищи. День открытия городского парка. 1957 год

Золотые шары Шараповки

Какая же ты была, Шараповка, раньше? С одной стороны – грязная и неприглядная. Несколько длинных барачков да небольших частных домиков. Ну а с другой?

Шараповцы считали мостовые и тротуары незаконным сопротивлением природе. Строились по старинке раскидисто и бестолково, вкось и вкривь, стараясь жить каждый своим домом. Держали коров, свиней, кур. Улицы и переделки были общественным пастбищем. Но это и объединяло людей. Внутри деревни случаев воровства или иных «антисоциальных проявлений» не фиксировалось, хотя мытищинское жулье и хулиганье шло из Шараповки. «Шараповские» верховодили в летнем парке, зимой главенствовали на танцах в клубе ММЗ. Даже в Москве ходили разные слухи о шараповских бандитах.

Но еще славилась наша Шараповка своими бондарями. Правда, мыкались они с реализацией продукции по окрестным и дальним «городам и весям» и исхитрялись продавать все. Да и качество кадушек и ушатов было отменное.

Умели здесь выращивать и квасить капусту. А секрет был прост – удобрение из выгребных ям. Канализация в Мытищах еще не везде была центральной. После войны на Мытищинском, Перловском, да и других рынках продавалась капуста в основном шараповская.

На Шараповке еще была одна достопримечательность – малюсенький магазинчик, где в любое время суток можно было купить прекрасное вино под названием «Черемуховое». Привозилось оно из города Переславль Залесский. Сейчас его кроме старожилов никто и не помнит.

Шараповка, Шараповка! Какой я тебя помню? Летом для ребят была самая прибыльная пора. Ядреевский лес! Лето! Кроме ягод и грибов в это время года собирали лесные травы,

коренья, березовые почки. Все это сушилось и сдавалось в мытищинскую или перловскую аптеки. Рвали и сушили дубовые листья для соления, а хрен пышно рос во всех огородах. Гурьбой бегали купаться на Яuzu. Мы были детьми – птицами, детьми чистой воды и прозрачного воздуха. Купались с особым душевным трепетом: окунемся разок – другой – и на берег. Пугали нас разными страшилками про живую траву, что враз опутает руки и ноги и утащит на дно, про живой волос, будто бы впивающийся в кожу, про щук с бревно, что заплывают из яузских болот Лосинового острова.

По утрам в окно стучали голуби, а в палисадниках почти у всех росли золотые шары – самые неприхотливые цветы, но очень радостные, солнечные.

Прошли годы. И вот я иду знакомой мне дорогой. Причин для грусти нет, но как-то незаметно в мою душу вошло щемящее чувство. Где ты, моя малая родина? Некогда зеленая шараповская земля со своими тропинками, проселочными дорогами ушла навсегда. Кругом высотные дома, они стоят на самой груди моей Яузы.

Бабушка сидит на лавочке возле многоэтажки. Присаживаюсь рядом и завожу разговор о житье-бытье. Вспоминаем старую Шараповку. Теперь не то. Старушка жалуется, встретив участие со стороны земляка. И продолжает: «Не так давно пришлось мне побывать далеко, около города Котласа. И там, на станции, встретила нашего, шараповского. Он осел давно в тех местах. Вспомнили молодость. Нет, говорю, нашей деревни. И золотых шаров в палисадниках нет. Один асфальт».

Неумолимо бежит время. Меняются поколения, меняется наш город. Но очень хочется, чтобы во дворах вновь расцвели золотые шары как символ преемственности поколений.

Юрий Баронкин

1, 2. Река Яуза около деревни Шарاپово. 1956 год.
Снимки сделаны с правого берега реки

**К 7 НОЯБРЯ – 1 МИЛЛИОН 350 ТЫСЯЧ КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ
ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ!**

**НЕ ЖДИ, ЧТОБ ДОБРЫЙ ДЯДЯ ВСЕ СДЕЛАЛ ЗА ТЕБЯ.
УМЕЙ С РАБОТОЙ ПАДИТЬ, РАЗЛИЧНЫЙ ТРУД ЛЮБЯ**

Старые дачи

Прошло много лет, а я и сейчас помню встречи, беседы со старожилом Перловки Юрием Павловичем. Жаль, что тогда в школе не было предмета по истории края. Вот мы садимся на зеленой полянке, на улице Железнодорожной, подходят еще мальчишки, и Юрий Павлович начинает неторопливый рассказ о городе, о некогда полноводной Яузе, где по преданиям водились речные жемчужные раковины – «перлы», о древней Тайнинке с ее богатейшей историей. От него мы впервые узнали, что название города произошло от слова «мыт», означавшего сбор налогов за провоз товара при волоке, а Перловка – не крупа, а имя крупного чаоторговца Василия Перлова. Нам казалось, что о Перловых и Перловке он знал все. Даже не верилось, что наш поселок вырос среди мачтовых сосен за какие-то полгода. По весне 1885 года, когда по Яузе отшумел ледоход, между железной дорогой и Ярославским шоссе застучали топора десятка плотницких артелей. Всколыхнулась лесная голь перекатная, и для нее нашлась работа – лес валить, пни корчевать. А вот дачу построить и резьбой украсить, чтобы одна на другую не походила, – для этого истинное мастерство надобно. Перлов щедро платил, но и спрашивал строго. Около сотни дач свободно разместились в сосновом бору, где воздух особенно целебен и так ценен для городского жителя. Но дачная жизнь не каждому была по карману. Только люди состоятельные могли себе позволить такой отдых на все лето.

Жила на даче в Перловке семья профессора Бугаева с сыном (поэтом Андреем Белым). Отец нашего рассказчика Павел, мастер, резчик по дереву женился на женщине, работавшей няней в профессорской семье. Так Юрий Павлович Иванов стал коренным перловчанином, чем очень гордился.

Знал Юрий Павлович про каждый дом, как распродавались дачи частным владельцам, как строились новые, более красивые и богатые.

Многие годы в Перловке прожила правнучка Римского-Корсакова, владели дачами родственники основателя Вагонного завода А. Бари.

Впоследствии через десяток лет при встрече Юрий Павлович поведал мне о том, что последние годы жил в Перловке бывший московский генерал-губернатор, а потом шеф жандармов генерал В.Ф. Джунковский. Он на свои деньги выкупил землю на Бородинском поле и создал музей. А еще он прославился тем, что запретил вербовать осведомителей в учебных заведениях. В 1938 году престарелого генерала арестовали по доносу пьяного дворника и вскоре расстреляли.

Прошло много лет. А я с благодарностью вспоминаю то время, когда был еще жив Юрий Павлович, уже в возрасте, но с молодым сердцем романтика знаток нашей истории. Жалею, что мало общался с этим человеком, настоящим интеллигентом, хранящим в своей памяти позабытое прошлое.

Юрий Баронкин

1. «Дом Собинова»
на ул. Железнодорожной
(картина Г.Б. Смирнова)

2. Дом по улице 1-я Вокзальная.
В этом доме жила известная
балерина Гольберг. Дома, как
люди. Уходят старые – появляются
новые. Дом сохранился только на
фотографии.

Детские игры

Детство всегда остается детством со своим восприятием действительности и играми. Война и общая малоустроенность, несомненно, наложили свой отпечаток на жизнь подмосковной детворы. Все мало-мальски пригодные для выращивания овощей кусочки земли были приспособлены под огороды, и только с конца сороковых годов картофельные участки с улиц частично убрали, и освободилось место для игр. Мальчишки и девчонки играли в войну, «казаков-разбойников». Были и традиционные русские игры «в чижика», «12 палочек», прятки. А если появлялся мячик, то играли в «штандер» – мяч подбрасывался вверх, все разбегались, и водивший должен был поймать мяч и «выбить» им ближайшего игрока.

Площадок для игры в футбол было мало, но ребята всегда их находили: перекрестки улиц, полянки под высоковольтными мачтами. Мячи были большой редкостью, и владельца ценного спортивного инвентаря обхаживали и задабривали всячески. Он по желанию мог играть в команде любого возраста. Играли в основном босиком.

Обувь берегли для школы. Тапочки тоже ценились, а от футбола они разлетались очень быстро. Предварительно договаривались играть босыми или в обуви. Обутый мог легко «подковать», то есть врезать по ноге своему босоному противнику.

После появления киноленты «Тарзан» в Перловке и окрестностях мальчишки стали улюлюкать и прыгать по деревьям. С тех пор закрепилось название «тарзанка» за толстой веревкой, что подвешивалась за сук дерева. На ней можно было раскачиваться.

Были еще игры в «камешки», «ножечки», «тысячу» и множество других. «Тысяча» состояла из начертанного на земле круга с центром в 1000. В сегментах были написаны цифры от 0 до 900. Круглой биткой старались попасть в круги и набирали очки. Попадание в «0» лишало всего выигрыша.

Волейбол, баскетбол на улицах появились позже, когда мячей, хотя и кирзовых, стало больше. Но для этого необходимо было преодолеть страшную разруху, которую причинила война.

Геннадий Смирнов

Город детства моего

Мытищи меняются прямо на глазах, становятся лучше и красивее. И только память удерживает картины того города, в котором я родился и вырос. Шестьдесят лет назад все было совсем иным.

Самое высокое место называлось Грачи. Было здесь всего четыре дома, барак да ряд сараев. На Грачах жили рабочие и служащие расположенного рядом аэродрома ДОСААФ.

Не знаю точно, откуда взялось название этого места. Может быть, оттого, что здесь на березах вили гнезда грачи и галки, по утрам оглашавшие окрестности своим криком. А может быть, строения казались похожими на сидящих грачей.

Там, где сейчас находится пересыльный пункт почты, были воинская часть и многочисленные мачты радиоперехватчиков. Соседствующий с Грачами аэродром был основан еще до

1

1. Дружба. 2-я Парковая улица. Дети у автомобиля «Победа». 1957 год. Из семейного архива Е.П. Шаповаловой

2. Дружба. Дети 2-й Парковой улицы. 1950-е годы. Из семейного архива Е.П. Шаповаловой

2

войны. Учебные самолеты У-2, ЯК-12, АН-2 удивляли местных жителей. В небе постоянно «висли» парашютисты и планеристы, восторгая нас, мальчишек. Над аэродромом гордо возвышался флюгер бело-красного цвета.

Ниже Грачей, там, где сейчас находится Дом быта, было два глубоких окопа. Здесь в войну стояли зенитные орудия, прикрывавшие платформу Тайнинская. Аэродром во время войны пустовал и, по-видимому, являлся запасной площадкой для наших самолетов. По свидетельству жителей, иногда здесь садились разбитые советские машины.

Школа № 6 тогда только строилась. В котловане виднелся красный кирпичный фундамент. Далее располагался рабочий поселок МПЗ с домами финского типа. На площади, где стоит обелиск, находились хозяйственные постройки. Здесь жила семья Сенчуков. Вверху, на улице Мира, раскинулся целый городок трофейных немецких вагонов. Здесь жили рабочие строительных организаций системы МПС. Это они заложили школу № 43 (ныне № 8) и жилой квартал между улицами Летной и Матросова.

Напротив главного входа в парк стоит здание – это одно из первых послевоенных строений, возведенных пленными немцами.

В районе улиц Крупской и Колпакова теснились различного типа бараки, соседствовавшие с деревней Ядреево, где были начальная школа и клуб. За деревней размещались воинские части. Солдаты на вечерней прогулке тешили жителей строевыми песнями. Иногда зимой зенитный полк выводил свои орудия на полевые занятия. Длинная колонна тракторов и автомашин заполняла место, где до недавнего времени был магазин «Детский мир».

За парк местные золотари на лошадях с бочками свозили отходы выгребных ям. Парк был еще совсем молодым. Через его центр от Шарапова поля до станции Мытищи мимо завода «Электросчетчик» пролегла дорожка, по которой жители ходили на работу. Знаменита она была тем, что по вечерам, особенно осенью, в районе деревни Шарапово у пруда шалили «лихие» люди. Криминальная обстановка в то

время была сложная. С удовольствием называю фамилии людей, честно исполнявших свой милицейский долг. Это участковые уполномоченные И. Савкин, М. Коробченко, оперативник В. Караблин.

Нельзя не отметить еще одно явление того времени. Регулярно по вечерам за парком раздавался яростный треск, и на дороге появлялась колонна легких и средних артиллерийских тягачей. Это опробовались машины, только что изготовленные на Вагонном заводе. Тягачи, разбрызгивая грязь и искры из глушителей, с ревом проносились по маршруту село Тайнинское – деревня Волково – конец Ядреева и поворачивали обратно. По их появлению мы иногда проверяли время, как и по гудку завода, оповещавшему о начале и окончании рабочего дня.

Там, где сейчас стоит храм Рождества Христова, раньше пролегла улица Садовая. По ней мимо Летнего парка проходила дорога в промышленную зону города. Как мы все радовались, когда в начале пятидесятых по этой дороге пошли красно-желтые автобусы ЗИС.

В стенах находившегося рядом завода художественного литья изготавливали скульптуры Юрия Долгорукого (Москва), Салавата Юлаева (Уфа), Чапаева (Уральск). Я имел честь видеть их еще в рабочем состоянии на заводе.

Уносит время мытищинских ребят послевоенной поры. Здесь ничего не поделаешь, но остается в памяти навсегда место, где мы родились и выросли. За свою жизнь я посетил много красивых городов, но только здесь, в Мытищах, я могу дотронуться до своего детства.

Виктор Колумский

1

1. Новые Мытищи. Улица Мира. 1950–е годы

2. Новые Мытищи. Улица Матросова. 1950–е годы

2

УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ СИСТЕМУ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ!

**НАСТОЙЧИВО ВНЕДРЯЙТЕ НОВУЮ ТЕХНИКУ! УЛУЧШАЙТЕ
ОРГАНИЗАЦИЮ ПРОИЗВОДСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЙТЕ РИТМИЧНУЮ
РАБОТУ ПРЕДПРИЯТИЙ, УКРЕПЛЯЙТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ
ДИСЦИПЛИНУ ТРУДА!**

Школа

Мало кто знает, что средняя школа № 6, которая соседствует с администрацией города, берет свое начало от школы под таким же номером в деревне Шарапово. Новое здание построили на фундаменте дома, строительство которого остановила война.

Открыли школу в сентябре 1958 года. Возглавила ее бывший работник РОНО Галина Ивановна Касякина. Благодаря помощи шефов – коллектива Мытищинского машиностроительного завода – удалось создать прекрасную по тем временам учебно-материальную базу. Имелись кабинеты биологии, физики, химии. В подвалах здания были установлены металлообрабатывающие станки, оборудованы слесарная мастерская и столярный класс. В гараже стояли три автомобиля, на которых старшекласники обучались автоделу.

Педагогический состав собрался очень профессиональный. В холле третьего этажа висела картина, на которой были изображены два пионера, отдающие салют на фоне Красного знамени. Эту картину маслом написал учитель рисования и черчения, любитель голубей Валентин Яковлевич Кирьянов. Я же расскажу только об одном человеке, который участвовал в моем воспитании четыре года.

Анна Ивановна Журавлева – мой классный руководитель и учитель русского языка и литературы. Ей в то время было примерно около

сорока лет. Это была высокая статная женщина с волевым лицом и слегка приподнятыми бровями. Одевалась она, как и все учителя тех лет, в темный костюм с обязательным светлым отложным воротником. Кстати сказать, ученики в то время носили форму: коричневое платье с черным фартуком у девочек, у мальчиков полувоенная форма цвета маренго, подпоясанная лаковым ремнем с медной пряжкой.

Я не знаю, как себя вели классные руководители других классов, но рабочий день Анны Ивановны начинался с воспитательного процесса. Утром, получив информацию о наших похождениях и накачку от руководства, она резко входила в класс, не здороваясь, с ходу бросала учебный журнал на стол и далеко не педагогическим тоном критиковала наше поведение.

После нескольких минут такого выступления она брала себя в руки и начинала урок. Когда Анна Ивановна преподавала, мы обо всем забывали и погружались в «характеристики художественных произведений». Она умело воссоздавала душевные терзания Чацкого, эгоизм Печорина, трагическую судьбу Григория Мелехова и патриотизм Тараса Бульбы. Благодаря Анне Ивановне я до сих пор помню из школьной программы стихи Пушкина, Лермонтова и Маяковского.

Классный руководитель Журавлева была строга, но по ее предмету редко кто получал плохую отметку. Она не практиковала вызов в школу роди-

Новые Мытищи. Открытие школы № 6. 1 сентября 1958 года.
*Первоклассник вручает букет начальнику ОКС ММЗ, руководителю строительства школы
Василию Тимофеевичу Шаповалову. Из семейного архива Е.П. Шаповаловой*

телей, обходилась своими средствами. Когда мы своими шалостями довели дело до педагогического совета, то знали, что там нас, как родная мать, защищала Анна Ивановна. У нее не было детей и мужа, жила она в маленькой комнате барака, около ДК ММЗ. Как классный руководитель активно вела внеклассную работу. Мы с ней посетили почти все достопримечательности Новых Мытищ того времени. Иногда, обойдя класс и заметив поврежденную парту, она, зная, что я любил плотничать, клала мне руку на плечо и показывала на сломанное место. После уроков я с Мишей Чавриным и Геной Хасановым шел в подвал к учителю труда Борису Ивановичу Верзилу, мы брали гвозди, обрезок доски и исправляли испорченную мебель.

Прошло много лет, мне пришлось держать вступительный экзамен по литературе в Академии МВД СССР. Одной из предложенных тем была «Роль коммунистов в строительстве новой

деревни». Вот тут и пришлось вспомнить уроки Анны Ивановны об оптимистическом романтизме Макара Нагульного и Семена Давыдова.

В конце семидесятых годов я случайно встретил Анну Ивановну в Мытищах. Поздоровавшись, я представился и заговорил с ней о нашем классе. Но, к моему разочарованию, она не смогла вспомнить ни меня, ни наш класс – таких, как мы, у нее было много. Но наш долг не забывать тех, кто отдал нам свои знания, душевность, а порой и здоровье. Только теперь, с высоты прожитых лет, мы начинаем понимать тех людей, которые открывали нам глаза, чтобы помочь познать окружающий мир.

Один из основных принципов педагогики гласит: «Учить тому, что необходимо в практической жизни». Я часто прохожу мимо нашей школы и низко кланяюсь тем, кто каждый день претворяет этот принцип в жизнь.

Виктор Юмтский

Первый прыжок

Летное поле находилось недалеко от платформы Тайнинская. На южной его стороне село Тайнинское с большим прудом и храмом. С северной стороны подпирала деревня Ядреево, с западной – деревня Волково. Шарапово поле соседствовало с аэродромом по восточной его стороне. Там в строгом порядке почти до Яузы стояли дома рабочего поселка. Я родился и жил здесь вплоть до 1960 года, когда аэродром и поселок были уничтожены наступающими стройками Новых Мытищ.

Мы, мальчишки, с интересом наблюдали за аэродромом, где с утра до темноты совершали свои полеты летчики ДОСААФ и прыгали парашютисты.

С мая до августа на аэродроме в районе нынешней улицы Щербакова разбивался палаточный лагерь. Молодые и крепкие парни в летних комбинезонах проходили сборы. В хорошую погоду летчики запускали моторы учебных самолетов. Старые У-2 и ЯК-18 тарыхтели над Мы-

тищами. Мальчишки нашего поселка забирались на крыши сараев и целыми днями смотрели, как машины поднимались в небо.

На малой высоте можно было видеть сосредоточенные лица пилотов в черных шлемах. Они иногда помахивали рукой, отвечая на наши приветствия. Эти люди в кожаных куртках, фуражках с эмблемами казались мне необыкновенными. Романтика неба с каждым днем все больше проникала в мою душу. Ночами я мечтал о том дне, когда мне посчастливится подняться в высоту и увидеть родные места с птичьего полета.

И такой день наступил. Меня вызвали в местный комитет ДОСААФ и предложили заниматься в секции парашютного спорта. Наш кружок проходил теоретический курс в школе. Основная масса курсантов были девчата с кабельного завода и группа ребят с ММЗ, среди которых был и я. Десять часов теории и практическая укладка парашюта – вот и вся подготовка.

1

1. Строительство здания по улице Мира, дом № 4. 1959–1960 годы.

Заслуженный строитель РСФСР В.А. Круглов проводит политзанятия с комплексной бригадой каменщиков СМУ-1 треста № 23

2. Перловка. 1-й Красноармейский переулок, дом № 2. Открытие магазина. 1959 год.

Из архива В.К. Чехолдиной

2

1. Новые Мытищи. Вид на улицы Военки со стороны школы № 16. 1958 год.
Фотография из архива Ю.Н. Баронкина

2. Новые Мытищи. Вид на центральную площадь. 1960 год.
Съемка проводилась с места, в настоящее время занимаемого театром «ФЭСТ».
Фотография передана в музей В.В. Симоненковым»

2

1

3. Новые Мытищи. Вид на улицу Щербакова. 1960 год.

*Справа пятиэтажный дом № 6 по улице Щербакова, слева вдали дом № 23 по Новомытищинскому проспекту.
Фотография передана в музей В.В. Симоненковым*

3

В феврале 1962 года по требованию комитета ДОСААФ мне выписали командировочное удостоверение в Коломну, где мытищинские парашютисты арендовали учебный аэродром.

Ночь я почти не спал. В голову лезли разные мысли: вспоминал дом, маму, друзей, но отступить уже было некуда. Утром – первый прыжок.

На летной площадке мы увидели два самолета ЯК–12. По тем временам эти машины были очень надежными. Подали команду надеть парашюты, но я так разволновался, что забыл, как это делать. Две девушки, Маня и Тамара, помогли мне влезть в подвесную систему.

Пилот в унтах, теплой куртке и меховых крагах форсировал двигатель. Я следил за работой летчика и не сразу заметил, что оторвались от земли. На высоте пятьсот метров машина, заваливаясь на правое крыло, стала делать разворот, и через проем снятой двери я увидел излучину Оки, старый разрушенный красно–белый монастырь, цеха тепловозостроительного завода у станции Голутвино. Мне предстояло вернуться на землю с помощью куска материи в 80 квадратных метров, к которому я был прикреплен 28 стропами.

Карабин вытяжной веревки зацеплен за красную перекладину в кабине, руки сложены на запасном парашюте, сердце замерло. Высотомер показывает 950 метров, жду команду пилота–инструктора. Несмотря на то что я одет в меховую куртку и валенки, чувствую, что мерзну. Мой сосед опустил голову и закрыл глаза.

Инструктор покачивает головой и слегка толкает меня в ранец. Закрыв глаза, я чувствую сильный поток воздуха от винта и, разжав пальцы рук, проваливаюсь под стабилизатор самолета.

За спиной в ранце ощущается движение, и сильная встряска динамического удара приводит меня в чувство. Открываю глаза и вижу, как самолет уходит резко вверх. Подтягиваясь на лямках, удобно устраиваюсь в подвесной системе и, развернувшись по ветру, жду встречи с землей. Ударяюсь о нее ступнями, падаю на грудь, и на запасном парашюте купол протаскивает меня метров 15. Вот и все. Я на земле. Сбросив в сумку парашют, я зашагал к сборному пункту.

Потом я прыгал с парашютом еще 41 раз, три года служил в войсках специального назначения. Все, о чем я мечтал в далеком детстве, свершилось.

Виктор Колуметский

Сентиментальный рассказ

Он не помнил, по какой причине оказался на платформе Перловская. Там среди стоящих пассажиров он и увидел знакомую фигуру, ее лицо. Она смотрела в сторону улицы Вокзальной, где сорок с лишним лет назад они познакомились. Ее некогда волнистые темно–русые волосы стали прямыми и серыми с седым отливом. Рядом с ней стояла девочка лет двенадцати. Вероятнее всего, это была ее внучка. На мгновение она повернулась к нему лицом, и ему показалось, что его узнали. От волнения он подался вперед. Но нет, это она повернулась на звук подходящей электрички.

Через всю жизнь он пронес память о ней с трепетом и волнением.

Весна 1964 года была на редкость теплой, он ехал на велосипеде и здесь, на перекрестке Вокзальной и Семашко, встретил ее. Цепь ее велосипеда соскочила с ведущей звездочки и заплелась в спицах колеса. Так они познакомились. Он работал на заводе и учился в школе рабочей молодежи, а она в девятом классе школы № 5. В этом году ему предстояло призываться в армию и покинуть город на три года. Встречались они у ее дома. Дом был деревянный, с двумя подъездами и соседствовал со зданием универмага. Такого типа здания сохранились у платформы Тарасовская и станции Болшево. Они часто ходили в универмаг,

1

1. Тайнинка. У дома № 8 по Яузской улице. Июль 1960 года.
Из архива Т.Я. Сорокиной

2. Тайнинка. Пионерская улица. 1965 год.
Из архива Т.Я. Сорокиной

2

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК – ПОКОРИТЕЛЬ КОСМОСА!

**СЛАВА СОВЕТСКИМ УЧЕНЫМ, КОНСТРУКТОРАМ,
ИНЖЕНЕРАМ, ТЕХНИКАМ И РАБОЧИМ –
ПОКОРИТЕЛЯМ КОСМОСА!**

поднимаясь по крутой деревянной лестнице с дубовыми перилами. Знаменит универмаг был тем, что стена отдела головных уборов была расписана маслом. Художник, подражая Васнецову, изобразил Ивана–Царевича на сером волке, держащим в объятиях прекрасную царевну. Они часто любовались этой картиной. Территория универмага была обнесена высоким деревянным забором синего цвета. Дальше их путь пролегал к железнодорожной платформе. Она была деревянной, зал ожидания – коричневого цвета с маленькими окнами. Рядом приютилась парикмахерская с деревянным мостиком, а за ней – рубленое здание вечерней школы. У северной стороны платформы располагалось уникальное сооружение – цельнобетонный погреб с полукруглым колпаком, сделанный на редкость качественно. Далее по улице Селезнева стояли рубленые дома синего и зеленого цвета с рядами сараев и гаражей. Вдоль железной дороги вросли в землю два бетонных дота, установленных в суровые годы войны. Далее была школа, где она училась, обнесенная деревянным штакетником между кирпичных колонн. Вход в школу украшали два цементных шара, покрашенных в синий цвет. Знаменито то место было тем, что школьники здесь разбивали большую цветочную клумбу. Дальше находилось жилое здание желтого цвета – перестроенная церковь. Она не дошла до наших дней. Справа от нее, как оазис среди серых построек, стоял кинотеатр, напоминающий своим обликом манежный зал в Москве. Всегда окрашенный в светлые тона, с портиком и колоннами, он сильно отличался от

других строений. Перед кинотеатром был разбит сквер с еще совсем молодыми деревьями и скамейками. Купив билет, зритель попадал прямо в зал с покатым и скрипящим полом. Через дорогу от кинотеатра стояли корпуса института имени Эрисмана. Они часто бродили по узким улочкам вдоль его ограды. Решетка была изготовлена из крепких металлических прутьев с дюралевыми наконечниками. Фрагменты этой ограды еще дошли до наших дней. Институт в то время больше напоминал отдельную дачу, а не научное учреждение. Там, на высоком берегу Яузы, они любовались закатом, который затапливал село Тайнинское и деревню Волково.

Поздно вечером он провожал ее до дома тем же путем. Так они встречались до сентября, когда его призвали в армию. Нет, она не клялась его любить вечно. При расставании на вопросительный взгляд сказала просто: «Время покажет». Через восемь месяцев переписки он получил короткое письмо: «Выхожу замуж, прости».

После встречи на платформе он прошел тем же маршрутом, которым ходил к ней на свидание. Встав на мосту через Язу, он долго смотрел на левый берег. Там еще сохранились дома и строения, помнившие их встречи. Там, на левом берегу, осталось его воспоминание о первой любви. Но в прошлом оставаться невозможно, и он, проживший 60 лет, решительно шагнул на правый берег. Туда, где была его настоящая жизнь, испытанная временем семья и внук. На правом берегу раскинулся город, где он прожил свои зрелые годы, не забывая о прошлом.

Виктор Колуметский

1

1. Тайнинка. Закладка детского парка. 1958 год"

2. Боевая тревога МПВО. Школа № 11. 1958 год".

Современный адрес здания – улица Фрунзе, дом № 11

2

**ВСЬ МИР ВОСХИЩЕН! В КОСМОСЕ СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА!
КОРАБЛЬ «ВОСТОК-6» ПИЛОТИРУЕТ ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА**

**СЛАВА НАШЕМУ НАРОДУ – ПОКОРИТЕЛЮ ПРОСТОРОВ
ВСЕЛЕННОЙ!**

Улицы далекого детства

С особым трепетом хожу я по улицам старого города Мытищи, где кажется, из-за каждого угла глядит на меня такое далекое и такое близкое детство. Наш 1-й Староводопроводный тупик находился за заводом, между Яузой, где мы купались и ловили рыбу, и роскошным банным двором, заросшим шиповником. Здесь любили останавливаться таборы цыган, и мы проводили на этом приволье целые дни. А какая это была красивая улица! Наверное, у человека, кто поставил здесь первый дом, был неплохой вкус – сад он разбил не за ним, как обычно делалось, а впереди. Его примеру последовали другие. В результате весной и летом улица превращалась в один сплошной цветущий сад... Сегодня здесь складская территория. Ни садов, ни домов.

Для меня город – будто живое существо, вместе с нами он растет, стареет. А был он когда-то, как наше детство, – наивен, добродушен и чист. Просто небольшой провинциальный городок, где почти все всех знали. Даже в центре, у вокзала, стояли частные домики с маленькими садиками, а на главной улице весной в белые гипсовые вазы высаживали цветы.

Конечно, со времен нашего босоногого детства в Старых Мытищах многое изменилось. Центр стал более современным, на улицах деревянные дома заменили стандартными многоэтажками. Пролег Олимпийский

проспект, похоронив под асфальтом уютные Спортивные улицы. Рядом с Домом культуры ММЗ возник стеклянный небоскреб в виде стакана, и от такого соседства некогда культурный центр как минимум двух поколений наших земляков съезжился и стал походить на старичка-гнома.

Преобразилась некогда очень маленькая и грязная улица с громким названием имени Карла Маркса, где вместо приземистых частных домиков поднялись многоэтажные красавцы-дома, и только несколько строений в обрамлении садиков карабкаются на древнюю Попову горку, где вновь возвышается колокольня старинного Владимирского храма, а у его подножья широкой лентой пролегла трасса Москва–Холмогоры, ради стремительного движения поглотившая и Ярославское шоссе, и всю правую сторону бывшего села Большие Мытищи и Заречной Слободы.

С особым трепетом и с надеждой хожу я по улицам моего детства. С надеждой, что опять сюда вернутся праздники в виде современных домов, офисов, асфальта и аккуратных зеленых газонов. Новые Мытищи очень скоро исчерпают себя, и тогда деловые люди вспомнят о славном старом городе, где опустевшие улицы словно ждут, чтобы в них вдохнули новую жизнь.

Евгения Дымлова

1

1. Военка. Улица Большая Рупасовская. Челноковский пруд. 1960–е годы.

Из семейного архива Мелентьевых. Вид на дома № 15 корпус 4 и № 15 корпус 5 по Большой Рупасовской улице

2. На спортивной площадке школы № 11. 1958 год"

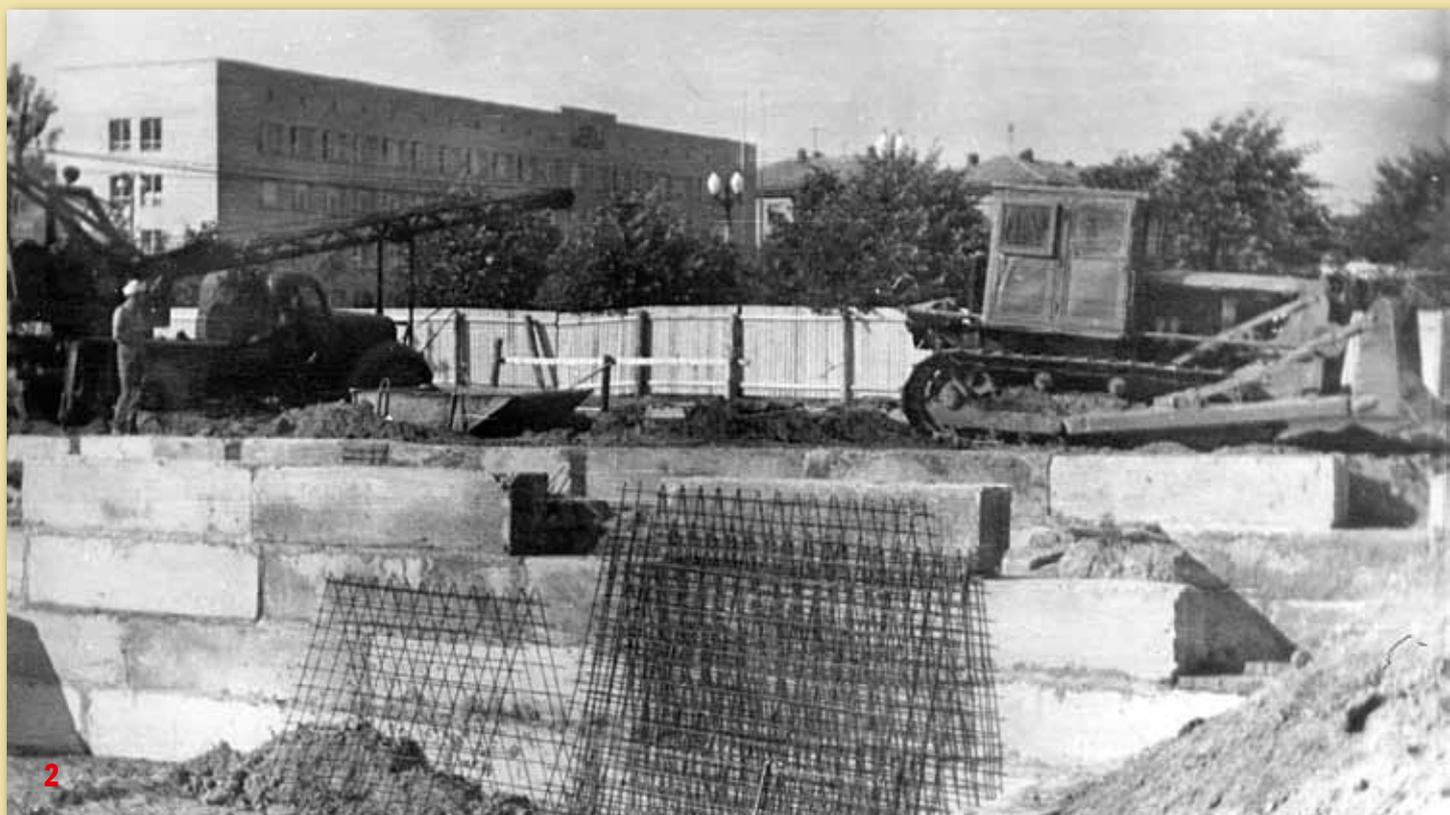

2

1. Новые Мытищи. Возведение фундамента памятника В.И. Ленину, благоустройство центральной площади города. 1960–е годы. Вид в сторону школы № 6

2. Новые Мытищи. Строительство кинотеатра «Родина». 1964 год

3. Новые Мытищи. Благоустройство центральной площади города. 1960–е годы.
Вид в сторону улицы Мира

4. На строительстве кинотеатра «Родина». 1964 год"

Об авторах

Юрий Баронкин (с голубями в руках).
Перловка, июль 1949 г.

БАРОНКИН Юрий Николаевич

Родился 10 июня 1936 г. в г. Москве. Учился в школе № 5 г. Мытищи. Получил среднее специальное образование. С 1955 по 1959 г. служил в рядах Советских Вооруженных Сил. Работал электриком в организации «Мосгорсвет», руководил фотостудией в ЦДКЖ. С 1967 г. сотрудник газет «Московский железнодорожник», «Гудок», «Строительная газета». Очерки печатались в различных литературных сборниках. С 1990 по 1996 г. – фотокорреспондент газет «Мытищи», «Родники». Член Союза журналистов СССР.

ДЫМОВА Евгения Александровна

Родилась 5 октября 1939 г. в г. Мытищи. После окончания средней школы № 11 в 1957 г. пришла работать в Мытищинскую типографию, где освоила специальности наборщицы, линотипистки. Окончив в 1961 г. полиграфический техникум, переведена на должность корректора в районной газете «За коммунизм», ныне «Родники». Получив высшее образование в по-

Евгения Дымова – третья слева в третьем ряду

лиграфическом институте, с 1964 по 1997 г. работала в той же газете литсотрудником, спецкором, редактором отдела писем и городского хозяйства. Ныне занимается педагогической деятельностью. Член Союза журналистов с 1968 г., лауреат многих журналистских конкурсов, награждена грамотами, дипломами и медалями, имеет знак профессионального отличия «За заслуги» Союза журналистов России.

ЛИТВИНИЧЕВА (Сычева) Татьяна Афанасьевна

Родилась 19.09.1940 г. в семье рабочего и медсестры.

В 1948 г. поступила в первый класс средней школы № 2 г. Мытищи, в которую после окончания МОПИ им. Крупской пришла работать учителем русского языка и литературы.

В 1968 г. – замдиректора по воспитательной работе.

В 1974 г. – завуч школы.

В 1983 г. направлена на работу директором средней школы № 19 пос. Пироговский, где проработала 20 лет.

1985–1995 гг. – депутат Пироговского поссовета, председатель административной комиссии.

2000–2004 гг. – депутат 2-го созыва Мытищинского Совета депутатов.

Имеет двоих сыновей, четверых внуков и двух правнуков.

**Татьяна Литвиничева (в центре).
Леонидовка, 1951 г.**

СМИРНОВ Геннадий Васильевич

Родился в 1937 году в городе Мытищи. Учился в средней школе № 12, поступил в военное училище. Около 30 лет прослужил в армии. Подполковник в отставке. Окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова. После увольнения в запас работал в министерствах и ведомствах.

В настоящее время сотрудник Мытищинского историко-художественного музея. Автор нескольких книг по истории края и многих публикаций в литературных сборниках и районной газете. Лауреат литературной премии им. Д. Кедрина «Зодчий». Член Союза писателей России.

ХОМУТСКИЙ Виктор Александрович

Родился в 1945 г. в г. Мытищи. Учился в школах №№ 8, 6. С 1961 по 1964 г. работал электромонтажником на Мытищинском приборостроительном заводе, занимался парашютным спортом под руководством Героя Советского Союза Н.М. Распоповой. Совершил 50 прыжков.

С 1964 по 1967 г. служил в Группе советских войск в Германии парашютистом-разведчиком спецназа Главного разведуправления (ГРУ). После службы направлен в милицейскую школу, а после ее окончания – в Академию МВД СССР. Служил старшим инспектором боевой и служебной подготовки работников московской милиции. Подполковник внутренних войск в отставке.

По окончании службы работал в автошколе начальником гаража. Активно сотрудничает с ведомственными изданиями, мытищинской районной газетой «Родники».

**Виктор Хомутский,
1967 г.**

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

Возвращение в юность. По Старым и Новым Мытищам 4

ГЛАВА I. ПО ВОЛНАМ ПАМЯТИ 29

Мытищи 30–х годов	30
Годы и мода	32
Странички быта мытищинцев в 30–е годы XX века	36
Жакты, жировки, зарплаты	38
ОРСы и кооперация	40
История одного памятника	42
Говорит мытищинское радио	44
Школа и школьники	45
Новоселье	48
Цезарь	48
Строим сарай	50
На прогулке	50
Авиационный праздник	54
На футбол	56
За топливом	60
Первомай	62
...А парк шумел зеленою листвою	62
Петух	64
На «Пролетарку»	66

ГЛАВА II. СОРОКОВЫЕ–РОКОВЫЕ 69

Старое фото	70
Каска	72
Начало	72
Чья же ты была, Дашенька?	75
Дом	78
Топливное сражение	79
Карточки	80
Плакаты	82
Учитель–воин	86
Солдатский хлеб	88
«Полковник»	90
В эвакуации	91
Голодная зима	92
А музыка звучит...	92
«Железное» дерево	94
Второй фронт	94
Охота	96
Пирожки	97
Коза	98
Лилит	99
Проводы	100
Обмен	100
Коптилки	102

На выставке	102
Пленные	104
Вспоминая детство. Начало	106

ГЛАВА III. Я ЗНАЮ – ГОРОД БУДЕТ, Я ЗНАЮ – САДУ ЦВЕСТЬ... 109

Возвращение	110
В школу	110
По улицам Перловки	112
Паровозик	113
Книги	114
Посуда	116
Кино	116
Суп «по–французски»	118
Денежная реформа	118
Музыка прошлого	120
Миниатюра из 1947 года	122
Годы пионерские	123
Карточки за пазухой	126
На аэродром	128
Сытная работа	131
Как давно это было...	134
Соседи	134
Дорогами детства. Записки старожила	138
На боевом посту	140
На демонстрации	144
Вспоминая детство. Продолжение	146
Смерть Сталина	148
Старьевщик	150
«Кукушка». Очень личное	150
Рассекая синее пространство	152
В колхоз	154
Музеи	154
Первый учитель	156
Керосинка	158
Вспоминая детство. Окончание	160
«Пятачки»	162
Золотые шары Шараповки	166
Старые дачи	168
Детские игры	170
Город детства моего	170
Школа	174
Первый прыжок	176
Сентиментальный рассказ	180
Улицы далекого детства	184

Об авторах	188
Содержание	190
Благодарности	191

История края складывается из жизни и судеб людей, объединенных родственными узами, общностью проживания в том или ином населенном пункте, работой и многим другим. Не случайно появилось такое слово, как «земляки». Для нас слово «мытищинец» – это почти родственник, близкий человек, земляк.

Так распорядилась сама жизнь, что несколько земляков почти одновременно стали писать воспоминания о своем детстве, которое выпало на непростые военные и послевоенные годы. Происходившие эпохальные события воспринимались с детской непосредственностью, ограничиваясь улицей, поселком, городом – нашими Мытищами.

Евгения Дымова жила в Старых Мытищах, Юрий Баронкин – в Перловке, Татьяна Литвиничева – в Леонидовке, Геннадий Смирнов – на Дружбе, Виктор Хомутский – на Шарапковке.

Миниатюрные зарисовки о жизни и быте города складывались в своеобразную литературную мозаику. Многие очерки печатались в газете «Родники», в литературном альманахе «Полдень» и других изданиях. Все материалы получили благожелательные отзывы читателей.

Такой читательский интерес не мог быть не замечен администрацией города, тем более что в Мытищах уже несколько лет издается библиотека по истории города и края.

Глава городского поселения Александр Михайлович Казаков, его заместитель Николай Иванович Сапожников предложили авторам рассказов объединиться и подготовить к изданию книгу воспоминаний. Родилось название «Улицы нашего детства», потом добавилось слово «Мытищи».

Н.И. Сапожников в течение двух лет внимательно следил за творческой работой своеобразного писательского коллектива. По его рекомендации в книгу предлагалось включить фотоматериалы из собрания музея, частных семейных архивов мытищинцев. Все это дало положительные результаты. Было найдено около 200 фотографий о жизни и быте наших земляков, видов Старых и Новых Мытищ.

Авторы благодарят всех, кто помог в сборе фотоматериалов, дал добрые советы, и, конечно, особая благодарность А.М. Казакову и Н.И. Сапожникову за доброжелательность и поддержку при подготовке сборника к выпуску.

Авторы

В книге использованы иллюстративные материалы из фондов Мытищинского историко-художественного музея (помечены буквой М); из семейных архивов авторов книги Геннадия Смирнова, Юрия Баронкина, Татьяны Литвиничевой, Евгении Дымовой; личных архивов жителей города Сергея Алексеевича Ветлина, Татьяны Яковлевны Сорокиной, Натальи Александровны Шубиной, Татьяны Владимировны Листовской, Валентины Калиновны Чехолдиной, Николая Килессо, Ирины Кузьмичевой, В.Е. Березняка; из собрания Николая Прокопьевича Бажанова; из семейных архивов Бельских, Сметаниных-Мелентьевых, Шаповаловых.

Авторы выражают глубокую благодарность за поддержку в издании данной книги главе городского поселения Мытищи КАЗАКОВУ Александру Михайловичу, заместителю главы САПОЖНИКОВУ Николаю Ивановичу, генеральному директору ОАО «МЭК» МАНДРУСОВУ Дмитрию Валерьевичу, генеральному директору ОАО «Водоканал–Мытищи» КУКИНУ Владимиру Ильичу, генеральному директору ООО «ПроектСтройМонтаж» АСТАФУРОВУ Алексею Викторовичу, генеральному директору ЗАО «Стройтэкс–Мытищи» ШКАПИЧУ Антону Михайловичу

Составители
Клычникова М.А., Мелентьев Г.Ф.

Редактор
Мелентьева Т.Ю.

Корректор
Писарева М.Д.

Верстка
Мелентьев В.Г.

Художественное оформление, подбор иллюстраций
Клычникова М.А., Мелентьев Г.Ф.

Уважаемые читатели!

В книге приведены уникальные фотографии, которые хранятся в фондах Мытищинского историко–художественного музея (""), некоторые предоставлены жителями нашего города, многие из них публикуются впервые. При использовании этих материалов просим вас уважать авторские права, ссылаться на музей и данную книгу.

М95 Мытищи. Улицы нашего детства / Ю. Баронкин [и др.]; составители М. Клычникова, Г. Мелентьев. – Мытищи: ИП Мелентьева И.В., 2012. – 192 с.: ил.

ISBN 978–5–9902796–7–4

